

Учредители:

Институт географии РАН

Географический факультет

Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии Санкт-Петербургского
государственного университета

Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати РФ

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК**

Главный редактор:

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)

к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н.,
проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф.
Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Герма-
ния); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н.
(С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С.
(Москва); д.г.н., проф. Колесов В.А. (Москва); проф.
Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Мо-
сква); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н.,
проф. Пирожкин И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федо-
ров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров
В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Кали-
нинград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва);
д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Кова-
лев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Коцурев Б.И. (Мо-
сква); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потоцкая
Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Мо-
сква); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф. Смирня-
гин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь);
д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Ша-
рыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2

Смоленский гуманитарный университет

Тел.: (4812) 68-36-88

e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 14.05.13 г.

Формат 70x108¹ /₁₆. Гарнитура «Times»

Тираж 300 экз.

№ 2 (40), 2013

Отпечатано:

ООО «Универсум»

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2

Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49

e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в феврале 2001 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	4
THEORY OF REGIONAL STUDIES	4
Бочарников В.Н. Конструкт и гештальт в географии восприятия человека	4
Bocharnikov V.N. Constructs and geshtalt in perceptual geography	4
Земцов С.П. Опыт выявления и оценки потенциала инновационных кластеров (на примере отрасли «Рациональное природопользование»)	12
Zemtsov S.P. Experience of identifying and assessment of innovation clusters potential (on an example of the industry “Environmental management”)	12
Зырянов А.И. Формула места	20
Zyryanov A.I. Location formula	20
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ		25
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ	
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES	
OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA	
Дружинин А.Г. Пространственные возможности и барьеры постиндустриального развития региональной метрополии (на примере Ростова-на-Дону)	25
Druzhinin A.G. Spatial capabilities and barriers of postindustrial metropolitan regional development (the case of Rostov-on-Don)	25
Кожевникова Г.П., Шеломенцева М.В. Сравнительный анализ состояния трудовых ресурсов муниципальных образований Смоленской области	33
Kozhevnikova G.P., Shelomentseva M.V. Comparative analysis of the labour resources of the municipal entities of the Smolensk region	33
Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по показателям людности	37
Ponomareva G.A., Bubyakin V.I. Typology of the rural settlements of the Republic of Sakha (Yakutia) in population size	37
Русанова М.В. Инновационная система региона: проблемы становления и развития (на примере Смоленской области)	43
Rysanova M.V. Innovative system of the region: difficulties of formation and development (evidence from Smolensk region)	43
Степанов А.М. Классификация субъектов РФ по степени ориентированности их экономик на внешний и внутрироссийский рынки	47
Stepanov A.M. The classification of the Russian regions by orientation of their economies on foreign and domestic markets	47
Хлыпалов В.М. Региональные аспекты внешней торговли: Южный федеральный округ	51
Khlypalov V.M. Regional features of trade: southerh federal district	51
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА		57
DEVELOPMENT ISSUES OF THE WORLD ECONOMY	
Федоров Г.М. Потенциал сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике	57
Fedorov G.M. The potential for cooperation between Russia and the EU in innovation in the Baltic Sea	57
Заволокина Л.И. Состояние и перспективы внешнеэкономического сотрудничества Российской Федерации и Евросоюза	65
Zavolokina L.I. State and prospects of the foreign economic cooperation between Russia and the EU	65
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА		70
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD	
Могилевцев Д.А. Формирование портово-промышленных кластеров на территории приморских провинций КНР	70
Mogilevtsev D.A. Formation of the port and industrial clusters in the coastal provinces of China	70
Петраков А.Г. Этническая специфика миграций в Казахстане	77
Petrakov A.G. Ethnic specific migration in Kazakhstan	77

Пирожник И.И., Антипова Е.А. Пространственная структура городского расселения и характер урбанизации Беларуси в условиях глобализации	82
<i>Pirozhnik I.I., Antipova E.A.</i> Spatial structure of urban settlement and trends urbanization Belarus in conditions of globalization	82
Ридевский Г.В. Центр-периферийные процессы в расселении населения современной Беларуси	94
<i>Ridevsky G.V.</i> Center-peripheral processes in settlement of the population of modern Belarus	94
Тодиева М.В. Структурно-территориальные сдвиги в хозяйственном комплексе Республики Молдова	100
<i>Todieva M.V.</i> Structural and territorial shifts in the economic complex of the Republic of Moldova	100
Смирнова Р.Н. Вложения в человеческий капитал как ресурс регионального развития в постиндустриальную эпоху (на примере США)	107
<i>Smirnova R.N.</i> Investments in human capital as a source of regional development in post-industrial society (on the example of the United States)	107
ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT	
Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Основные социально-экономические причины отходничества крестьян Смоленской губернии во второй половине XIX в.	115
<i>Golichev V.D., Golicheva N.D.</i> Main socio-economic reasons seasonal work peasants Smolensk province in the second half of XIX century	115
Орлов А.Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации	120
<i>Orlov A. Yu.</i> Historical and geographical aspects of the transformation of ethnic structure of the Russian federation's population	120
ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	
Пилясов А.Н. По гамбургскому счету (ответ на статью П.Я. Бакланова «Продолжаем дискуссию»)	125
<i>Pilyasov A.N.</i> The Hamburg account (response to the article P.Ya. Baklanov "We continue to debate")	125
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Георгию Михайловичу Лаппо – 90 лет	135
Сведения об авторах	137
Требования к оформлению материалов	138

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бочарников В.Н. (Владивосток)

КОНСТРУКТ И ГЕШТАЛЬТ В ГЕОГРАФИИ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Bocharnikov V.N.

CONSTRUCTS AND GESHTALT IN PERCEPTUAL GEOGRAPHY

Аннотация. География восприятия развивает особую форму познания и интерпретации географических образов посредством использования конструктов и гештальтов.

Abstract. Geography of Perception develops a specific form of knowledge and interpretation of geographic images through the use of Constructs and Gestalt.

Ключевые слова: конструктивизм, гештальт, ментальные карты, восприятие, гуманитарная география.

Key words: constructivist approach, Gestalt, mental maps, perception, Human Geography.

В XX веке пришло понимание того, что в науке, несмотря на претензию на строгую рациональность, тем не менее, наблюдается много иррационального, метафорического. И как следствие, возникли и с середины прошлого века, успешно развиваются такие междисциплинарные направления, как: экология восприятия (восприятие окружающей среды), поведенческая география, психогеография, география восприятия и др. Эти сейчас хорошо известные названия-неологизмы также обозначают суть относительно новых фокусов в формирующемся исследовательской области культурной географии [1,2].

Когнитивная география (география восприятия) проявила первые признаки своего присутствия в 1966 г., когда Гулд (Gould) представил работу с объяснением уже известного термина «ментальная карта» [3]. Доунз (Downs) и Мэйр (Meyer) последовательно раскрыли суть того, что под «географией восприятия» подразумевается широкое понятийное поле в слабо дифференциированной и обширной области исследований, где ментальные карты составляют суть индивидуального проекта восприятия. В географической литературе под термином «ментальная карта» понимается и образ

окружающей среды в уме индивидуума, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире (Ф.Б. Шенк). Психология же воспринимает ментальные карты как субъективное представление человека о какой-либо части окружающего пространства [4].

Окружающий нас мир состоит из организованных форм, и это восприятие мира упорядочено человеком, более того, воспринимается некое организованное целое, а не просто сумма его частей¹. Следовательно, мы способны на отражение, и на конструирование. Принимаем все же основу, что конструкция – синоним не только теоретической интерпретации, но и осмыслиения, понимания вообще, как универсальных способов представления информации человеком.

Процессы же, ведущие к формированию мысленного представления о размещении объектов в пространстве, обусловлены когнитивными элементами, описываемыми принципами теории Келли о построении индивидуального мысленного конструкта, теории поля Левина, ментального картографирования. И тогда очевидно, что идеальный в абсолютном приближении, или мак-

¹ См. краткий обзор: Голубченко И.В. История и современные проблемы географического изучения организованности объектов // Эволюция общественно-географической мысли. Мат. межд. научн. конф. (Третья Ежегодная научная Ассамблея АРГО), СПб. 29–30 сентября 2012 г. – СПб. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 68–75.

симально эффективный, географический образ можно отождествлять с географической реальностью.

Понятия, в которых наука мыслит реальность, есть – опорная система, обеспечивающая как создание человеческих образов реальности, так и организацию системы прагматического взаимодействия с ней. Но тогда все организованные общественные модели или образы природы создаются при восприятии так, что человек может включать их в свою деятельность, выделяя главное, или может их изменять и модифицировать, создавая на их основе материальные объекты. Мысленные географические образы (геообразы), ментальные карты и ментальные геоизображения – широко распространенные обобщающиеся понятия: функционально характеризующие распознающие и конструирующие мысленные представления человека, выражющие пространственные отношения элементов географической реальности.

Замятин Д.Н. последовательно проводит идею о том, что «образное понимание географического пространства заложено в основе гуманитарной географии, ориентированной, прежде всего, на структурирование, четкое оформление наиболее ярких географических образов [5]. Само слово «структура» переводится с латинского языка как «строение, порядок, упорядоченное расположение, относительно устойчивый способ организации системы, ее внутренних отношений», поэтому таковое может рассматриваться с позиции применения особого конструкта «гештальт», заимствованного из одного из известных направлений гуманистической психологии [6, с. 6].

Принцип организации мысленных геообразов применяется в таких популярных современных технических устройствах, например, в электронных поводырях, построенных по схеме: GPS-приемник, где комбинируется: цифровая карта местности в памяти микрокомпьютера, голосовой синтезатор и мысленный геообраз, на котором идентифицируется – совмещается маршрут и местоположение незрячего [7]. Очевидно, что именно в этом контексте будет уместным заметить, что информация – это некая мера упорядоченности, снятие неопределенности, конкретизация и структурированность, «считывание текста» с объектов, явлений, предметов, где «человек – творец и творение информационных процессов» [8].

Человек – это, прежде всего интерпретирующее существо, и понимание – универсальный познавательный процесс, имеющий место во всех отраслях науки. Понятие семиотического треугольника, отражающего взаимодействие мысли, действительности и языковых символов хорошо известно, оно иллюстрирует принципиальную возможность получения целостной картины мира, и именно символы, воплощаемые средствами языка, являются надежным ключом к тому, что люди думают о своем пространственном окружении [3]. Структурализм 1970-х, постмодерн 1980-х и постструктурализм 1990-х годов привнесли в географию «желание отыскать» тайную структуру, затем уникальный смысл (и таковых могло быть много), еще: разнообразие прочтений текста, и сам контекст дискурса, что во многом было обращено к пространству.

В географии восприятия к ментальным геоизображениям относятся ментальные символы территорий, карты географических образов, ментальные карты, перцептивные геоизображения, рекламные продукты, анимации и фильмы о представляемых в воображении природных и социальных явлениях, сказочных, фантастических и реально существующих мирах. Б. Серапинас отмечает, что мысленный зрительный образ обладает основными моделирующими свойствами: обзорностью, наглядностью, генерализованностью, метричностью, символичностью; это непрерывно адаптирующаяся, динамическая, объемная, цветная модель окружающего мира, и поэтому с методологической точки зрения имеющая большое геоинформационное значение, одновременно обеспечивающее усиление гуманитарной составляющей в картографии, и доказательно объясняющая сложные процессы человеческого восприятия [7].

Сознание является высшим уровнем психического отражения и саморегуляции, но не вся получаемая человеком информация об окружающей среде и действительности, о собственном состоянии... попадает в область сознательного, что воздействует на характер и качество конструированных образов, сам процесс формирования и разрушения гештальтов. В ходе такого непроизвольного анализа происходит абстрагирование объекта, и преобразование образа может быть в контексте создания новых сочетаний и связей, что

обычно еще: как следствие последующего синтеза приобретается новый смысл в воспринимаемом. Следует констатировать, при этом, что культурные значения и смыслырабатываются в ходе социальной интеракции, в процессе конструирования совместных действий. Именно в таком постоянном процессе, понятия – разными способами соотносятся с реальностью, поскольку они и должны обеспечивать ее представление [9, с. 69–70].

Восприятие – это целостное отражение предметов, ситуаций, явлений, возникающих при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Идея гештальта состоит в том, что внутренняя, системная организация целого определяет свойства и функции образующих его частей². И объясняется она тем, что в каждый момент времени на органы чувств действуют много воспринимаемых человеком предметов, но они воспринимаются и избираются неодинаково: какие-то элементы выделяются, выступают на «передний план». Таким образом, проявляется в восприятии субъекта структурность: есть – фигура – основной объект, и параллельно им формируется фон, который образуют все остальные предметы из непосредственно воспринимаемой человеком среды³.

Когнитивность включает в себя различные виды процессов ощущения, различения, запоминания, воображения, рассуждения, принятия решений... собственно все мысленные процессы, и таким образом, имеет тесную связь с имеющимся у человека жизненным опытом, его деятельностью и поведением. Восприятие же – это природная, врожденная «настройка» человека на создание гештальтов или целостных структурированных картин, оно – есть природный человеческий механизм, сосредоточение внимания на решении задач выживания в сложной и изменчивой

географической среде. Но информация, которую мы получаем из внешнего мира, многогранна, она закодирована таким образом, что получаемые органами восприятия человека сигналы в свернутом линейном виде содержат многомерные характеристики.

В психологии стало давно очевидно, что восприятие и когнитивность – процессы, играющие главную роль при формировании пространственного поведения и разносторонней человеческой деятельности в окружающей его среде, а логоцентризм – это лишь установка новоевропейского мышления, образующая «несущую арматуру конструкции» (В.Ф. Петренко)⁴. Но человек живет не в мире изолированных световых или цветовых пятен, звуков и прикосновений, а действует в конкретном мире предметов, явлений и событий, и всего того, что мы воспринимаем и оно предстает в виде целостных образов. Происходит оно посредством отражения и конструирования, это прямой и обратный, хорошо известный по посмодернистским работам процесс: “De konstructio” – “деконструкция” буквально означает “о конструкции” – слово-неологизм, введенное Деррида для различия от привычной “конструкции”, обозначающей его как основную процедуру мышления [6]. И обычное географическое описание следует считать конструктом, поскольку оно является той вещью, которая описывает события из опыта, который складывается в определенной историко-культурной традиции [10].

Исследованиями в когнитивных науках давно доказано, что восприятие является очень сложным процессом, требующим значительной аналитико-синтетической работы: действует правило детерминированности восприятия исходными человеческими навыками (культурными или личноностно об-

² Подробнее см.: Гингер С., Гингер А. Гештальт-терапия контакта. – СПб.: Специальная литература, 1999. – С. 25–28; Ф. Перлз. Теория гештальт-терапии. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. – С. 20–23; Левин К. Теория поля в социальных науках. Пер с англ. – СПб.: Сенсор, 2000. – С. 56–58; Desolneux A., Moisan L., Morel J.-M. From Gestalt Theory to Image Analysis. A Probabilistic Approach. Interdisciplinary Applied Mathematics. Vol. 34. Springer, 2008. P. 13–21; Zheng Chum-yan, Hu Hua-ke. Geshtalt Psychology in the Geographic Information Science // Journal of Jiaying University, 2008-06/ P. 33.

³ Бочарников В.Н. География, гештальт и ГИС-технологии // Психология и экономика. – 2012. – Т. 5. – № 2. – С. 103–119.

⁴ См. Петренко В.Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5. – № 3. – С. 5–12; Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2010. – № 2. – С. 127–133; Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 75–81.

⁵ См. популярное изложение данной тематики: С.Ю. Головин. Психосемантика. Словарь практического психолога // <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/psihsemanika>; Понятие психосемантики. Все о психологии // <http://www.edu-psych.ru/poynatiye-psihosemantiki.html>; Глухов В., Ковшиков В. Психолингвистика: Теория речевой деятельности // http://www.syntone.ru/library/books/content/5004.html?current_book_page=all; Материалы книги Лебединский С.И. Восприятие устной научной речи: стратегии сегментации устной речи и идентификация терминов. Минск.: БГУ, 2008 // http://www.fir.bsu.by/chairs/tmtrfl/publications_tmtrfl/lebedinsky_lebedinsky_perception_monogr_part1.pdf

условленными)⁵. В действительности проходит постоянная трансформация – как самих географических образов, так и их определенных сочетаний или систем в связи с изменениями целей определенной человеческой деятельности и условий их осуществления» [11].

Адекватное объяснение этому может быть достигнуто на базе принципов популярного в психологии гештальт-подхода, ведь его pragmatичность хорошо доказана в контексте восприятия ситуации «достаточноизвестия-на-сегодня». В психологии, «гештальт» в его оригинале с немецкого языка не переводится, хотя понимается весьма многозначно в русском и английском языках: «форма; структура; конфигурация; модель; специфическая организация частей, составляющих определенное целое». Эта своеобразная концепция восприятия человека еще столетие назад была проверена в экспериментальных исследованиях, что позволило выявить и описать ее особые признаки: константность, структурность, субъективная зависимость динамики образа предмета (фигуры) – от его окружения (фона).

Формирование и разрушение гештальтов может быть представлено и как фундаментальная общественная функция, и в этом его значении, социальная адаптация тогда представляет постоянный многогранный процесс социализации личности с множеством способов, посредством которых человеческий индивид приобщается к культуре и приобретает опыт, накопленный другими людьми, усвоение нравственных и моральных регламентаций, приобретение социальных ролей и долженствований, реализуемых с помощью корректного выбора доминантной фигуры в зависимости от изменяющихся потребностей индивида.

Впрочем, любой целостный процесс восприятия подразделяется на алгоритмические процедуры, каждый этап конструируется отдельно. В распознавании же форм мысленных карт большое значение имеют «...гештальт-факторы группирования: факторы близости, сходства, однотипной связи, продолжения по прямой или плавной кривой, замкнутости, общей судьбы»⁶. Понятие территориальности означает мотивированные

познавательные и поведенческие структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его физической среде обитания, отстаивая свою собственность, организуя свое личностное пространство.

В. Панов, с экопсихологической точки зрения, выделяет четыре смысла восприятия окружающей среды: два совпадают с физическими (анalogии абсолютного пространства И. Ньютона) и относительно-го (по А. Энштейну); также им очерчивается область применения экологического подхода Дж. Гибсона в контексте делимитизации «экологической среды» (среды обитания), отмечается – есть особо развивающийся подход психологии в контексте понимания через продукт непосредственно-чувственного восприятия [12].

Географическая среда и человек находятся в исключительно сложных и многообразных взаимоотношениях, где человек представлен мотивированным социальным существом, чьи решения и поступки определены характером восприятия пространственной среды, социальной группы, индивида, личности. Так возникает гештальт как образ предмета объективной действительности, воспроизводимый в сознании без непосредственного присутствия самого предмета, но не без его воздействия на чувства. В этой связи воспринимаются люди, вступающие между собою в деятельностно-коммуникативные отношения, а под «территориальностью» понимается «явление, когда человек фиксирует какое-то пространство, определяет нормы поведения в нем, осуществляет контроль над ним» [12, с. 44].

Практическая цель же гештальт-подхода – расширение поля возможностей; увеличение способностей отдельного индивида адаптироваться к жизни, к различному окружению, в восстановлении его свободы выбора. А в науке же тактической целью использования конструкта гештальта представляется должен стать уход от неизбежной статики расчетов, устранение упрощенной описательности и усложненной формальными расчетами картины многих сложных процессов социально-экономического характера. Предметы окружающего мира же, будучи явлены человеку, вступают с ним во

⁵ Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб, 2003; Tversky B. Levels and structure of spatial knowledge // Cognitive mapping – past, present and future. Ed. R. Kitchen, St. Freundschun. Routledge, 2000: цит. по: Серапинас Б.Б. Мысленные геобразы и ментальные геоизображения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2007. – № 1.

взаимодействие, в разном соотношении в нелинейной зависимости от степени своей полезности. Именно этот очеловеченный мир, в котором каждый предмет и процесс как бы «заряжен человеческим смыслом», опосредован социальной функцией, целью, что неизменно окружает человека⁷. Вместе с тем меняемся мы, и само географическое знание меняет свой взгляд на мир вокруг нас, зеркально отзыаясь на происходящие перемены, отражаясь в публикациях и выступлениях, и формируя новые свои культурные отражения в нашем сознании.

Географию можно рассматривать как науку, ставшую одной из основ в практической жизни людей, ведь ее знание законов территориальной организации природы и общества стало фактическим «инструментом» повседневной деятельности десятков миллионов людей на планете. В этой науке формализованное представление об общественно-географическом пространстве-времени приобретает конкретно-содержательный характер при «проецировании» его на территориальный (и акваториальный) субстрат. География всегда была и остается наукой, обеспечивающей потребности общества в знаниях о пространстве его жизнедеятельности, хотя А.Д. Арманд выводит важное заключение о том, что в современных условиях: «...среда обитания человека теряет многие черты географической специфичности» меняется образ места, обезличивается не только природный, но и социальный ландшафт, кардинально изменились коммуникации, в целом «... набирает обороты процесс расширения для ментального пространства, в котором размещает свою деятельность рядовой индивид»⁸.

Очевидно, что географические образы есть не что иное, как особый язык – язык пространственной культуры, которая как бы модифицирует сама себя в зависимости от места, страны или региона. Каждый из нас – обязательный элемент социальной макросистемы, субъект деятельности в единстве его индивидуальных свойств (единичное) и его социальных ролей (общее). Среди разных подходов к изучению системных взаи-

моотношений человека и пространственной среды обозначаются: изучение пространственного поведения, восприятия качества окружающей среды, процессов пространственного познания и мышления, персонологии среды и т.п. И на каждом уровне происходит представление инварианта с соответствующей пространственно-временной характеристикой источника информации и принципов взаимной упорядоченности множеств состояний деятельности как основного социального взаимодействия субъекта с миром⁹. Только в результате такого «проецирования» исследователями выделяются территориальные системы, структуры, узлы и сети.

Согласно работам Курта Левина, выполненным в рамках разработки теории психологического поля: состояние и поведение человека принципиально не может быть исследовано вне контекста ситуации – других объектов поля и их взаимоотношений. При этом континуальность пространства обеспечивает процессы глобализации, а дискретность – регионализации. И здесь поле – более близко по своему значению к пространственному (географическому) смыслу термин, это некий аналог контактной области или «территория контакта». Следовательно, основываясь на вышеизложенном, мы можем выделить новый исследовательский сегмент географии – социально-психологический уровень человека, что составляет пока существенную часть психологии человека, но при этом предполагает рассмотрение тех параметров человека, которые формируются и проявляются только во взаимодействиях индивидов в группах людей, рассматриваемых с исследовательских позиций географии.

В психологии доминирующая фигура рассматривается в зависимости от человеческой доминирующей потребности, определяющий гештальт и проявляющийся, соответственно, в словах и движениях, передающих чувственный опыт. Значимыми фигурами окружающей среды являются те лица, которые существенно влияют на поведение в связи с актуальным гештальтом. Задачей

⁷ Орлова В.Е. Культурное пространство: определение, специфика, структура // <http://www.analiculturolog.ru/archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html>

⁸ Арманд А.Д. География информационного пространства // Изв. РАН. Сер. Геогр. – 2002. – № 1. – С. 10, 12.

⁹ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Тенденции становления отечественной общественной географии: теоретико-методологические аспекты / Географический вестник. – 2006. – № 2. – С. 6; Бакланов П. Я. ТERRITORIALНЫЕ структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007. – 239 с.; Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов. Научное издание / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – 166 с.

гештальт-терапевта является необходимость помочь клиенту «разглядеть» эти фигуры, сделать их представленными в настоящем пространстве, и тогда потребность может быть узана и признана. Но в географии следует учесть, что базовые интересы человека связаны с безопасностью жизнедеятельности и возможностью размножения – воспроизводства себе подобных, но если последнее практически не изменилось за тысячелетия, то взаимодействие современного человека с окружающей средой претерпело колossalные изменения.

В соответствии с гештальт-представлениями, рассматривая индивида как функцию поля, объединяющего организм и среду, и полагая, что поведение человека отображает его отношение в этом поле, мы можем связывать между собой представления о человеке как об индивиде, и одновременно как о социальном существе. Предполагая, таким образом, существование субъективного «мира в сознании», сторонники гештальтпсихологии дают идею, являющуюся фундаментальной для понимания поведения людей в реальном мире. И идея заключается в том, что гештальт – это паттерн, конфигурация, определенная форма организации индивидуальных частей, которые создают целостность. Такая способность создает адекватность отображения постоянной смены адаптационных возможностей, демонстрирует всю существующую исключительность сложности поддержания гомеостаза, этапы развития нового и приспособления уже существующего к непрерывному потоку воздействия.

Гештальтпсихология – это наука с ее строгими элементами анализа, и искусство жить, именно естественный процесс смены фигур способствует гармоничной и разнообразной жизни. Практика гештальт-терапии является восстановлением континуума осознания, а также путем создания обновленной способности воспринимать и творчески приспосабливаться на пути изменения своего отношения к окружающей человека природной среде. И естественно, что процессы восприятия, мышления, письменной речи всегда будут связаны с географическими представ-

лениями, так же как и с той памятью человека, ответственной за хранение информации. Для нас организуются обобщенные образы, которые мы регистрируем как систему понятий, некую структурную упорядоченность. Следовательно, естественная пластичность и рельеф географического пространства также выявляются посредством реконструкции, деконструкции или же конструирования соответствующих «конкретных географических образов» [11, с. 5–6].

Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Но критерии и особенности конструктов разрабатываются и используются на базе системного приложения системно-структурного, функционального и геоинформационного подходов в науке¹⁰. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте уточняет и одновременно укрепляет эту сеть, выражаемую почти безразмерным термином – культура. И наш мир не был создан однажды, он творится каждый раз, когда рождается новая история в науке. В понятиях географии постmodерна восприимчивость каждого человека обеспечивает возникновение новой истории и соответственное расширение дискурсивного поля, а собственно высказывания возникают из опыта частной дискурсивной практики человека, описывающей некоторые события, свершения или вещи, поддающиеся истолкованию и операциям [13].

Уникальность гештальт-подхода состоит в способе использования и организации элементов теории психологии, где факты, восприятие, поведение или феномены приобретают свою специфику и свое определенное значение, благодаря своей специфической организации. В психологии, цель гештальт-подхода – расширение поля возможностей; увеличение способностей адаптироваться к жизни, к различному окружению, в восстановлении свободы выбора. Целью деконструкции является избавление от установки представляющего мышления, которая полагает субъект – точку, центр наблюдения и объект как то, на что направлен взгляд,

¹⁰ Исаченко А.Г. Развитие географических идей. – М.: Мысль, 1971; Анучин В.А. Теоретические основы географии. – М.: Мысль, 1972; Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983; Грекори К. География и географы. – М.: Просвещение, 1980; Мукитанов Н.К. От Страбона до наших дней. Эволюция географических представлений и идей. – М.: Мысль, 1985; Преображенский В.С., Александрова Т.Д., Максимова Л.В. Географическая в прошлом, настоящем и будущем. Век XX. – М.: Институт географии РАН, 1997; Максаковский В.П. Географическая культура. – М.: Владос, 1998; Шальнев В.А. Теоретические проблемы физической географии мира. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998; и мн. др.

удерживающий в поле внимания “картину” – понятийно структурированную и ценностно-иерархизированную модель бытия как предмета преобразования.

Но если для гештальт-психологов важно то, что происходит у отдельного человека как конкретной личности на границе контакта человека и с философских позиций рассмотрения как целостного биосоциального существа в его взаимоотношениях с окружающей средой, то для географии еще добавляется природный и социальный аспекты, территориальная дифференциация и системно-структурные закономерности территориальной организации общества, что может быть интегрировано в методологическое развитие теории общественной географии. С. Гусев замечает: «Осознание возникшего пробела в системе знаний чаще всего характеризуется как парадокс, то есть положение, не соответствующее традиционным представлениям, утвердившимся нормам и правилам»¹¹.

В контексте парадигм науки Т. Куна известно, что «в рамках нормальной науки общее представление об ожидаемых результатах исследовательского поиска формируется заранее», хотя совсем непредсказуемым движителем могут стать совсем неожидаемые иногда социальные феномены. Так самый масштабный в современности пример создания гештальтов и конструктивного использования представлен современной ситуацией с созданием и использованием геоизображениями в глобальной сети Интернет. Только здесь можно констатировать, что всего за несколько десятилетий развития Интернета сложилась устойчивая тенденция воспринимать его среду как особый, обладающий специфической протяженностью мир – киберпространство, с особой метрикой пространства, представленного в сознании людей по-разному.

Это – особое социальное пространство ныне. Сегодня социальные сети опоясали планету и разорвали границы одиночества, изменяя менталитет и снимая многие психологические барьеры-личности. Люди, индивидуальные пользователи или различные социальные группы (по интересам) получили возможность не только создавать собственный и разноязычный контент, выклады-

вать музыку, видео, писать блоги, делиться и обмениваться информацией, участвовать в создании общих суждений и формировании общественного мнения... сейчас это особый «мобильный мир» [14]. Так информационное, или постиндустриальное, общество предъявило свои требования к знанию, в котором место больших историй (в философии, науке и политике) стали занимать «маленькие истории».

Гордон Уиллер утверждает: «Мы складываем некоторую картину, проверяем ее достоверность, используем (или нет) полученные (интерпретированные) результаты таким образом, что они оказывают влияние на картину, затем совершают дальнейшие действия, чтобы снова все перепроверить и так далее. Мы занимаемся этим постоянно; мы вообще *не можем прекратить* эту деятельность, разве на краткий промежуток времени. Подобные действия не являются лишь подготовкой, чтобы ясно обдумать, решить задачу ли начать жить; они *представляют собой* мышление, решение задач и саму жизнь» [15, с. 134]. Глобализация планетарной жизни посыпает человечеству ВЫЗОВ, и отсутствие адекватного ОТВЕТА на который чревато многократно предрекаемой гибелью человеческой цивилизации и природы. Требуется новое мировоззрение, как основание целостной стратегии решения глобальных проблем человечества, и именно в этом географическое знание, обеспеченное технологией и средой (Интернет), универсальной методологией (конструктивизм), способное обеспечить новое раскрытие гуманитарной географии в отечестве.

Безусловно, в истории человечества не было ничего подобного по размаху и содержанию как нынешний информационно-коммуникационный феномен Интернета. Очевидно, именно в этом лежит убеждение того, что следует ориентироваться на следующий тезис: географическое знание представляет наилучшую возможность – понять и изучать мир вокруг нас; найти и показать важнейшие закономерности и взаимосвязи между объектами и явлениями. Тем самым, на наших глазах рождается новый безусловный лидер информационного обеспечения и представления самого человека – контент

¹¹ Гусев С.С. Семантическая основа связи научных и «ненаучных» форм познания // Человек. – 2012. – № 3. – С. 13.

Интернета. Фундаментальным основанием или конструкций для этого является то, что ныне в виртуальном пространстве, территория рассматривается как целостное образование, где географические факторы по своей

сущности составляют лишь некоторые, и совсем не доминантные возможности реальной территории, что преломляется в бесконечной мозаике геообразов персонального восприятия индивида.

Библиографический список

1. Downs R.M., Meyer J.T. Geography and the Mind: An Exploration of Perceptual Geography // American Behavioural Scientist, 22. P. 59–78.
2. Гладкий Ю.Н. Культурная география: трудности институционализации // Известия РГО. – Т. 112, Вып. 6. – 2010. – С. 1–13.
3. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С.В. Федулова. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
4. Макарова Е.А. Визуализация как способ структурирования знаний и формирования ментально-пространства // oprb.ru\data\partner\6\message\RR9f14_3049.pdf
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. Электронная библиотека ModernLib.Ru // http://www.modernlib.ru/books/dmitriy_nikolaevich_zamyatin/kultura_i_prostranstvo_modelirovaniye_geograficheskikh_obrazov/read_1/
6. Моховиков А. От редактора: Гештальт под сенью постструктурализма и деконструкции / Г. Уилер. Гештальтерапия постмодерна: за пределами индивидуализма. – М.: Смысл, 2011.
7. Сералинас Б.Б. Мысленные геообразы и ментальные геоизображения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2007. – № 1. – С. 8–9.
8. Мелик-Гайказян. Воздействие меняющегося мира как информационный процесс // Человек. – 2007. – № 3. – С. 32–43.
9. Карицкий И.Н. Понятие субъекта и объекта в философии и психологии // Методология и история психологии. – 2010. – Т. 5. – Вып. 1.
10. Паутова Л.А. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // ecsocman.hse.ru\data\2012\03\29...Pautova.pdf
11. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 48.
12. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. Учебное пособие. 2-е изд. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – 184 с.
13. Голубчиков Ю.Н. Постдисциплинарная география постмодерна // Эволюция общественно-географической мысли. Мат. междунар. научн. конф. (Третья Ежегодная научная Ассамблея АРГО). СПб, 29 – 30 сентября 2012 г. СПб. – Ростов н/Д, 2012. – С. 76–81.
14. Замятиной Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «В Контакте») // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – С. 15–29.
15. Уилер Г. Гештальтерапия постмодерна: за пределами индивидуализма. – М.: Смысл, 2011. – 464 с.

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ «РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ»)

Zemtsov S.P.

EXPERIENCE OF IDENTIFYING AND ASSESSMENT OF INNOVATION CLUSTERS POTENTIAL (ON AN EXAMPLE OF THE INDUSTRY "ENVIRONMENTAL MANAGEMENT")

***Аннотация.** В статье рассматриваются методика и результаты выявления ключевых вузов и образованных ими инновационных кластеров в отрасли «Рациональное природопользование» в России, а также оценена способность кластеров к созданию и распространению новых знаний и технологий в рамках инновационного цикла.*

***Abstract.** The article considers a methodology and results of identification of higher education key centers and innovation clusters, formed by them, in the field of "Environmental management" in Russia. An ability of centers to create and diffuse new knowledge and technologies during innovation cycle was also assessed.*

Ключевые слова: инновационный цикл, кластер, потенциал, рациональное природопользование, критическая технология, Форсайт-методология.

Keywords: innovation cycle, cluster, potential, environmental management, critical technology, foresight methodology.

Введение. Одним из направлений инновационной политики в России стало формирование технологических платформ (ТП). Проводится масштабный проект по выявлению вузов – центров превосходства и созданию на их базе центров научно-технологического прогнозирования¹. В работе применена Форсайт-методология для оценки перспектив отрасли «Рациональное природопользование» (далее – РПП).

Одним из существенных факторов научно-технологического и социально-экономического развития западных стран стали жесткие экологические нормы. Рынок «зеленых» технологий в 2012 г. оценивался в 2 трлн. долларов США (3,5% от мирового ВВП) [11]. От 25 до 40% по разным сегментам данного рынка сосредоточено в США, в России несмотря на наличие высокого научного потенциала – менее 1%.

Сфера РПП в России в значительной степени связана с «зелеными» технологиями [2]. Но редкими являются работы, исследующие центры компетенций и инновационный потенциал отрасли, хотя потребность предприятий и государства в определении будущих трендов развития, а также в выявлении конкурентных преимуществ России существует.

Объектом исследования в работе выступают инновационные кластеры в рамках отрасли РПП, а предметом исследования – инновационный потенциал кластеров.

Методика исследования. Отрасль РПП является формирующимся направлением хозяйства и не существует консенсуса в определении ее основных подотраслей. В рамках ТП «Экологическое развитие», в соответствии с Указом Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации», выделяется ряд критических технологий (КТ). Это:

- КТ 19 – Технологии мониторинга и прогнозирования состояния окружающей среды, предотвращения и ликвидации ее загрязнения;
- КТ 20 – Технологии поиска, разведки, разработки месторождений полезных ископаемых и их добычи;
- КТ 21 – Технологии предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

¹ Работа выполнена на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках НИР «Формирование сети отраслевых центров прогнозирования научно-технологического развития на базе ведущих российских вузов по приоритетному направлению «Рациональное природопользование» №2011-2.1-521-016» в рамках Государственного контракта № 13.521.11.1013 от 10.06.2011 г.

Таблица 1

Основные подотрасли (компетенции) в рамках КТ-19

1	Системы эффективного мониторинга атмосферы, гидросферы, криосферы и ландшафтов.
2	Создание единой математической модели, воспроизводящей динамику атмосферы, гидросферы, состояния криосферы, основных процессов в биосфере.
3	Развитие гидродинамических моделей атмосферы и гидросферы.
4	Технологии прогнозирования состояния атмосферы, гидросферы, криосферы и биосферы.
5	Технологии использования водных, климатических, почвенных и биологических ресурсов.
6	Технологии восстановления нарушенных земель, ландшафтов и биоразнообразия.
7	Технологии управления природными процессами с учетом влияния хозяйственной деятельности.
8	Технологии создания информационно-аналитических систем компонентов природной среды.
9	Технологии оценки качества прогнозирования при обеспечении хозяйственной деятельности.
10	Создание аппаратуры и средств обработки информации для дистанционного контроля и мониторинга поверхности земли, атмосферы и гидросферы.
11	Изучение эволюции и средообразующих функций биоразнообразия.
12	Разработка методологических основ мониторинга биоразнообразия.
13	Инвентаризация животного и растительного мира РФ, разработка технологий его сохранения.
14	Исследование закономерностей формирования биоразнообразия.
15	Технологии сохранения редких видов и экосистем.
16	Технологии водоподготовки и водоснабжения населения
17	Технологии очистки загрязняющих атмосферу веществ.
18	Создание методов и технологий стерилизации воздушной среды.
19	Развитие систем обращения с коммунальными отходами.
20	Обеспечение безопасной утилизации опасных техногенных образований и отходов.
21	Повышение степени использования сырьевого потенциала отходов.
22	Повышение степени использования энергетического потенциала отходов.

Составлено автором на основе документа «Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899...»

В данной статье рассматриваются только отрасли КТ-19 (табл. 1).

Ряд подотраслей КТ-19 относятся к высшим технологическим укладам (по С. Глазьеву) [4]. В них используются сложнейшие технические средства: космическая техника, суперкомьютеры, сложные информационные системы и т.д., а конечным продуктом часто служат высокотехнологичные услуги прогнозирования, создания геоинформационных систем и т.д. Данные подотрасли организованы в рамках **инновационных циклов**, которые описывают собой процесс от получения знания до изобретения новой технологии и ее последующего внедрения [1, 5, 6, 8]. В рамках цикла взаимодействуют образовательные учреждения, научно-исследовательские центры, производители и потребители продукции [3, 5, 6]. Организационным воплощением цикла на отдельной территории являются **инновационные кластеры** [12], в рамках которых «неявные» знания могут быть переданы от «учителя к ученику» [10].

Для выявления инновационных кластеров использована методология «Форсайт»

(от англ. Foresight – «взгляд в будущее») [7], [9], включая методы дельфийской процедуры, «мозгового штурма» и сценирование. На первом этапе в МГУ имени М.В. Ломоносова был создан центр прогнозирования научно-технологического развития. С помощью экспертов панелей были выявлены ключевые научно-образовательные центры. 38 экспертов были выбраны исходя из библиометрического и патентного анализа, проведенных на географическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. На данном этапе исследование охватило 13 ведущих вузов КТ-19 (табл. 1).

Представители вузов в рамках Дельфийской процедуры заполнили анкеты, в которых указывали сферы компетенции вуза в рамках КТ-19; организации, с которыми вуз взаимодействует; новые технологии, созданные за последние 3 года; центры внедрения; ключевые научные школы и эксперты. Все организации были разделены на образовательные, научно-исследовательские и производственные, системы их взаимодействия на региональном уровне условно названы «региональными инновационными кластерами».

Таблица 2

Университеты – носители компетенций в сфере РПП (КТ-19)

Аббревиатура	Университет (ун-т)	Город
БГНИУ	Белгородский государственный национальный исследовательский ун-т	Белгород
БФУ	Балтийский федеральный ун-т имени И. Канта	Калининград
КФУ	Казанский (Приволжский) федеральный ун-т	Казань
НГУ	Новосибирский государственный ун-т	Новосибирск
ПГНИУ	Пермский государственный национальный исследовательский ун-т	Пермь
РГГМУ	Российский государственный гидрометеорологический ун-т	Санкт-Петербург
РХТУ	Российский химико-технологический ун-т им. Д.И. Менделеева	Москва
СГУ	Саратовский государственный ун-т им. Н.Г. Чернышевского	Саратов
СПГГУ	Санкт-Петербургский государственный горный ун-т	Санкт-Петербург
ТГУ	Томский государственный ун-т	Томск
ТПУ	Томский политехнический ун-т	Томск
ТУСУР	Томский государственный ун-т систем управления и радиоэлектроники	Томск
ТюмГУ	Тюменский государственный ун-т	Тюмень

Составлено автором по данным анкет

Для оценки потенциала кластеров каждый из показателей был обработан с помощью процедуры нормирования по формуле линейного масштабирования, что обосновано, так как существенный разброс данных не наблюдался. Был рассчитан интегральный индекс. С помощью матрицы связей и индекса кратчайших расстояний между городами-центрами КТ-19 выявлены межрегиональные кластеры.

На втором этапе для верификации данных представители вузов повторно заполнили анкеты, в которых указали взаимодействующие с ними организации. Данные анкет были проанализированы с точки зрения формирования инновационных циклов. Инновационный цикл в исследовании представлен организациями, соотнесенными с четырьмя ключевыми стадиями (рис. 1). Последующая верификация проведена с помощью оценки публикационной и патентной активности каждой организации кластера.

Для анализа библиометрических показателей использовались ресурсы научной электронной библиотеки eLibrary (<http://elibrary.ru>), в поисковой системе которой задавался запрос на нахождение по официальному названию организации статей ее сотрудников. Для центров с разнообразной специализацией задавались дополнительные ограничения в области поиска: «География», «Охрана окружающей среды»; «Геодезия и картография», реже – «Космические исследования» и «Водное хозяйство».

Анализ патентной активности осуществлен по объектам патентного права России с помощью сайта: <http://www.fips.ru/> (Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам). В патентном поиске вводилось официальное название организации, для крупных многопрофильных организаций добавлялся поиск по основным направлениям исследований в рамках КТ-19.

Интегральный индекс инновационности рассчитан с помощью формулы линейного масштабирования и включил в себя количество взаимодействующих организаций, их публикационную и патентную активность. Данная оценка концентрации стадий инновационного цикла в рамках кластеров по доле организаций различных стадий, что являлось индикатором законченности цикла. Использован индекс Херфиндаля-Хиршмана (I_{HH}) (2), подходящий для оценки небольшого количества объектов в системе,

$$I_{HH} = S_1^2 + \dots + S_n^2, \quad (2)$$

где S_1 – удельный вес крупнейшей стадии; S_n – удельный вес стадии n . Если в кластере представлена только одна организация, то $I_{HH} = 1$. Оптимально значение не выше 0.25.

Результаты исследования, их обсуждение. В матрице компетенций (табл. 3) единицей обозначено наличие компетенции, а также отражена способность вузов к созданию новых разработок: систематические или эпизодические разработки (СР и ЭР).

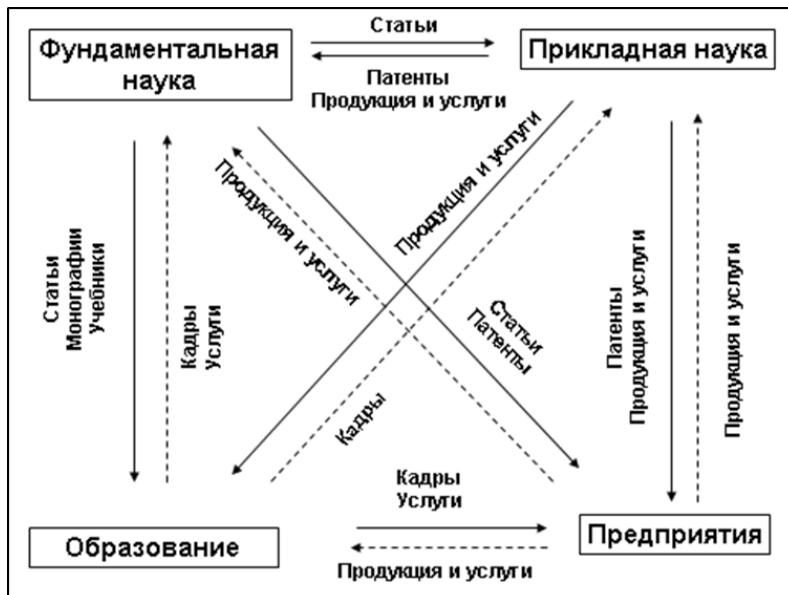

Рис. 1. Ключевые типы взаимодействия организаций в рамках инновационного цикла.
Сплошной линией показаны исследованные в работе связи (составлено автором)

Наиболее распространенные компетенции, охватывающие более 10 вузов: системы мониторинга (1) и технологии прогнозирования (4) изменения состояния географической оболочки, а также технологии использования (5) и восстановления (6) ее ресурсов. Лидерами выступают РГГМУ (22 направления), КФУ (15), ТюмГУ (13) и СПбГГУ (11), которые ведут систематические и долгосрочные исследования.

В рамках КТ 19 взаимодействует 128 организаций: 24 – образовательные, 42 – научно-исследовательские, 62 – предприятия. Составлена картосхема и диаграммы связей (рис. 2). Среди сторонних организаций по количеству связей лидируют географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт географии и Институт водных и экологических проблем СО РАН, которые чаще других упоминаются в анкетах в качестве экспертных центров. Внутри КТ-19 наблюдается слабое межвузовское взаимодействие, только БГНИУ и КФУ, а также все университеты Томска указали на взаимные связи.

Рассчитаны индекс «компетентности» и «связанности» (рис. 3). С помощью кластерного анализа выявлены три группы вузов: «ядро» (РГГМУ, КФУ и СПбГГУ), обладающее наибольшим набором компетенций и средним количеством связей; «активное субядро» (ТюмГУ, БГНИУ, ТУСУР, ПГНИУ, БФУ), обладающее наибольшим количе-

ством связей, но средним набором компетенций, и «слабое субядро» (ТПУ, РХТУ, СГУ, НГУ, ТГУ), обладающее малым количеством связей и компетенций.

Для верификации результата рассчитан индекс инновационного потенциала, на основе 4-х индикаторов (табл. 4). «Ядро» отраслевого кластера: ТюмГУ, РГГМУ, БГНИУ, СПбГГУ. «Срединные центры»: ПГНИУ, БФУ, КФУ, ТУСУР. Слабые кластеры: СГУ, НГУ, ТГУ, ТПУ, РХТУ. Результаты второй методики следует признать более надежными.

На заключительном шаге итеративной процедуры выявлены межрегиональные кластеры (рис. 2). У большинства центров прослеживается ориентация на инновационный кластер столицы, с помощью которого весь граф оказывается замкнутым. Москва как центр КТ-19 намеренно изъята из анализа из-за высоких показателей, поскольку ее включение противоречит выбранной методике.

Центральный межрегиональный кластер, объединяющий 5 вузов-центров и более 30 организаций, включает в себя Московский, Саратовский, Белгородский, Казанский кластеры и Калининградский кластер, схожий по структуре и вектору связей. Высокую роль играет образовательная стадия, при этом вузы активно взаимодействуют друг с другом и вузами Москвы. Выпадает научно-исследовательское звено из-за особенностей

Таблица 3

Компетенции вузов-участников отраслевого кластера по КТ-19

№ научного направления	РГГМУ														Σ			
	СР	СР	КФУ	СР	ТюмГУ	СПГГУ	НГУ	ТГУ	РХТУ	БФУ	СР	ТУСУР	ПГНИУ	СГУ	СР	БГНУ	СР	ТПУ
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	12
4	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0	0	11
6	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1	11
5	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0	0	1	10
15	1	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	7
7	1	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	6
11	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	6
13	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6
14	1	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	6
8	1	1	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	0	0	6
2	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	5
16	1	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	5
21	1	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	5
10	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	1	0	0	0	4
12	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
22	1	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4
3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	3
19	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
20	1	0	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3
9	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
17	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
18	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Σ направлений	22	15	13	11	9	9	8	8	7	6	5	4	2					

Составлено автором на основе анализа анкет.

используемой методики (сконцентрированно преимущественно в столичном регионе).

В южной части Западной Сибири сформирована межрегиональная инновационная система (Сибирский кластер), включающая в себя все стадии инновационного цикла и охватывающая 4 взаимодействующих вуза и около 30 организаций, в частности научно-исследовательские институты Новосибирского и Томского Академгородков. Томск также отличается широким набором и разнообразием предприятий.

Северо-Западный кластер охватывает 2 вуза (РГГМУ, СПГГУ) и 14 организаций, обладает высоким инновационным потенциалом, но ориентирован преимущественно на собственные потребности. Уральский кластер включает в себя комплекс организаций в Пермском крае, Екатеринбурге и Челябинске с преобладанием реального сектора экономики. Из инновационного цикла выпадает образовательная стадия. Тюменский межрегиональный кластер взаимо-

действует с предприятиями городов нефте- и газодобычи и обладает самым высоким инновационным потенциалом.

В связи с выявленной ограниченностью связей между организациями (низкий коэффициент связности сети, ориентированность сети на столичный регион) нельзя говорить о существовании единого отраслевого кластера в рамках КТ-19.

Следующий этап анализа включал верификацию полученных данных с помощью повторного анкетирования и оценку публикационной и патентной активности организаций. Результаты в значительной степени зависят от осведомленности и добросовестности экспертов в оценке связей вуза. Недостатком методики также является искашение результатов, вносимое организациями с выдающейся публикационной активностью, что противоречит выбранному методу нормирования. Были выявлены 6 вузов – центров превосходства: СГУ, РГГМУ,

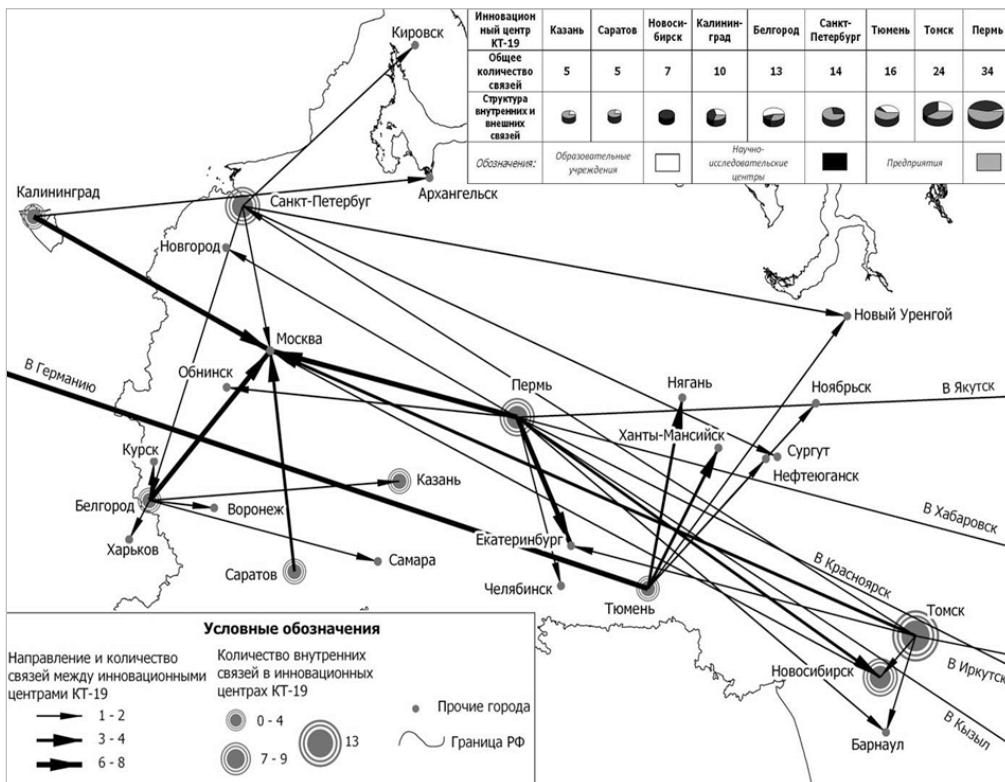

Рис. 2. Направление и количество связей между городами – центрами КТ-19
(составлено автором по данным анкет)

Таблица 4

Расчет индекса инновационного потенциала вузов

	ТюмГУ	РГГМУ	БГНИУ	СПбГУ	ПГНИУ	БФУ	КФУ	ТУСУР	ТГУ	СГУ	НГУ	ТПУ	РХТУ
Компетенции	0.55	1.00	0.10	0.45	0.40	0.30	0.65	0.25	0.35	0.15	0.35	0.00	0.30
Взаимодействия	0.94	0.44	0.75	0.31	1.00	0.56	0.25	0.75	0.31	0.25	0.38	0.25	0.00
Новые технологии	0.83	1.00	1.00	0.50	0.50	0.50	0.83	0.67	0.17	0.33	0.17	0.50	0.17
Центры внедрения	1.00	0.25	0.25	0.75	0.00	0.50	0.00	0.00	0.75	0.75	0.50	0.00	0.00
Интегральный индекс	0.83	0.67	0.53	0.50	0.48	0.47	0.43	0.42	0.39	0.37	0.35	0.19	0.12

Рассчитано автором по данным анкет.

БГНИУ, БФУ, НГУ и РХТУ. Остальные вузы обладали малым количеством связей и/или низкими показателями активности.

Проанализировано 78 организаций: 19 – на стадии образования, 21 – на стадии фундаментальной науки, лишь 9 – на стадии прикладной науки и 29 – на производственной стадии. В среднем на одну организацию приходится 77,8 публикаций и 6,6 патентов, что может использоваться для включения в работу ТП сторонних организаций. Индекс Херфиндаля-Хиршмана (H_k) показывает

очень низкую концентрацию между организациями (0,06 по публикациям и 0,07 по патентам), что свидетельствует об относительной «равноправности» организаций.

Распределение стадий цикла между региональными кластерами исследовано с помощью индекса инновационности (H_u), доли от общего количества организаций (%) и индекса концентрации (H_k) (табл. 5).

Индекс концентрации выше оптимального значения (0,20), хотя организации стадии образования и фундаментальных наук рас-

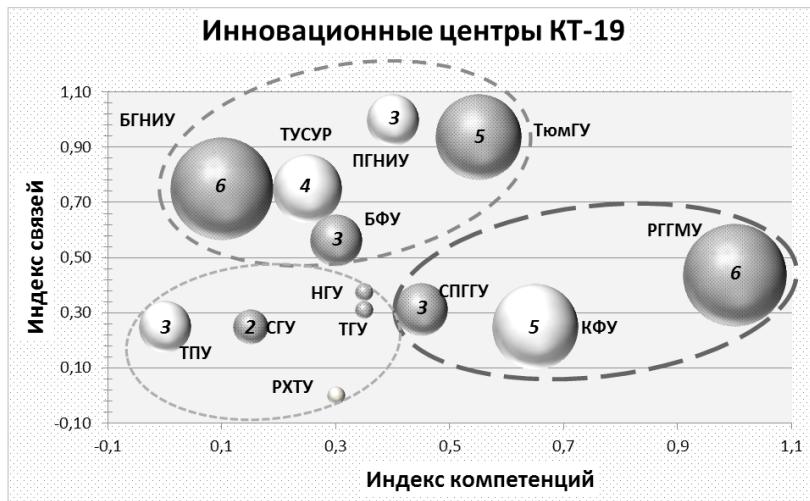

Рис. 3. Группы вузов в зависимости от компетенций и связей

Размер шара зависит от количества новых технологий (указано цифрой для центров, сгенерировавших более одной технологии). Цвет шара зависит от наличия внедренческого центра (белый шар – отсутствие центров внедрения) (составлено автором по данным анкет).

пределены относительно равномерно, а прикладная наука и производственные предприятия высоко сконцентрированы.

Наиболее высокие значения инновационности принимает на стадии образования (выше 0,5) в кластерах СГУ, РХТУ и РГГМУ (65% организаций, 49% публикаций и 82% патентов), на стадии фундаментальной науки (выше 0,3) – НГУ, РГГМУ и БФУ (76%, 82% и 92% соответственно), на стадии прикладных исследований (выше 0,8) – РГГМУ и БФУ (77%, 94% и 97%), РГГМУ и БФУ (с индексом 0,81 и 0,37) являются лидирующими кластерами на производственной стадии (67%, 76% и 63%). РГГМУ и БФУ взаимодействуют с Институтом океанологии РАН им. П.П. Ширшова, обладающим выдающейся публикационной и патентной активностью.

На последнем этапе кластеры сравнивались по всему циклу с помощью индексов инновационности и концентрации. Индексы по данным исследования имеют параболическое соотношение, в отсутствии монотонной связи составить некий интегральный индекс не представляется возможным. Кластерный анализ также малоэффективен из-за небольшого числа сравниваемых объектов (табл. 6). Лидерами по первому индексу являются РГГМУ, БФУ и НГУ, по второму – РГГМУ, БФУ и РХТУ.

Пересчет индекса инновационности на одну организацию дает схожее соотношение организаций, но лидирующим кластером

становится НГУ, в котором сконцентрирован пул организаций фундаментальной науки. Второй метод более надежен.

Заключение. Исследование показало, что инновационные кластеры в рамках КТ-19 формируются на основе отдельных вузов и организаций, с которыми они взаимодействуют. Наличие связей внутри ТП между вузами практически отсутствует, пересечение между взаимодействующими предприятиями также нечасты. Основываясь на предположении о зарождении инноваций в рамках интенсивного взаимодействия контрагентов, одной из целей должна стать интенсификация взаимодействия не только на разных этапах инновационного цикла, но также и между организациями, выполняющими схожие функции, в том числе в рамках формирования единого экспертного сообщества.

Примененная в исследовании методика оценки инновационности кластеров в целом оправдала себя. Ее ограничением стало наличие организаций – партнеров с высокими показателями публикационной и патентной активности, что несколько исказило результаты, но в работе индексы активно дополнены долевыми и удельными показателями, что служит целям верификации расчетов.

Исследование показало недостаточное количество организаций, занимающихся прикладными исследованиями, их высокую концентрацию в кластерах РГГМУ и БФУ.

Таблица 5

Распределение стадий цикла по инновационным кластерам

	Образование		Фундаментальная наука		Прикладная наука		Предприятия		I_k по стадиям
	I_i	%	I_i	%	I_i	%	I_i	%	
РГГМУ	0.52	15	0.64	29	0.83	33	0.81	20	0.27
БФУ	0.22	15	0.33	14	0.86	44	0.37	47	0.28
РХТУ	0.63	25	0.28	10	0.22	22	0.05	3	0.36
БГНИУ	0.50	15	0.06	10	0	0	0.21	20	0.46
СГУ	0.67	25	0.01	5	0	0	0.28	10	0.58
НГУ	0.27	5	1.00	33	0	0	0.00	0	0.69
I_k		0.20		0.23		0.36		0.31	

Рассчитано автором по данным анкет.

Таблица 6

Индексы инновационности и концентрации для отдельных кластеров

Стадия / Показатель	РГГМУ	БФУ	РХТУ	БГНИУ	СГУ	НГУ
Число организаций	18	24	10	11	9	8
I_1	0.75	1.00	0.42	0.46	0.38	0.33
Число статей	1764	889	1217	665	129	2090
I_2	0.83	0.39	0.55	0.27	0.00	1.00
I_2 на одну организацию	0.34	0.09	0.44	0.19	0.00	1.00
Кол-во патентов	206	126	56	12	192	108
I_3	1.00	0.59	0.23	0.00	0.93	0.49
I_3 на одну организацию	0.52	0.21	0.23	0.00	1.00	0.63
I_i	0.86	0.66	0.40	0.24	0.43	0.61
I_i на одну организацию	0.54	0.44	0.40	0.24	0.43	0.61
I_k по стадиям	0.27	0.28	0.36	0.46	0.58	0.69

Рассчитано автором

Были выявлены 4 группы исследовательских центров КТ-19: вузовские центры прогнозирования («ядро»): РГГМУ, БФУ, НГУ; вузы-носители основных компетенций («субядро»): БГНИУ, СГУ, РХТУ, СПГГУ, ТюмГУ; вузы-участники сети: ПГНИУ, ТУСУР,

ТГУ, ТПУ, КФУ; прочие вузы – потенциальные участники сети.

Методики выявления инновационных кластеров и оценка их потенциала на основе развитости инновационного цикла будут использованы в дальнейших исследованиях.

Библиографический список

1. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. – М., 2002.
2. Баренбойм Г.М. Мировой рынок экологических услуг и технологий: анализ состояния рынка, проблемы, перспективы и пути выхода отечественной продукции. – М., 2007.
3. Инновационный потенциал научного центра. – Новосибирск, 2007.
4. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993.
5. Каныгин Ю.М. Научно-производственный цикл. – Новосибирск: Наука, 1972. – 137 с.
6. Кочетков А.В., Орагвелидзе А.Д. Региональное развитие в условиях научно-технической революции. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1977. – 315 с.
7. Эйрес Р. Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование. – М.: Мир, 1971.
8. Яковец Ю.В. Технические циклы и эффективность производства. – М., 1976.
9. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М., 1974.
10. Asheim B., Isaksen A. Regional innovation systems: the integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge // Journal of technology transfer, vol. 27, issue 1, 2002. – pp. 77–86.
11. GreenTech made in Germany 3.0. Roland Berger, 2012.
12. Porter M. On Competition. – Boston, MA, Harvard Business School Press, 1998.

Зырянов А.И. (Пермь)

ФОРМУЛА МЕСТА

Zyryanov A.I. LOCATION FORMULA

Аннотация. В качестве одной из задач географии предлагается выделять яркие ролевые свойства места в виде географической формулы. Формула места – фиксирование фундаментальных характеристик территории, которые невозможно изменить быстро. Феномен места отражает «матрицу» территории и может быть выражен короткой формулировкой. В статье поясняется сущность понятия «формула места», выводятся формулы Екатеринбурга и Иркутска.

Abstract. As one of the tasks of geography this article suggests distinguishing unique territory properties by depicting those in a geographical formula. "Location Formula" is the process of determining the fundamental characteristics of the territory, which are impossible to change quickly. The location phenomenon reflects the "matrix" of the area and can be expressed in a short formula. The article explains the essence of the "Location Formula" concept; consequently, it derives those for Yekaterinburg and Irkutsk.

Ключевые слова: свойства территории, формула места, масштабная роль, Екатеринбург, Иркутск, Швейцария.

Keywords: territory properties, location formula, the scale's role, Yekaterinburg, Irkutsk, Switzerland.

Географические свойства территории влияют на направление ее развития и складывающиеся функции. Географические свойства часто определяют роль места. Какие именно свойства территории в качестве своеобразной «матрицы» рождают и развивают роль места? Как выразить основные или основное свойство места? Как выразить его основную роль? Поскольку территория имеет множество свойств, найти определяющие не просто. Не просто выделить и главную роль территории. Требуются знания закономерностей, информация, анализ, а еще творчество.

Объяснение направления развития территории и достигнутого социально-экономического уровня развития ее географическими свойствами получило в отечественной науке наименование «географический детерминизм». В основном, воспринимался этот подход как нежелательный. Многие известные географы высказывались по этому поводу и старались вывести свои исследования за рамки этой темы. Это не способствовало авторитету географии среди других наук, являлось одним из факторов закрепления ее на вторых ролях. Нынешняя потребность в географических знаниях не только со стороны государства, но и множества субъектов хозяйствования, освобождает нашу науку от идеологической тенденциозности. Лучше стала восприниматься ее разнообразная аргументация. Уже

мало смущает, казалось бы, косвенная аргументация. При этом возникает опасность ухода географии от точных расчетов к слабо обоснованным интуитивным зарисовкам. Однако будем воспринимать их как составную и нужную часть нашей науки.

Возможности места связаны с его явными свойствами, а отсюда с понятиями «的独特性» и «типичность». Географическая уникальность места всегда привлекает. Наиболее значимо, когда местное явление уникально в мире, в стране. Может быть значимо, когда оно уникально в регионе или даже в городе. Обыденное при этом малоинтересно, однако если обыденное проявляется в наиболее типичном виде в данном месте по отношению к развернутому окружению, это находит выражение и в туристском маркетинге и в формировании большой роли. Например, таежная территория со спокойным рельефом и развитой гидросетью – характерная для больших пространств, может быть представлена как место, где наиболее проявляется типичная тайга и типичные таежные условия. При такой характеристики самое типичное становится уникальным и востребованным в туризме. Крайности сходятся и в этом случае типичное превращается в уникальное. Самое типичное востребовано в туризме еще и как экзотическое для дальних гостей.

Таким образом, для осознания «матрицы» территории следует сосредоточить вни-

мание на уникальности и типичности места и определении масштаба этих категорий. Необходим поиск выражения уникальности и типичности места. Под термином место понимается любая целостно выраженная территория, имеющая наименование. Это может быть страна, район, город, физико-географический объект или иной географический феномен. При этом понятие «место» несколько локализирует угол зрения, нацеливая внимание на небольшие пространства.

Все высказанное о матрице, роли, уникальности и типичности необходимо для сравнения мест и понимания их разницы, глубины и источников их отличий. Это требуется в практике территориального развития, в определении преимуществ места и, конечно, в преподавании географии. Все это необходимо для выражения «формулы места». Понятие «формула» здесь, конечно, условное, это лишь претензия на четкую формулировку, но это именно указание на формулировку фундаментального свойства места.

Формулой места мы называем выявление феномена места. *Формула места – это короткая формулировка главных свойств места, которые невозможно изменить быстро.* Главными свойствами являются базовые физико-географические и стабильные экономико-географические свойства места. Это те свойства, на которые можно опереться в поиске мест-аналогов и правильно определить их. Это те свойства, которые позволяют понять современную, более масштабную и даже глобальную роль места, т.е. не концентрировать внимание только пределами локуса, не утопать в географической характеристике собственно места, несмотря на то, что она классическая и профессионально безукоризненная. По-видимому, в формуле не должно присутствовать указание на имя собственное региона, где расположено место. Это даст больше возможностей применять далее формулу для географической аналогии.

Попробуем предложить формулу места для Екатеринбурга. Надо постараться понять именно формулу города, которая бы показала его уникальность и типичность, возможную перспективную роль в макро-регионе, стране и в мире. Эта формула будет направлять наше понимание нынешней географической композиции и перспективного развития.

Если о городе можно ли сказать в одной-двух строках, то это и будет формулой города. На наш взгляд, географический феномен Екатеринбурга, т.е. его формула места, может быть выражена в следующем: *Екатеринбург – это внутриматериковый город с крупнейшим по мировым меркам железнодорожным узлом.* После этой фразы нетрудно определить аналоги Екатеринбурга в мире. Это, по-видимому, Харьков и Чикаго.

Почему эти два свойства мы считаем решающими? Внутриматериковость свидетельствует об отдаленности от побережий океанов и о внутренней роли в стране. О большой величине дополняющего района города, его сферы влияния, сравнимой с материком или, по крайней мере с его срединной частью. О том, что ландшафтное разнообразие проявляется не явно и многосторонне. Поскольку город расположен внутри материка, то скорее всего, конечно, геоморфологически, так как внутри материков города чаще всего позиционно тяготеют к рельефным границам. Крупный железнодорожный узел формируется в течение длительной истории и при этом может сформироваться только в соответствующих местах с точки зрения наложения всей транспортной системы страны или группы стран. Он свидетельствует о пассажирском и грузовом трафике и глобальной многофункциональной роли узлового города. Эти два свойства (одно физико-географическое, второе экономико-географическое) в целом дают основное понимание специфики и роли города.

Не любая характеристика территории близка к формуле места. Еще дальше от нее современная электронная информация, всесторонне описывающая территорию, но не позволяющая понять ее географическое значение.

Поиск формулы места необходим для понимания феномена данного места. Постараюсь пояснить это на примере. Я долго не мог понять систему горных хребтов Швейцарии и весь ее горный «рисунок». В отличие от Австрии, он представлялся мне крайне запутанным и хаотичным. Открыл мне понимание этой горной страны Э.Реклю в трактате о Швейцарии [3], где классик сказал о том, что относительно низкий перевал Сен-Готард является центральной точкой горной и речной системы страны. После этого все основные хребты и реки Швейцарии «вы-

строились» в систему в моей голове. Стала понятна роль этого места в системе транспорта и перемещений. Стала понятна роль в истории этого места кантонов Швиц, Ури и Унтервальден как начального ядра формирования государства. Относительно малозаметное в географической таксономии понятие «перевал» стало в данном случае важнейшим акцентом на географической карте страны. Оно в моем представлении и сформировало понимание основы территориальной организации Швейцарии.

Справедливости ради отметим, что понятие «перевал» в отличие от многих географических терминов имеет равновесно-двойной смысл, т.е. и физико-географический и социально-географический. Вряд ли где-либо еще горный перевал столь географически и исторически значим для страны, как в Швейцарии. Он важен для понимания феномена страны, и может найти свое место в ее формуле. Если мы скажем о том, что **Швейцария – страна, где центром является перевал Сен-Готард**, то приобретут упорядоченность не только орографический рисунок и гидрографическая сеть, но и будет понятно отсутствие явного центрального горного массива. Многодолинность будет находить выражение многонациональности и конфедеративности, в отсутствии доминантного города и в других швейцарских особенностях. Понятие «перевал» корреспондирует с посредническими функциями страны.

Продолжим поиск формулы места по отношению к такому географическому феномену, как город.

Город – дитя территории. Чтобы представить город как географический феномен, следует обратиться к его дополняющему району. Согласно выражению выдающегося экономико-географа И.М. Маергойза, город растет прежде всего не за счет своей собственной территории, не из «самого себя», а вырастает из хозяйственной жизни области, страны, фокусом которой он является [2]. Чтобы понять перспективы развития города, надо оценить не только его локальное пространство (непосредственно окружающую территорию), но и пространство больших размеров. Важна оценка не только локальной ситуации, но и региональной, межрегиональной, а в некоторых случаях и глобальной ситуации. Только при этом можно выйти на понимание роли города в современной и пер-

спективной пространственной организации общества.

Рассмотрим более подробно геофеномен **Иркутска** в контексте понимания его географической матрицы, с задачей выработки формулы места. Выразим последовательно фундаментальные свойства территории, породившей город Иркутск и свойства самого города, способные к формированию его масштабной роли. Попробуем определить главные географические особенности местоположения Иркутска и пространства, на которое распространяется влияние города. Особенно подчеркнем топологическую специфику города, которая будет стимулировать его перспективные региональные и глобальные роли.

На наш взгляд, к географическим достоинствам Иркутска, которые на протяжении нескольких веков способствовали его развитию и будут поддерживать его центральную роль в будущем, необходимо отнести следующие факторы.

1. *Природное (ландшафтное) разнообразие территории.* Иркутск располагается в узле ландшафтных рубежей контрастности высоких порядков. Здесь проходит природная граница Южной Сибири и Средней Сибири, стыкуются Саяны и Прибайкалье, соседствуют высокогорья и равнины. В самых разнообразных компонентах ландшафта и природных явлениях местоположение Иркутска стыковое. Это проявляется в тектонике, геологическом строении, рельфе, криолитологии, гидрографии, почвах, растительности и в других отношениях. Это приводит к высшим значениям ландшафтной контрастности и формирует высокий совокупный природно-ресурсный потенциал территории [1].

2. *Уникальность Байкала.* Байкал – глубочайшее озеро Земли, крупнейший пресноводный водоем, один из признанных самых притягивающих и красивейших пейзажей, для описания которого часто используют только превосходную степень. Байкал – один из самых известных природных объектов мира. Отечественные специалисты туристской сферы выделяют на территории России четыре района с высшими значениями природной аттрактивности. Среди них, наряду с Кавказом, Алтаем и Камчаткой, район Байкала.

3. *Природная комфортность.* Иркутск – самый южный из крупных городов Сиби-

ри. Такое расположение в наиболее южной части Сибирского макрорегиона, в южных широтах России, в целом выражается в благоприятных природных условиях жизни людей по сравнению с другими территориями. Высокие значения поступления солнечной радиации, большое количество солнечных дней повышают природно-климатическую комфортность, способствуют возможностям сельского хозяйства, проявляются в уникальности растительности и биоразнообразии.

4. *Географическая позиция в центре Азии.* На протяжении долгой истории именно Иркутск являлся ключом к освоению огромной территории Азии. Выдающиеся российские и зарубежные исследователи через Иркутск и от Иркутска начинали экспедиции в Сибирь, на Север, на Дальний Восток, в Монголию и Джунгарию. Географическое положение Иркутска вблизи геометрического центра Азии придает Иркутску ведущие транспортно-экономические и geopolитические функции. Этот фактор будет определять инициативы Иркутска как делового центра Азии. Стыковое расположение города между Сибирью и Центральной Азией, на логичном пути из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион, подчеркивает пространственно-узловую роль города и его обоснованные претензии на глобальные роли в современном мировом хозяйстве и обществе.

5. *Транспортный фокус.* Байкал и конфигурация горных массивов Южной Сибири способствуют фокусированию транспортных путей в месте Иркутска. Природные причины сгущения транспортных путей и в дальнейшем будут способствовать развитию транспортного узла города, превращая Иркутск в мощный логистический центр. Важным фактором, повышающим транспортное значение города, является его положение на Транссибирской железнодорожной магистрали. Транспортный фокус у южной границы Сибири, на Транссибе, в середине пути между Уралом и Дальним Востоком – факторы понимания государственной роли Иркутска, как «Ворот в Азию».

6. *Величина города. Большой хинтерланд.* Город Иркутск всегда выделялся размерами среди других городов большого окружающего региона. Иркутская городская агломерация самой крупной по численности населения не только в регионе, сложившаяся вокруг Байкала, но и для территории,

простирающейся далеко на север, восток и юг, охватывая ареал в несколько миллионов квадратных километров. Можно прогнозировать расширение географической сферы влияния Иркутска в социально-экономическом, культурном и инновационном отношениях. Он не стиснут другими крупными городами, имеет уникально большой дополняющий район. Это свидетельствует о том, что Иркутск по комплексу факторов обладает одной из наиболее ценных географических позиций среди городов России и Евразии для своего роста и развития.

Таким образом, Иркутск – это город, играющий не обычную региональную, но межрегиональную или макрорегиональную роли. Одним из факторов распространения сферы влияния города в северном направлении является положение Иркутской области в верховьях рек Ангары, Лены, Киренги, Нижней Тунгуски. Огромный дополняющий район Иркутска исторически способствовал выполнению городом центральных, координирующих функций.

7. *Иркутская городская агломерация – базовый элемент расселенческого каркаса России.* Иркутск располагается в Главной полосе расселения России. Город имеет особенно большую, по отношению к численности населения центрального города, агломерацию специфической формы. Большое население Иркутской агломерации в сочетании с транспортно-узловыми особенностями выдвигает Иркутск и его окружение в качестве базового элемента транспортно-расселенческого каркаса страны. Города, претендующие на центральные или ключевые функции в этом пространстве (Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск) обладают, как правило, такими качествами: а) большим населением по сравнению с другими городами, б) расположением на берегах великих сибирских рек, исторически связывающих их с обширными территориями, в) местоположением в южных частях сибирского пространства, у границы гор Южной Сибири. В этом отношении положение Иркутска наиболее выгодно, оно усиливается близостью Байкала. Таким образом, целый ряд позиционных, природных и социально-экономических факторов способствует выполнению Иркутском функций, характерных для восточной столицы России.

8. *Природный потенциал локальной территории.* Необычайное ландшафтное раз-

нообразие непосредственного окружения Иркутска, создающееся положением города на Иркутско-Черемховской равнине в окружении высокогорных массивов Восточного Саяна, среднегорий Приморского хребта, Лено-Ангарского плато, на геологическом стыке области байкалид и платформенных образований определяет формирование на данной территории геохимического узла со значительными запасами недр (каменный уголь, соли, слюда, минерально-строительные материалы и др.). Положение на Ангаре в месте приема Иркута и других притоков способствует хорошей водообеспеченности, повышает природное разнообразие, определяет высокие ландшафтно-эстетические качества территории.

9. *Купеческая история, интеллектуальность, многонациональная культура.* Транспортно-распределительные функции города издавна сказывались в особой торговой роли и развитии купеческих традиций.

Иркутск традиционно выделялся как центр культуры. Освоение обширных малообжитых территорий связано с прибытием в эти местности наиболее энергичных, творческих

и склонных к риску людей. В настоящее время это университетский центр, город с многочисленными ВУЗами и институтами РАН.

Особенностью города является многонациональность. Этому традиционно способствовали положение у границы России, торговые, культурные и центральные для большой части Сибири функции.

Перечисленные географические и культурно-исторические факторы будут и в дальнейшем способствовать доминирующему росту и развитию Иркутска, поддерживать центральную позицию города в региональной организации общества, обуславливать важнейшие координирующие функции в территориальной системе страны и участие в мировом хозяйстве.

Не могу сказать, что у автора хватило творчества в итоге правильно выразить феномен города. Если сами рассуждения и не вызывают у автора больших сомнений, то завершающая фраза, т.е. формула пока не очень устраивает. Она выражается таким образом: «Иркутск – это стыковой неиндустриальный город масштабного влияния, вызывающий повышенный интерес».

Библиографический список

1. Зырянов А.И. Правило размер-позиция // Известия РАН. Сер. Геогр. – 2007. – № 6. – С. 16–25.
2. Маэргоиз И.М. Географическое учение о городах. – М., 1987. – 119 с.
3. Реклю Э. Народы и страны Западной Европы. Том VII. Швейцария. Пер. с фр., под ред. и с дополнениями Н.К. Лебедева. – М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 76 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Дружинин А.Г. (Ростов-на-Дону)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МЕТРОПОЛИИ (на примере Ростова-на-Дону)¹

Druzhinin A.G.

**SPATIAL CAPABILITIES AND BARRIERS OF POSTINDUSTRIAL
METROPOLITAN REGIONAL DEVELOPMENT (the case of Rostov-on-Don)**

Аннотация. Охарактеризованы факторы, особенности и следствия пространственного развития региональных метрополий России.

Abstract. Characterized factors, features and effects of spatial development of regional metropolis of Russia.

Ключевые слова: региональная метрополия, пространство, постиндустриальное развитие, Россия.

Keywords: regional metropolis, space, post-industrial development, Russia.

В архитектонике территориальной организации современного российского общества особое, ключевое место занимают центры субъектов Федерации или (если следовать всё более укореняющейся в русскоязычной терминологической практике новации [1–5]) – **региональные метрополии**. В конструируемой ими урбанистической сети Москва и Санкт-Петербург – особый случай, однако если учитывать и эти общефедеральные по своему значению города (частично выполняющие и регионаорганизующие функции), то в пространстве России в настоящее время присутствуют 84 «сгустка» региональной политической власти и экономического влияния, в совокупности концентрирующие 50,3% городского населения страны. Все они «неравновесны»: от миниатюрного ингушского Магаса с населением в 2,5 тыс. до московской мегаметрополии, вмещающей (с пригородами) до 18 млн. чел.; при этом, лишь 34 региональные метрополии насчитывают более 500 тыс. жителей (т.е. могут характеризоваться как более-менее крупные) и только восемнадцать из них «венчают» собой городские агломерации с более чем миллионным населением. С 2010 г. к числу региональных метрополий уместно, полагаем,

относить и «столицу» СКФО, г. Пятигорск, «ядро» более чем полумиллионной групповой системы расселения.

При этом, не все из них – состоявшиеся, успешные, в достаточной мере реализовавшие возможности постиндустриального развития и метрополизации. Метрополизация в данном случае понимается как неравноправное, координируемое через рыночные и административные механизмы соразвитие поселений, как становление и воспроизведение особой практики доминирования ведущего пространственного ареала и, прежде всего, собственно городского («столичного») центра [6].

В сверхполяризованном, «властоцентричном» и рентоориентированном пространстве постсоветской России, на фоне продолжающей деградировать её периферии [7], региональные метрополии, разумеется, выглядят благополучными «счастливчиками». Стабилен (либо развивается) рынок труда; заработка плата в подавляющей части региональных центров на 20–40% выше, чем средний её уровень по всему региону; ввод жилья на одного жителя, как правило, в 2–3 раза превышает показатели по остальной территории [8].

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 12-06-00034-а.).

Социально-экономический потенциал отдельных региональных метрополий (равно как и возможности модернизации собственной пространственной среды на современной, то есть постиндустриальной, основе) в силу позиционных, демографических, структурных, институциональных, имиджевых и иных обстоятельств, тем не менее, неравнозначен. И дело не только в «массе», но и в продуцируемом многообразием локальных ситуаций «качестве» города, его экономики; причём статус «регионального центра» сам по себе не избавляет ни от социально-экономического застоя, ни от депопуляции, ни от деградации инфраструктуры. В этом отношении показательно, что по итогам 2010 года в 38 региональных метрополиях душевой ввод жилья не превысил минимально приемлемый рубеж для простого воспроизведения жилого фонда ($0,5 \text{ м}^2$). И только в 19 городах (включая два «миллионера» – Ростов-на-Дону и Екатеринбург) достигнутый объём жилищного строительства (более $0,7 \text{ м}^2$ на одного жителя в год) индицирует поступательную социально-экономическую динамику, реальную (хотя и не лишённую проблем) модификацию городского пространства.

Привилегированные позиции региональных метрополий постсоветской России, в итоге, достаточно избирательны, призрачны, опираются на очень зыбкий экономический, демографический и инфраструктурный «фундамент», корреспондируют с множеством исторически унаследованных и новых проблемных ситуаций, дефицитов, рисков. Негативные тренды в развитии и функционировании крупных российских городов, разумеется, имели место и в советский период. Достаточно вспомнить реализуемую по ведомственным сценариям индустриализацию и урбанизацию, ускоренный рост ведущих центров, «запаздывание» инфраструктурного обустройства территории и, как отражение ситуации, директивные запреты на размещение новых промышленных предприятий в Москве, Ленинграде, ряде других ведущих центров в послевоенные годы [9], однако масштабность и остроту им придали, безусловно, именно радикальные политико-экономические трансформации двух последних десятилетий.

В 1990-е гг. мейнстримом кризисных процессов стала деиндустриализация, пре-

вращение крупнейших городов в пространственные скопления «обесцененного труда лишних производителей» [10] и последовавшее резкое снижение жизненного уровня (и потребительского спроса) основной части городского населения. Этому процессу частично противостояли позитивные экстерналии федерализации и превращения былых административных центров в реальные региональные метрополии, начавшие активно наращивать сервисные функции. Однако преодолеть кризисные тенденции это помогло лишь частично и не всем. Новая регионализация России (обретшая чёткие формы к концу 1990-х гг.) инициировала стратификацию региональных центров по позиционным и иным возможностям их дальнейшего (в том числе восстановительного) роста.

Одни метрополии оказались в зоне интенсивной депопуляции (российский Север и Северо-восток), иные (в Центральной России, на Северном Кавказе) напрямую столкнулись с проблемой несоответствия собственного масштаба (зачастую ориентированного ранее на межрегиональные, обще-союзные функции) и ресурсного потенциала «подпитывающей» его территории, с усиливающейся конкуренцией других региональных центров. Большинство региональных метрополий оказались вне новых доминирующих осей и полюсов развития, «центров прибыли», важнейших товарно-логистических и финансовых потоков. Нарастающая поляризованность российского социально-экономического пространства (приобретшая к началу 2000-х годов сложившиеся, гипертрофированные черты), а также разворачивающаяся экспансия крупного бизнеса в регионы [11] ознаменовали собой частичную деметрополизацию региональных метрополий. Фактически они утратили контроль над собственными ресурсами, активами, источниками роста и, в итоге, их социально-экономическое развитие связано с надеждами на повышенное внимание федеральной власти и крупных корпораций, особый статус, финансово-инвестиционные и имиджевые дивиденды нечестных мегасобытий.

Трансформационный кризис региональных метрополий (лишивший крупнейшие города их доминирующей ранее индустриальной миссии) в 2000-е годы оказался дополнен кризисом аутрайдерской, зависимой позиции. Доминанта инорегиональных кор-

пораций и превалирование финансовой сферы над реальным сектором обнажили дистанцию между отчуждаемым результатом экономической активности и возможностью воспроизведения «человеческого капитала», инфраструктуры, природной среды, благоприятствовали дальнейшему «проматыванию» накопленного ещё в советский период, но в последующем недоиспользуемого и «недофинансируемого» инфраструктурного, кадрового и интеллектуального потенциала ведущих городских центров. К примеру, даже в сравнительно «благополучном» Ростове-на-Дону современные темпы (1% в год) обновления городских сетей водоснабжения, канализации [12] позволяют обеспечить необходимое их воспроизведение только через сто лет. Очевидно, что это равносильно отсроченной на время самоликвидации базовых элементов городской инфраструктуры.

Как свидетельствует мировой опыт, преодоление последствий deinдустрIALIZации, сохранение позиций ведущих городов как приоритетных экономических центров в современном пространственном контексте не только необходимо, но и возможно. Оно определяется способностью продуцировать новые деловые идеи и коммерческие продукты, обновлением основных фондов в реальном секторе, успехами укоренения «новой экономики», основывающейся на знании, инновациях, сервисе [13–19]. Для большинства региональных метрополий Российской Федерации, несмотря на внешние проявления терцаризации, проецирующиеся на все основные аспекты жизнедеятельности города (его центр-периферийную организацию, архитектурный облик, социальные характеристики, позиции в региональной системе расселения и др.), полноценная, конкурентоспособная (нацеленная, в том числе, на внешние рынки) постиндустриальная экономика продолжает оставаться преимущественно стратегической целью, отчасти иллюзией. «Пространственное насыщение товарами и услугами» [21] действительно произошло, сервис развивается, но он ориентирован не столько на производство, сколько на потребление, причём, преимущественно, внутреннее, в лучшем случае в пределах метрополии, зоны её непосредственного влияния. Лишь немногие крупнейшие города реально выполняют межрегиональные функции (в частности,

в сфере образования – это Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Самара, Томск, Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Воронеж, Нижний Новгород, Красноярск [22]).

Нарастает противоречие между потребительским потенциалом метрополий, их завышенными социальными ожиданиями (в том числе и со стороны «новых горожан») и стагнирующей (в ряде случаев и деградирующей) градообразующей базой, по многим локальным и общим причинам так и не способной обрести постиндустриальные импульсы и черты.

Ещё сложнее и медленнее (в жёсткой конкуренции с зарубежьем, с другими крупными городами, с иными сферами хозяйственной активности, с собственными пригородами) в региональных метрополиях протекает реиндустриализация. В настоящее время лишь в десяти региональных центрах (Санкт-Петербурге, Омске, Челябинске, Перми, Уфе, Туле, Калининграде, Калуге, Липецке и Великом Новгороде) душевой объём производства продукции обрабатывающих производств выше среднего по России. Позитив «возвращения» промышленности в крупные города (в том числе и «столичные») зачастую вступает в противоречие с усиливающимся дефицитом территорий, дополнительными экологическими рисками. Основу же современной градообразующей базы всех без исключения крупных городских центров в существенной мере составляет перераспределляемая в форме межтерриториальных трансфертов (бюджетных, корпоративных, внутрисемейных) природно-ресурсная рента. И, в этой связи, сложно не согласиться с ведущим российским геоурбанистом Г.М. Лаппо, подчёркивающим, что «Не должно создавать иллюзий наблюдающееся оживление в таких сферах как торговля, пищевая промышленность, добыча нефти и газа. Строительство престижных зданий в Москве и других больших городах, разрастание коттеджных посёлков в пригородных зонах не могут заслонить прямо-таки убийственных процессов деградации и упадка ведущих отраслей промышленности, угасания науки... спада культуры...» [23, с. 67].

Создавая финансово-экономическую основу функционирования региональных метрополий и обеспечивая воспроизведение в них населения и инфраструктуры, межрегиональный трансфертный механизм крайне

уязвим перед вероятностными изменениями глобальной рыночной конъюнктуры, порождает риски обвальной социально-экономической деструкции во всех узловых звеньях урбанистической сети, тормозит радикальные институциональные и иные преобразования, необходимые для реального социально-экономического развития.

Постсоветский кризис, в итоге, оказался перманентен, разнообразен по причинам, многогранен, асинхронен для отдельных групп урбанистических центров. В последнее время в нём всё ощутимее проявляется посттрансформационная составляющая, то есть то, что имманентно современному глобальному капитализму, связано с универсальными рыночными, институциональными барьерами городского развития, проявившимися в высокоразвитых странах три-четыре десятилетия назад [24]. При этом, основополагающий его момент – выраженное несоответствие между реальным хозяйственным и архитектурно-планировочным настоящим региональных центров и императивом их развития по современной постиндустриальной модели, дефицит ресурсов для его преодоления, в том числе и пространственных.

В этой связи показательно мнение В. Княгинина, что для «больших городов единственная ставка на возможный быстрый рост – переход к инновационному развитию и превращению их в полноценные центры управления (торгово-логистические и транспортные узлы, финансовые и кадровые центры, поставщики информации и технологий» [25].

Пространство города – продуцент его социально-экономической динамики, итог и фактор всей палитры складывающихся общественных отношений, включая и отношения метрополизации. Будучи абсолютным условием «всего производства и всего потребления... оно должно все активнее расширяться, чтобы соответствовать логике капиталистического роста» [26]. В этой логике, акцентируем, функционируют ныне и российские региональные метрополии, однако, в данном случае, существенен не только общий тренд, но и сопутствующие ему нюансы.

Постсоветская трансформация была сопряжена с существенным повышением «институциональной плотности» [27] городского пространства, с резко возросшей и

проявившейся его полисубъектностью, многопорядковым увеличением числа акторов пространственно-экономических (локализационных, инвестиционных) решений. Наряду с этим именно в метрополиях, особенно крупнейших, в полной мере проявился организующий (в том числе и фрагментирующий) территоию эффект земельной ренты, благоприятствуя так называемой «коммодификации пространства» [24], то есть превращению земли в приоритетный объект долгосрочных инвестиций, в важнейший актив, который мог быть продан или куплен. Городские территории и недвижимость в целом, а также все сопряжённые с ними виды хозяйственно-поселенческой активности, обрели ипостась гигантских инвестиционных «пирамид», чьё необходимое для развития метрополии расширенное воспроизводство поддерживается не только устойчивым притоком составляющих спроса (люди, их труд, финансовые инвестиции, городские товары и услуги и др.), но и предложения (территории для дальнейшего освоения, поглощения, капитализации, приватизации, в том числе и «новые»). В данном контексте стабильно возрастает цена экономических, архитектурно-планировочных и иных существенных для города решений, многократно усложняя модернизацию его среды (в случае, если речь не идёт о реализации высокоприбыльных проектов), развитие общественных пространств, транспортной и природоохранной инфраструктуры.

Экономико-институциональные барьеры дальнейшего территориального развития и, в этой связи, необходимых метаморфоз «качества» городской среды, её эволюции по постиндустриальному сценарию в настоящее время характерны для всех региональных метрополий, но особо масштабны, существенны для крупнейших, наиболее динамичных городов. Показательно в этом отношении недавнее решение о расширении в 2,6 раза территории г. Москвы. Нынешний темп жилищного строительства ($0,15 \text{ м}^2/\text{чел. в год}$) обеспечивает возможность обновления жилого фонда в её прежних границах лишь через 160 лет (неслучайно крупные районы массовой жилой застройки в литературе часто именуют «трущобами XXI столетия», «районами упадка» [28]), прорисовывая, тем самым, достаточно ясную и невесёлую перспективу. Потребность вырваться из «путей»

переоценённой городской недвижимости и завышенных рыночных ожиданий её собственников в целом испытывают и другие ведущие города постсоветской России.

Современное постиндустриальное общество (в первую очередь, социум высокорубанизированных территорий) – это, прежде всего, общество потребления, в котором человек всё больше интересен именно как потребитель [29]. Важнейшим аспектом современного потребительского поведения в ареалах метрополизации выступает именно «потребление» городского пространства, его ресурсных, эстетических, креативных, информационных, рекреационных, экологических возможностей; «качество» потребления (личное пространство, в том числе защищённое правами собственности, ареалы «освоения» территории отдельными социальными стратами и т.п.) и его «качество» в данном случае в равной мере существенны, задавая тренд постиндустриальной трансформации территориальной организации города.

Жилищное строительство, наращивание жилого фонда – это именно та сфера, где постепенно обретающая постиндустриальный облик экономика напрямую «стыкуется» с потреблением. Выступая в настоящее время основным «драйвером» развития городов-метрополий, доминирующей «специализацией» городских территорий, жилищное строительство осуществляется повсеместно и во все возрастающих (в условиях благоприятной макроэкономической конъюнктуры) масштабах. В этом отношении показателен пример Ростова-на-Дону: в целом с 1992 года на его территории построено 10,6 млн. м² жилья (2/3 из этого объёма – в последнее десятилетие), и, фактически, это означает, что почти половина имеющегося в настоящее время в городе жилого фонда введена в эксплуатацию уже в постсоветский период. За последние пять лет из 12 российских городов-миллионеров более высокие, чем в Ростове, темпы роста жилищного строительства продемонстрировали лишь Новосибирск, Екатеринбург и Самара.

Активное жилищное строительство ещё чётче акцентирует остроту социальной стратификации городской общности. Около 70% населения Ростова имеют низкую или недостаточную жилищную обеспеченность, из них в очереди на улучшение жилищных

условий состоит порядка 13 тысяч семей. В стесненных условиях проживают около 75 тысяч ростовчан, или 7% от всего населения города, около 5 тысяч семей – в коммунальных квартирах. Из почти 80 тыс. локализованных на территории Ростова-на-Дону частных домовладений около 10 тыс. имеют печное отопление. При этом, две трети населения Ростова-на-Дону по финансовым причинам не способны инвестировать в жильё.

Размещение в городском центре, превратившееся в элемент престижного потребления, инициирует и стимулирует джентрификацию – центростремительный вектор в пространственной организации, экономически и социокультурно мотивирующую попытку возвращения части состоятельного населения в деградировавшие ранее и всё более фрагментирующиеся ныне исторические кварталы. Симптоматично, что непосредственно в центральной части Ростова (здесь традиционно сложилась самая высокая в городе плотность застройки – 490 чел. на 1 га при средней по городу в 30 чел.) в последние годы вводился каждый пятый квадратный метр жилья или порядка 40% от всего многоэтажного жилищного строительства. Аналогичного рода «наполняющая застройка» характерна, впрочем, и практически для всей остальной ранее освоенной территории. Активнейшим образом, в частности, идёт новое коттеджное строительство в территориально доминирующих в условиях южного города ареалах усадебной (фактически полусельской) застройки (с середины 1990-х по середину 2000-х гг. в них осуществлялось порядка 50% от всего объема жилищного строительства в Ростове-на-Дону [30]; в настоящее время данный показатель возрос до 2/3).

Одновременно наблюдается пространственная экспансия периферийной многоэтажной застройки, дополняемая формированием в её массиве крупных торгово-сервисных и культурно-досуговых ареалов и зон. Соответствующим образом растут радиусы ежедневных трудовых поездок. Растигаются основные городские транспортные артерии, становясь всё более привлекательными для локализации разнообразных объектов торговли и сервиса, обретая функционал «улиц автосервиса», «ресторанных улиц», «улиц стройматериалов» и т.п., что, наряду со «взрывной» автомобилизацией, многократно

усложняет внутригородские коммуникации. Общие затраты времени на одну поездку в Ростове-на-Дону достигают 55 мин. при нормативных 35 мин. [12], это означает, что сверхнормативные временные потери только пассажиров общественного транспорта города из-за повсеместных «пробок» эквивалентны 114 млн. часов в год.

Прибыль от «расплзания» городов, равно как и от «уплотнения» городского пространства, таким образом, получают немногие. Сопутствующие позитивные эффекты достаются отдельным стратам поселенческой общности, а издержки (включая бюджетные расходы на коммуникации, сети и т.п.) несут практически все. Происходит своего рода приватизация позитивных эффектов «расширяющегося» городского пространства и социализация (перекладывание на территориальную общность) его негативных экстремалий.

Пространство города Ростова-на-Дону, как одной из наиболее успешных российских региональных метрополий, в итоге, с одной стороны «уплотняется», с другой, что аналогично ситуации в иных крупных городах [31], – разрастается по принципу «маслянистого пятна». При этом, даже в ситуации выраженной джентификации, город всё ощущимее проявляет свою полицентричность, однако уже новую, постиндустриальную, когда на смену характерного для индустриальной эпохи рассредоточения многочисленных центров производства и жизнеобеспечения приходит полигонизм «следующих» за массивами нового жилищного строительства «ядер», ареалов потребления (товаров и услуг), в том числе размещаемых вне городской территории.

В последние несколько лет интерес к «поглощению» городом-метрополией со-пределных территорий существенно возрос, воплотилась в государственное решение идея «Большой Москвы», активно обсуждаются и лоббируются перспективы «Большого Екатеринбурга», «Большого Ростова» и т.д. Связано это преимущественно с финансово-инвестиционными интересами доминантных субъектов метрополии [6], с сопряжённым с ними «дефицитом» территорий под жилую застройку (территорий именно незастроенных, а значит, и наиболее выигрышных с точки зрения девелоперов, чьи интересы в данном случае разделяют и крупные земельные латифундисты, инвесторы, сознательно

скучающие земельные участки на внешней периферии крупнейших городов). Иная причинность – всё более заметный «выплеск» за границы доминирующего города не только промышленных активов, но и торговли, логистики, жилищного строительства; рост трудовой мятниковой миграции, необходимость реализации крупных, по сути межмуниципальных, инвестиционных проектов в интересах региональных метрополий.

Подчеркнём, что вне зависимости от не-простых решений по новой «нарезке» административных рубежей, тот же «Большой Ростов» практически уже реально формируется самой логикой процесса метрополизации. Как представляется, можно вести речь о трёх «слоях» периферии «Большого Ростова»:

- 1) непосредственно примыкающие к Ростову и в существенной мере интегрированные с ним города и сельские районы (гг. Азов, Батайск, Аксайский и Мясниковский районы);

- 2) прочие территории традиционной Ростовской агломерации (гг. Новочеркасск и Таганрог, Неклиновский и Октябрьский районы);

- 3) территории с существенным потенциалом интеграции в сферу влияния Ростова (в первую очередь г. Шахты).

В этой связи можно вести речь о «Большом Ростове» в узком смысле (как о разделённом муниципальными границами фактически едином городе с его субурбанизированными территориями), имея в виду в данном случае сам Ростов-на-Дону, а также Азов, Батайск, Аксайский и Мясниковский р-ны. В широком своём понимании «Большой Ростов» «выплескивается» даже за привычные рамки Ростовской агломерации и представляет территорию, на которой проявляются социально-экономические эффекты, связанные с потенциалом и потребностями Ростова-на-Дону, наличием формируемого им единого хозяйственного, потребительского и инфраструктурного пространства. В этой связи «конструировать» «Большой Ростов» нужно начинать, откладывая взаимодействия с ближайшими муниципалитетами и далее распространяя позитивную практику на всю зону тяготения Ростова-на-Дону.

«Притягиваемые» динамично прирастающим хозяйственным потенциалом региональной метрополии производственные и транспортно-логистические объекты размещаются в пределах практически всей

формируемой Ростовом-на-Дону групповой системы расселения. Здесь же, частично, локализованы и потребляемые областной «столицей» трудовые ресурсы.

В ситуации возросшей территориальной концентрации социально-экономической активности, развития дорожно-транспортной инфраструктуры и интенсивной автомобилизации, город существенно усилил влияние на сопредельные муниципальные образования. Они стали более активно опираться на социально-экономическую динамику развития Ростова-на-Дону, его потенциал как основного «полюса роста», финансового центра, аккумулирующего и генерирующего финансовые ресурсы и места приложения труда на территории Ростовской области. За «восстановительные» 2000-е годы число рабочих мест в Ростове-на-Дону возросло на 18,5%, в то время как на территориях за пределами Ростовской агломерации снизилось на 30%.

Благодаря растущему социально-экономическому потенциалу г. Ростова-на-Дону на соседних с ним территориях (по статистике 2011 г.) построено около 85 тыс. м² жилья, что эквивалентно 4,5% от общеобластного показателя и 9,5% от объёма жилищного строительства в городе Ростове-на-Дону. Около 10% от гипотетически возможного объёма розничного товарооборота Ростова-на-Дону «перетекло» в сопредельный Аксайский район. Активизирован процесс перемещения из города в его пригородные зоны производства, размещаемого, в том числе, в рамках индустриальных парков (Новоалександровского и Азовского); усилилась ориентация жителей городов Таганрог, Батайск и ряда других поселений на приобретение товаров в г. Ростове-на-Дону.

Расширение сферы социально-экономического влияния г. Ростова-на-Дону, углубление функциональной и ресурсной сопряжённости составляющих Ростовской агломерации, формирование в её пределах единого потребительского рынка, а также рынков труда, недвижимости, наличие общих для города и сопредельных с ним муниципальных образований инфраструктурных, архитектурно-планировочных и социально-экологических проблем инициируют усилия по преодолению барьеров, препятствующих межмуниципальному развитию, предопределяют необходимость институционального, инвестиционного и инфраструктурного обеспечения интенсификации межмуниципального взаимодействия.

Пространство региональной метрополии, таким образом, «расширяется», параллельно становясь «многослойным» (за счёт взаимодействия метрополий, «взаимонапластования» ареалов их влияния) и, вместе с тем, фрагментарным (благодаря многообразию разноуровневых центров, социальной стратификации, неравнозначной способности отдельных страт горожан к «освоению» урбанистического пространства, барьерности существующих административных рубежей). Приоритетное для современной России развитие региональных метрополий, создание в них адекватной вызовам глобализации и постиндустриального общества качества селитебной и хозяйственной среды, ориентирует на целенаправленные и эффективные полимасштабные усилия по мониторингу, регулированию, санации и конструированию пространства метрополизации; вне его реосоциализации решение последних задач малореалистично.

Библиографический список

1. Доманьский Р. Экономическая география: динамический аспект. – М.: Новый хронограф, 2010.
2. Дружинин А.Г. Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и южно-российская специфика // Географический вестник. – 2009. – № 3.
3. Крупные города и вызовы глобализации / Под ред. В. Колосова и Д. Экктерта. – Смоленск: Ойкумена, 2003.
4. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. – 2004. – № 1.
5. Слука Н.С. Градоцентристическая модель мирового хозяйства. – М.: Пресс-Соло, 2005.
6. Дружинин А.Г. Метрополии и метрополизация как mainstream территориализации политico-экономической власти: некоторые теоретико-методологические аспекты общественно-географического анализа // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. – 2010. – № 1.
7. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. – М.: Изд-во «Вузовская книга», 2012. – 336 с.

8. Дружинин А.Г. Урбанизация и метрополизация на Юге России в постсоветский период: факторы, тренды, проблемы // Развитие городов в условиях глобализации [Текст]: сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е.Г. Анимицы ; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. – 172 с. – С. 88–100.
9. Из доклада заместителя руководителя советской части секции районной планировки и градостроительства Постоянной комиссии по строительству Совета экономической взаимопомощи А. Кудрявцева на заседании секции об оптимальной величине населенных мест и регулировании роста больших городов // ЭКОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ. 1917–1990. Документ № 139. Без границ [Док. №№ 121–156]
10. Кастьель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
11. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. – М., 2005.
12. Стратегический план социально-экономического развития города Ростова-на-Дону до 2025 года. – Ростов-на-Дону, 2012.
13. Amin A. The Economic Base of Contemporary Cities // A Companion to the City / Ed. G. Bridge, S. Watson. – L.: Blackwell, 2000.
14. Audretsch, D. B., and Feldman M. P. (1999). "Innovation in cities: Science-based diversity, specialization and localized competition". European Economic Review 43: pp. 409–429.
15. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford:Blackwell, 1996. Vol. 1
16. Florida R. Who's Your City: How the Creative Economy is Making Where to Live The Most Important Decision of Your Life. – N.Y.: Basic Books, 2008.
17. Harvey D. Consciousness and the Urban Experience. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1985.
18. Huggins, R. (1997). "Competitiveness and the global region: The role of networking". In: Innovation, networks and learning regions, edited by J. M. Simmie. London: Jessica Kingsley.
19. Scott, A. J. & Storper, M. (2003). "Regions, globalisation, development", Regional Studies, vol. 37, no. 6&7, pp. 579–593.
20. Дружинин А.Г. Пространственное развитие города-миллионера: тенденции постсоветского периода. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008.
21. Аксёнов К., Брадэ И., Бондарчук Е. Трансформационное и посттрансформационное городское пространство. Ленинград – Санкт-Петербург. 1989–2002. – СПб.: Геликон Плюс, 2006.
22. Яшунский А., Замятина Н. Межрегиональные центры образования // Отечественные записки. – 2012. – № 3.
23. Лаппо Г.М. Города России: взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. – 504 с.
24. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмыслиения пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 520 с.
25. Княгинин В. Концепция пространственного развития в РФ. Приложение к докладу «Россия. Пространственное развитие» // Русский архипелаг. www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/development/supplement
26. Harvey D. The Limits to Capital. – Oxford: Blackwell, 1982.
27. Amin, A. & Thrift, N. (1994) «Living in The global» in Globalisation, institution, and regional development in Europe. A. Amin & N. Thrift eds., Oxford University Press, Oxford, pp. 1-22.
28. Бrade И. Изменения или постоянство? Социально-пространственная дифференциация в постсоциалистических городах // Развитие городов в условиях глобализации [Текст]: сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е.Г. Анимицы ; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. – 172 с.
29. Граф Дж., Ванн Д., Нейлор Т. Потребительство: болезнь угрожающая миру. – М., 2003.
30. Генеральный план развития г. Ростова-на-Дону до 2025 г. – Ростов-на-Дону, 2007.
31. Вайнберг Э.И. Отсутствие градостроительных подходов к управлению территорией – вызов эффективному развитию России // Вызовы XXI века: природа, общество, пространство. Ответ географов стран СНГ. – М., 2012.

Кожевникова Г.П., Шеломенцева М.В. (Смоленск)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Kozhevnikova G.P., Shelomentseva M.V.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LABOUR RESOURCES OF THE MUNICIPAL ENTITIES OF THE SMOLENSK REGION

Аннотация. В данной статье предлагается концепция формирования оценочных моделей, количественно выраждающих состояния трудовых ресурсов в целом и на отдельных стадиях – при формировании, распределении и использовании трудовых ресурсов. Выполнен сравнительный анализ состояния трудовых ресурсов по муниципалитетам Смоленской области.

Annotation. This article offers a concept of developing estimation models that demonstrate in amount the qualitative level of the process of reproduction of labour resources in whole and at its separate stages, i.e., population growth, distributing and using of the labour resources. On the basis of the received values of indicators the comparative analysis of the assessment of the condition of the labour resources of the municipal entities of the Smolensk region is made.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, воспроизведение трудовых ресурсов, регион, муниципальные образования, оценочные модели, факторы-мотиваторы, факторы-демотиваторы, интегральные показатели.

Key words: labour resources, processes of labour resources reproduction, region, estimation models, motivating factors, demotivating factors, integral indicator.

Одной из основных задач региональной политики является повышение конкурентоспособности территории, формирующейся под влиянием таких факторов, как экономико-географическое положение, природно-климатические условия, состояние окружающей среды и др.

Конкурентные преимущества региона во многом зависят от состояния трудовых ресурсов (ТР), которые являются неотъемлемой частью социально-экономического комплекса региона [1] и как таковая проходит стадии формирования (воспроизведения), распределения и/или перераспределения и использования:

1. *Подсистема формирования ТР*, позволяющая при оценке состояния ТР учитывать такие факторы, как рождаемость, смертность, здоровье различных категорий и возрастных групп населения; миграция и др.

2. *Подсистема распределения и/или перераспределения ТР*, в большей степени характеризующая объект исследования с качественной стороны: возрастная и гендерная структура, образование, профессия, квалификация и т.п.

3. *Подсистема использования ТР*, характеризует объект исследования с позиций экономической активности, зависящей от форм хозяйствования, занятости, мотивации экономического поведения, системой материального стимулирования.

С точки зрения системного анализа эти процессы образуют отдельные подсистемы. Все три подсистемы, являясь самостоятельными компонентами ТР, в то же время пребывают между собою в диалектическом единстве, определенном количественном и качественном соотношении и функциональной зависимости, носят динамичный характер и функционируют параллельно и синхронизировано.

Это позволяет рассматривать ТР объект исследования как систему (рис. 1), состоящую из «множества составляющих единство элементов, их связей и взаимодействий между собой и между ними и внешней средой, образующих присущую данной системе целостность, качественную определённость и целенаправленность» [2; с. 13].

Тогда состояние системы трудовых ресурсов региона (ТРР) определяется влиянием следующих факторов:

- экономического потенциала региона, включающего в себя развитие внутреннего хозяйства, его структуру, обусловливающих формирование определенных общественных потребностей (спроса) на рабочую силу;
- состояния и перспектив региональных связей как по линии территориального разделения труда, так и с точки зрения движения численности населения и ТР.

Рис. 1. Трехкомпонентная структура системы трудовых ресурсов региона

По нашему мнению, одной из составляющих комплексной оценки конкурентоспособности региона может выступать интегральный показатель S_{tp} состояния ТР с учетом стадий их формирования (F), распределения(R) и использования (W).

Многоаспектность категории ТР предопределяет многомерный характер показателей, используемых для их оценки, и базируется на применении средней геометрической.

В результате исследования получены значения интегральной оценки S_{tp} с использованием для 27 муниципальных образований (МО) Смоленской области за 2011 г. по данным [3], представленные в табл. 1.

Проведенные расчеты показывают, что в целом по Смоленской области на начало 2012 г. «лидером» по интегральной оценке S_{tp} является Гагаринский район ($S_{tp} = 1,70$), «аутсайдером» – Холм-Жирковский район ($S_{tp} = 0,28$). Среднее значение S_{tp} (среднеобластной уровень) по рассматриваемой совокупности составляет 0,56. При этом более 60% муниципалитетов региона имеют значения S_{tp} ниже среднего, и, следовательно, состояние их ТР характеризуется как депрессивное.

Дальнейший анализ предполагает исследование муниципалитетов региона с применением различных группировок.

В данной статье применяется *группировка по экономико-географическому признаку* [4] путем образования трех групп:

1-ая группа – МО с центром – городом областного подчинения и городские округа (города Десногорск, Смоленск и районы Сафоновский, Рославльский, Вяземский, Ярцевский);

2-ая группа – МО, имеющие *городское и сельское население* (Гагаринский, Дорогобужский, Ельнинский, Велижский, Демидовский, Духовщинский, Починковский,

Руднянский, Сычевский, Холм-Жирковский, Монастырщинский, Кардымовский, Краснинский, Хиславичский, Шумячский);

3-я группа – МО, имеющие только *сельское население* (Ернический, Кардымовский, Новодугинский, Смоленский, Угранский, Темкинский).

Для количественной оценки вариации и степени однородности распределения МО по интегральной оценке S_{tp} рассчитаны следующие характеристики (табл. 2): максимальное (x_{max}), минимальное (x_{min}), среднее арифметическое значение (\bar{x}), размах вариации (R), медиана (M_e), коэффициент вариации (V_σ).

Согласно данным табл. 2, в первой и третьей группах наблюдается однородное распределение МО по показателю S_{tp} ($V_\sigma < 33\%$). По нашему мнению, это обусловлено сложившейся направленностью экономики рассматриваемых муниципалитетов: на территории муниципалитетов первой группы производится около 84% промышленной продукции региона, а экономика МО третьей группы ориентирована в основном на сельскохозяйственное производство [3].

Самую многочисленную группу (более 50%) образуют муниципалитеты, на территории которых располагаются как промышленные, так и аграрные предприятия и организации. Анализ распределения МО по интегральной оценке S_{tp} показывает, что оно не является равномерным (табл. 3).

Анализ данных табл. 4 показывает, что во второй группе превалируют значений S_{tp} , меньшие среднеобластного уровня (8 МО из 15). Иными словами, кривая распределения МО по оценке S_{tp} имеет левостороннюю асимметрию ($M_e = 0,45$ меньше $\bar{x} = 0,58$).

Величина коэффициента $V_\sigma = 61,4\%$ указывает на неоднородность распределения

Таблица 1

Сводная таблица оценок S_{mp} по МО Смоленской области в 2011 г.

№ п/п	Муниципальное образование	S_{tp}	№ п/п	Муниципальное образование	S_{tp}
1	Смоленск	0,99	15	Новодугинский	0,55
2	Десногорск	0,56	16	Починковский	0,33
3	Велижский	0,60	17	Рославльский	0,47
4	Вяземский	0,66	18	Руднянский	0,36
5	Гагаринский	1,70	19	Сафоновский	0,46
6	Глинковский	0,40	20	Смоленский	0,51
7	Демидовский	0,42	21	Сычевский	0,72
8	Дорогобужский	0,98	22	Темкинский	0,33
9	Духовщинский	0,60	23	Угранский	0,47
10	Ельинский	0,45	24	Хиславичский	0,44
11	Ернический	0,30	25	Холм-Жирковский	0,28
12	Кардымовский	0,33	26	Шумяческий	0,59
13	Краснинский	0,56	27	Ярцевский	0,55
14	Монастырщинский	0,32			

Таблица 2

Характеристики интегрального показателя S_{mp} для муниципалитетов Смоленской области

№ п/п	Группа	Показатель						
		\bar{x}	M_e	x_{min}	x_{max}	R	$V_o, \%$	Число МО
A	Б	1	2	3	4	5	6	7
1	1-ая	0,62	0,56	0,46 Сафоновский	0,99 г. Смоленск	0,53	32,1	6
2	2-ая	0,58	0,45	0,28 Холм-Жирковский	1,70 Гагаринский	1,42	61,4	15
3	3-ая	0,42	0,40	0,30 Ернический	0,55 Новодугинский	0,25	25,9	6
4	Смоленская область в целом	0,56	0,47	0,28 Холм-Жирковский	1,7 Гагаринский	0,46	52,6	27

Таблица 3

Распределение муниципалитетов 2-ой группы по интегральной оценке S_{mp}

№ п/п	Величина интервала оценки S_{tp}	Число МО, ед.	Частоты, %
1	0,28–0,56	8	53,3
2	0,56–0,85	5	33,3
3	0,85–1,13	1	6,7
4	более 1,13	1	6,7
	Всего	15	100,0

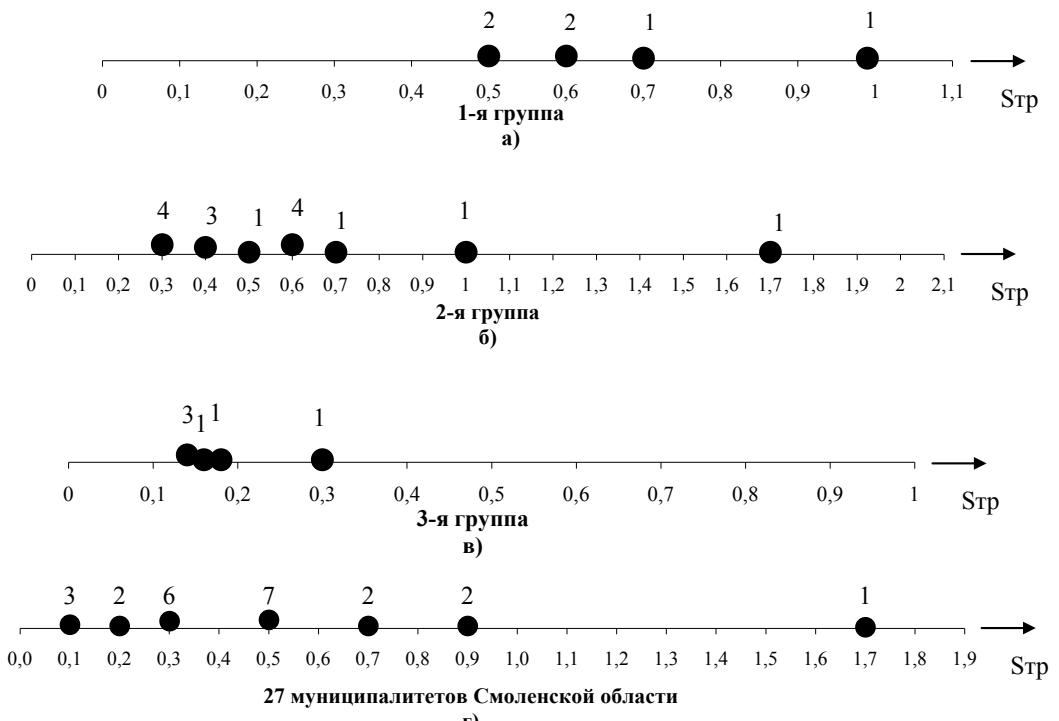
муниципалитетов по S_{tp} , что обосновывает необходимость применения в сравнительном анализе в качестве надежной характеристики средней – медианы.

Для наглядного представления распределения МО по полученным оценкам S_{tp} применяется метод шкалирования. При построении оценочных шкал за точку отсче-

та в соответствии с формулой (3) принята единица.

Распределение муниципалитетов по оценочным шкалам для трех групп представлено на рис. 2 а)–в), а в целом для Смоленской области – на рис. 2 г).

Визуальный анализ рис. 2 показывает, что каждой выделенной группе свойственно

*Рис. 1. Распределение муниципалитетов
Смоленской области по S_{tp}*

различное распределение МО относительно единицы.

Статистическая однородность состояния ТР, выявленная для МО первой и третьей групп, означает фактически однородность по негативу», характеризуя лидеров этих групп как «лучшие из худших».

Во второй группе наблюдается аграрно-индустриальная направленность экономик муниципалитетов данного кластера. Это, с одной стороны, вызывает неравномерность распределения МО по интегральной оценке S_{tp} , с другой – объясняет их дифференацию, выделяя одного единственного лидера (Гагаринский район) и группу аутсайдеров – 7 МО с оценками $S_{tp} = 0,3$ и $S_{tp} = 0,4$.

Проведенный анализ, основанный на расчете интегрального показателя S_{tp} показал

значительную дифференциацию состояния ТР в одном и том же регионе, что позволяет определить следующие направления дальнейших исследований в области оценки ТР:

- выявление состава факторов-мотиваторов и факторов-демотиваторов, влияющих на групповые оценки подсистем формирования, распределения, и использования ТР, а также установление меры этого влияния;
- исследование влияния каждой из подсистем на интегральную оценку S_{tp} .

Результаты исследования ориентированы на принятие эффективных решений органами управления с целью оптимизации процессов формирования, распределения и использования трудовых ресурсов на региональном и муниципальных уровнях.

Библиографический список

1. Запотоцкий С.П. Региональная конкурентоспособность: место в общественной географии // Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 17–23.
2. Малин А.С., Мухин В.И. Исследование систем управления. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Смоленской области [Электронный ресурс] URL <http://www.sml.gks.ru> (Дата доступа 05.12.2012).
4. Кандилов В.П., Краснова О.М., Кудрявцева С.С. Валовой региональный продукт и качество жизни населения Республики Татарстан // Вопросы статистики. – 2011. – № 12. – С. 55–64.

ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЛЮДНОСТИ

Ponomareva G.A., Bubyakin V.I.

TYPOLOGY OF THE RURAL SETTLEMENTS

OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN POPULATION SIZE

Аннотация. В статье анализируется система сельских населенных пунктов Республики Саха (Якутия) и размещение населения по сельским поселениям по предложенной авторами типологии личности сельских поселений, а также территориальных различий личности поселений разных частей Якутии по Всероссийской переписи населения 2010 г.

Abstract. This article analyzes the system of rural areas in the Republic of Sakha (Yakutia) and population placement on rural settlements by the typology of population size in the rural settlements are offered by authors, and also territorial distinctions of settlements by population size in the different parts of Yakutia by the National Population Census 2010.

Ключевые слова: сельское население, сельский населенный пункт, система сельских населенных пунктов, средний размер поселения, размещение сельского населения по территории Якутии.

Keywords: country people, the rural settlement, system of rural settlements, the average size of the settlement, placement of country people on the territory of Yakutia.

Современный каркас поселенческой сети Якутии сложился преимущественно в советский период развития страны во время колхозификации сельского хозяйства. До этого якуты жили весьма распыленно – отдельными юртами или небольшими группами юрт, размещенными там, где было удобно пасти скот и запасать сено. Основу составлял сезонный тип поселений (летники и зимники) якутов-скотоводов бассейнов средней Лены, Вилюя и Лено-Амгинского междуречья. На большей же части территории Якутии проживали кочевые и полукочевые народы Севера: эвенки, эвенки, юкагиры, чукчи. В существовавших деревнях в основном жили русские крестьяне, скопцы и другие. Например, по переписи 1917 г. на территории Якутии оседлое население составляло 14,4%, кочевое – 81,2, бродячее – 4,4%. По переписи 1926 г. большинство сельского населения Якутии жило в мелких и мельчайших поселениях; 42% населенных пунктов имело лишь одну-две юрты с числом жителей менее десяти.

С образованием автономной республики (1922 г.) в период социалистической колхозификации, культурного подъема сельского хозяйства, на основе развития как сельскохозяйственных (скотоводство, коневодство, оленеводство, земледелие), так и несельскохозяйственных отраслей (охота и охотничье хозяйство, рыболовство, лесозаготовки), в сельской местности начали возникать постоянные населенные места.

Появились центральные усадьбы колхозов (а с начала 1960-х – совхозов), в последующем – центры отделений и бригад, т.е. появилось внутрихозяйственное расселение [5, с. 125].

Наряду с основной формой сельских поселений существуют небольшие временные, сезонные и подвижные сельские поселения, связанные со спецификой ведения скотоводства и оленеводства. Временные населенные пункты в основном связаны с горнодобывающей и лесозаготовительной промышленностью, сезонные – с сельским и промысловым хозяйством (скотоводческие фермы, станы полеводов, заготовителей сена, избушки охотников), а передвижные поселения – с оленеводством и пушным промыслом. В настоящее время постоянные населенные пункты являются основной формой сельского расселения, а сельское хозяйство в большинстве сельских поселений по-прежнему остается ведущей сферой приложения труда жителей сельских территорий [1, с. 56–58].

Сельские поселения, составляющие систему расселения, размещены в Якутии по берегам рек (долинах, поймах) и озер, т.е. в тех местах, которые хорошо обеспечены водой для питьевых целей и благоприятны для сельскохозяйственной деятельности и развития транспортных коммуникаций [2, с. 18]. Возникшие и развивающиеся в наиболее пригодных и привлекательных для жизни людей местах и выполняющие значимые

функции сельские поселения стали крупными населенными пунктами, придавая системе расселения устойчивость, хотя система сельского расселения не статична. Динамичность системе расселения придает появление новых населенных пунктов и исчезновение старых. Меняется также статус, размеры, хозяйствственные и административные функции поселений. Немаловажное значение для характеристики систем расселения имеют их пространственные атрибуты, уровень распределенности сельских поселений, и др.

Для территории Якутии характерной чертой является рассредоточенность сельского расселения. Более $\frac{4}{5}$ сельских жителей республики сконцентрированы в центральной и вилюйской зонах расселения. В центральной части Якутии плотность сельского населения равна в среднем 1,31 чел./км², в вилюйской – 0,26 чел./км², на остальной территории – 0,02–0,03 чел./км². Чем дальше к северу, востоку и югу республики, тем реже становится поселенческая сеть. Поэтому для бассейнов средней Лены, Вилюя и Лено-Амгинского междуречья характерен редкий тип заселения, для остальной части территории республики – очаговый, т.е. территория республики заселена крайне неравномерно.

Динамика поселенческих структур зависит от демографического потенциала территории. Именно демографические процессы во многом предопределяют и направленность, и интенсивность изменений, происходящих в сельской местности. Кроме того, система расселения испытывает на себе влияние внешних факторов, к числу которых относится производство, условия географической среды, а также состояние экономической системы. Они вносят существенные поправки в естественные процессы развития расселения, придавая им специфические черты.

На тип расселения также влияет специализация сельскохозяйственного производства. Республика характеризуется зональной специализацией сельского хозяйства, связанной с наличием трех природных зон, разнообразием рельефа и климатических условий, а выделяемые типы сельского расселения определяются характером хозяйственного использования соответствующих территорий. На севере, в дельтах рек Лены, Яны, Колымы, Индигирки распространен промысловый тип расселения. Население в основном занято рыбным и пушным промыслом. Оленеводческо-промышлен-

ый тип расселения привязан к тундровым и горно-тундровым пространствам как на севере, так и на юге республики, поскольку основу хозяйства составляют оленеводство и пушной промысел. Оленеводческо-скотоводческий тип расселения приурочен к горно-таежной зоне на северо-востоке Якутии. Основу экономики в хозяйствах данного типа образуют оленеводство и разведение крупного рогатого скота. Здесь же, но на равнинной части распространен скотоводческо-промысловый тип расселения, сельское население занято разведением крупного рогатого скота и пушным промыслом. Наиболее крупный ареал распространения получили скотоводческо-земледельческий и скотоводческо-коневодческий типы расселения сельского населения Центральной Якутии, Вилюйского бассейна и Лено-Амгинского междуречья. Это территории первоначального заселения и освоения пространств якутами-коневодами. Поэтому в сельских местностях этого типа хозяйственного освоения преобладает якутское население, которое занимается скотоводством, табунным коневодством и земледелием (производство зерновых культур, овощей и картофеля), поскольку только в этой равнинной среднетаежной зоне наличествуют более-менее пригодные природно-климатические условия для занятий растениеводством. Именно здесь заметна концентрация сельских поселений и сельского населения Якутии. Несельскохозяйственный тип сельского расселения связан с лесной, горнодобывающей промышленностью и обслуживанием автодорожного транспорта. Он встречается в западных, южных и восточных районах республики [1, с. 58].

Типология сельских поселений по числу жителей (людности) связана с производственными функциями поселений и типом расселения, с историей конкретного населенного пункта и его экономико-географическим положением. Величина поселений влияет на условия для жизни селян, организацию культурно-бытового обслуживания, размеры налоговой базы муниципальных образований, территориальную организацию сельскохозяйственного производства.

В РФ для разных целей применяются разные классификации сельских поселений по людности. В СНиПе «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» от 2.07.01-89» дается классификация сельских поселений по их людности, в которой выделяются шесть градаций: мельчай-

шие (до 50 жителей), малые (51–200), средние (201–1000), большие (1001–3000), крупные (3001–5000) и крупнейшие (свыше 5 тысяч жителей). В статистике переписей населения принята другая, более дробная классификация сельских поселений в следующей группировке: без населения; 1–5; 6–10; 11–25; 26–51; 51–100; 101–200; 201–500; 501–1000; 1001–2000; 2001–3000; 3001–5000; свыше 5000. Нами для Якутии предлагается следующая группировка сельских поселений по людности: малые (с численностью до 200 чел.), средние (от 201 до 1000 чел.), крупные (от 1001 до 5000 чел.) и крупнейшие (свыше 5001 чел.). Такая группировка отражает основные характерные качественные черты сельских поселений по обеспеченности инфраструктурой.

В сельских поселениях с числом жителей менее 1000 жителей предприятия и учреждения сферы обслуживания строятся и строились из расчета обеспечения жителей каждого поселения только услугами повседневного спроса, а также исходя из демографической структуры населения поселения. В малом сельском поселении (с численностью до 200 чел.) слабо развита необходимая инфраструктура, имеются сельский магазин, начальная школа, медицинский пункт, в мельчайших поселениях с численностью до 10 чел. может вообще их не быть. Очень мало возможностей для развития сельскохозяйственного производства в результате ограниченности трудовых ресурсов. Вкупе эти факторы способствуют «выталкиванию» населения из данных поселений.

В средних по размерам (201–1000 чел.) сельских поселениях имеется минимальный набор учреждений сферы обслуживания (в наиболее крупных из них может быть средняя малокомплектная школа, фельдшерско-акушерский пункт с небольшим стационаром, почта). Сельское поселение такой величины в производственном отношении может быть базой нескольких небольших крестьянских (фермерских) хозяйств разной специализации и со-средоточения личных подсобных хозяйств, а также небольших перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий (типа маслозеходов). В крупных и крупнейших населенных пунктах с людностью 1–5 тыс. чел. и более уже появляются возможности заметного расширения круга учреждений сферы обслуживания, увеличения их размеров и технической оснащенности. По социальным нормам обеспеченности, применяемым в проектиров-

ании новых сельских поселений современного типа, на одну тысячу жителей строятся детский сад, средняя школа, клуб, библиотека, больница с небольшим стационаром, магазины, отделение связи со сберегательной кассой, спортзал и т.д. В крупнейших селах республики имеются специализированные магазины, учреждения здравоохранения, образования и культуры, банки, театры, даже ВУЗы, ССУЗы или их филиалы, т. е. помимо учреждений и предприятий повседневного спроса, в крупнейших поселениях имеются учреждения периодического и эпизодического использования.

В Якутии повышение занятости, уровня и качества жизни сельского населения, приближение села к городским жизненным стандартам и в советский и в постсоветский период были и остаются основными целями развития сельской местности. Поэтому в республике всегда уделялось значительное внимание более полному автономному обеспечению сел инфраструктурными объектами из-за их удаленности как друг от друга, так и от районных и неразвитости сети наземных транспортных коммуникаций.

В республике, где сельские поселения составляют 90% всех населенных пунктов (586 единиц по переписи 2010 г.) в селах проживает 344 тыс. чел., или 36% от всей численности населения региона. Переход к рыночной экономике кардинально изменил систему расселения Якутии в целом. С карты Якутии исчезли многие сельские поселения, в том числе некогда многолюдные (особенно на севере и востоке). Сокращение числа сельских населенных пунктов составило 133 единицы.

Сельское население Якутии размещено в сельских поселениях разной людности. Как показывает статистика, на протяжении всего советского и постсоветского периода в республике постоянно идет сокращение доли малых и увеличение удельного веса средних и крупных по численности населения сел при общем сокращении числа сельских населенных пунктов (табл. 1). Например, если в 1959 г. по переписи было учтено 4423 сельских населенных пункта, то в 2010 г. – 586.

Концентрация населения в более крупных поселениях привела к увеличению средней людности сельских населенных пунктов (табл. 2). Наиболее интенсивно рост средней людности поселений шел в послевоенный период, в постсоветский период его темпы несколько

Таблица 1

Группировка сельских населенных пунктов по плотности за 1939–2010 гг. (в %)

		до 200	201–1000	1001–5000	более 5000	Всего
1939 г. ¹⁾	Населенных пунктов	98,6	1,2	0,2	0	100
	Численность жителей в них	69,4	15,3	15,3	0	100
1959 г. ¹⁾	Населенных пунктов	92,6	6,8	0,5	0	100
	Численность жителей в них	36,8	46,4	16,8	0	100
1970 г. ¹⁾	Населенных пунктов	70,3	26,6	3	0,1	100
	Численность жителей в них	10,7	59,6	27,8	2	100
1979 г. ¹⁾	Населенных пунктов	42,9	47,8	8,7	0,6	100
	Численность жителей в них	5,6	55,3	32,6	6,5	100
1989 г. ¹⁾	Населенных пунктов	36,5	49,5	13	1,1	100
	Численность жителей в них	4,3	47,9	36,3	11,6	100
2002 г. ²⁾	Населенных пунктов	29,9	56,6	11,8	1,6	100
	Численность жителей в них	3,4	49,6	28,5	18,4	100
2010 г. ²⁾	Населенных пунктов	30,4	55,3	12,7	1,6	100
	Численность жителей в них	3,2	46,1	31,4	19,3	100

Источники составления таблицы: ^[1] 5, с. 127; ^[2] 4, 44 с.]

снизились в результате снижения общей численности населения республики, в том числе численности сельского населения. Снижение численности сельского населения к 2002 г. связано с ухудшением социально-экономических условий жизни сельчан в 1990-е годы (переход к рыночной экономике, коренное изменение сельского уклада жизни с разрушением сельскохозяйственной системы ведения сельского хозяйства, ухудшение качества жизни большей части населения и т.д.). В 90-е годы прошлого столетия селяне активно включились в миграционные процессы. При этом если жители городских поселений в связи с закрытием многих градообразующих предприятий уезжали за пределы региона, то селяне в основном мигрировали в пределах республики: из села в городскую местность и крупные сельские поселения. Центром притяжения сельских жителей трудоспособного возраста стал г. Якутск (рост численности населения Якутска с 1989 по 2010 гг. составил более 76 тыс. чел., включая прибывших мигрантов из-за пределов региона), где было больше возможностей получить работу, выбрать учебное заведение для получения профессионального образования. Во внутрирегиональном миграционном обмене между районами прежде всего участвует коренное якутское сельское население трудоспособного возраста, хотя миграционные перемещения с начала 2000-х гг. несколько снизились в связи с улучшением социально-экономической обстановки в целом, за исключением сельских районов

нов арктической зоны, где продолжается отток сельского населения [5, с. 70–79].

Процесс увеличения средней плотности сельских поселений при уменьшении численности сельского населения и сокращения числа сельских поселений идет неравномерно в разных частях республики. При этом сельские поселения испытывают разную динамику развития. Анализ развития сельских поселений в период 1989–2002 гг. показал, что деградирующие поселения, где наблюдалось сокращение населения, преобладали и составляли 45%, увеличивающих численность населения было 35%, то в период 2002–2010 гг. доля не растущих поселений составила уже 60%, а растущих – оставалась на прежнем уровне (36%). Средняя плотность сельских поселений к 2010 г. возросла до 587 чел., но тренд повышения средней плотности поселений отражают поселения лишь центральной (821 чел.) части республики, в остальной части идет обратный процесс. Особенно сильно этот процесс затронул южную и восточную части Якутии (осталось менее половины как сельского населения, так и числа сельских поселений по сравнению с 1989 г.), что сказалось здесь на средней плотности сельских поселений.

Идет уменьшение численности населения в малых сельских поселениях и постепенная концентрация населения в крупных и крупнейших поселениях. Из учтенных по переписи 2010 г. 586 сельских населенных пунктов

Таблица 2

**Динамика роста средней людности сельских поселений РС(Я)
за послевоенный период с 1959 по 2010 гг.**

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все населенные пункты РС(Я)	4423	1317	726	641	590	586
в них населения, тыс. чел	274,9	289,6	329,9	362,1	339,3	343,9
средняя людность поселений, чел.	62	220	454	565	575	587

Источники: [3. 54 с; 7. 81 с.; 8, 58 с.; 4, 44 с.]

в 36 население отсутствовало. При этом в межпереписной период 1989–2002 гг. исчезло 17% всех сельских поселений республики, в последующий (2002–2010 гг.) – 3%. Преимущественно (до 90%) прекращают существовать малые сельские поселения с численностью населения до 200 чел. (в основном поселения с численностью населения менее 10 чел.). В 1989 г. доля малых сел с численностью населения до 200 чел. составляла 36,5% от всех сельских поселений, в 2010 г. – 30,4%. На данном этапе структура сельских населенных пунктов по людности населения показывает, что малые сельские поселения (до 200 чел.) составляют около трети всех населенных пунктов республики, в числе которых 47 сел с численностью населения до 10 чел., из них 24 села отражают тенденцию к сокращению числа жителей. Малые поселения имеются практически во всех районах, но наибольшее количество их наблюдается в Олекминском, Сунтарском и Верхоянском районах. Сокращение числа малых поселений связано с тем, что в таких поселениях со слабо развитой сферой услуг и худшей транспортной доступностью, низкими доходами населения, неудовлетворительными условиями труда и быта, а также с узостью сферы приложения труда у жителей всегда есть стимулы для интенсивной миграции в более крупные села или города. Эти тенденции сокращения числа малых сельских поселений сохранятся и в будущем.

Основную долю (55,3%) сельских поселений республики составляют сельские населенные пункты средней людности (от 201 до 1000 чел.). Они встречаются во всех районах республики, но более всего в Центральной и Западной Якутии. Это, по сути, основной костяк поселений, выдающих сельскохозяйственную продукцию. В средних по размеру селах проживает более 185,5 тыс. чел., или 46% всего сельского населения. Средняя людность поселений составляет 527 чел. По динамике движения 60% всех средних посе-

лений деградируют, т.е. на протяжении всего постсоветского периода они снижают численность населения. Здесь надо отметить, что более 3/4 всех средних по размеру поселений являются центрами наслегов и выполняют, помимо производственных, еще и административные функции. В тех наслегах, где несколько поселений, их центры крупнее остальных сел по численности населения и близки по значению к максимуму в своей градации.

Крупных сельских поселений с численностью населения от 1001–5000 чел. – 70 или 12% от всех сельских поселений республики. В них размещено 108,2 тыс. чел. (31,4%). Крупные поселения находятся в 28 районах из 35. Более всего крупных поселений находится в центральной, западной и северной части РС(Я). Среди крупных сел встречаются райцентры и поселения, поменявшие статус поселка городского типа на село. Средняя людность крупных поселений республики – 1545 чел. Наибольшую среднюю людность поселений (1911 чел.) демонстрируют северные села, наименьшую (1244 чел.) – поселения на востоке Якутии. При этом крупные поселения испытывают разную динамику. Снижение численности населения за постсоветский период показывает примерно половина всех крупных сел, кроме Центральной Якутии, что связано с общим снижением численности сельского населения. На востоке и юге республики к 2010 г. осталось менее половины сельского населения, на севере и западе оно сократилось на 23 и 18% соответственно. Кроме того, многие из крупных деградирующих поселений теряют население из-за неудачного экономико-географического положения (отдаленность от регионального и районного центра, отсутствие круглогодично го наземного сообщения). За постсоветский период ростом численности сельского населения характеризуется лишь центральная часть РС(Я). Население здесь выросло на 20%. Рост крупных поселений идет за счет

внутренней миграции и естественного прироста населения, потому как в таких поселениях сбалансированная половозрастная структура населения, больше объектов сферы обслуживания и мест на рынке труда. В крупных поселениях созданы наиболее благоприятные возможности для обеспечения населения разнообразными услугами и условиями. Имеются крупные типовые школы, дома культуры, медицинские учреждения разного профиля, специализированная торговая сеть и т.д. В эту группу поселений попали три райцентра сельских районов – с. Саскылах Анабарского района, с. Оленек Оленекского и с. Хонуу Момского районов.

Крупнейшие сельские населенные пункты – это райцентры 9 сельских районов, расположенных в центральной (7) и западной (2) части республики (около 2% от всего числа сельских поселений республики). Их доля в численности населения более 19% (66,5 тыс. чел.). Все они по функциональному признаку – административно-аграрные поселения, притягивающие население из зоны своего влияния. Ни один из 9 райцентров в постсоветский период не испытывал снижения численности населения, отмечается только положительная динамика роста. Их рост связан с созданием здесь условий для полноценной жизнедеятельности населения. Занятые в экономике в основном сосредоточены в сфере обслуживания (образование, здравоохранение, ЖКХ, торговля, строительство и автотранспорт). Прирост населения за период 1989–2010 гг. в

этой группе поселений составил 14,9 тыс. чел. Наибольший прирост в постсоветский период произошел в с. Сунтар Сунтарского района. Его население выросло на 35% и составляет более 10 тыс. чел. Наименьшую численность населения в группе имеет с. Борогонцы Усть-Алданского района – 5222 чел., прирост с 1989 г составил 11%, это единственный населенный пункт перешедший из группы крупных в группу крупнейших. Средняя людность крупнейших сельских поселений – 7387 чел.

Таким образом, анализ размещения сельского населения в сельских населенных пунктах разной людности показывает разноправленную динамику: большинство малых и средних сельских поселений подвержено оттоку из них населения (селения теряют свою привлекательность как места проживания из-за недостаточной обеспеченности социальной инфраструктурой и недостаточности мест приложения труда), в то же время наличие части крупных и крупнейших поселений с хорошим экономико-географическим положением, социальным комфортом и динамичным ростом положительно влияет на всю систему сельского расселения. Принятие республиканской программы по стабилизации миграционного оттока из сельских поселений могло бы сохранить существующие сельские поселения во всем многообразии сложившихся форм сельского расселения, помочь увеличению производства сельскохозяйственной продукции и повышению привлекательности жизни в сельской местности.

Библиографический список

1. Гнатюк Г.А. География населения Якутии: Учебное пособие. – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1996. – 64 с.
2. Дмитриева З.М., Сергеева М.П., Гнатюк Г.А., Токарев Н.С. Топографические и планировочные типы сельских населенных пунктов Якутской АССР / Территориальные аспекты размещения населения Якутской АССР. Сборник научных трудов. – Якутск: Якутский научный центр СО АН СССР, 1989. – С. 18–25.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Сельские населенные пункты Якутской АССР. Статсборник № 2. – Якутск: Статистическое управление Якутской АССР, 1980. – 54 с.
4. О кратких итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия) (по состоянию на 14 октября 2010 г.). – Якутск: ТОФС ГС по РС(Я), 2012. – 44 с.
5. Пономарева Г.А. Особенности сельского расселения Якутии с 30-х годов XX в. до настоящего времени // Вопросы региональной экономики. Сб. науч. тр. Вып. 4. – ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН», 2004. – С. 124–133.
6. Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.
7. Численность населения Якутской АССР по сельским населенным пунктам. Статсборник № 2. Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. – Якутск: Якутское управление статистики, 1990. – 81 с.
8. Численность и размещение сельского населения Республики Саха (Якутия). Т. 2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. – Якутск: Якутское управление статистики – Якутск, 2004. – 58 с.

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ (на примере Смоленской области)

Rysanova M.V.

INNOVATIVE SYSTEM OF THE REGION: DIFFICULTIES OF FORMATION
AND DEVELOPMENT (EVIDENCE FROM SMOLENSK REGION)

Аннотация. В статье анализируется состояние инновационной системы Смоленской области. В результате выявляются проблемы формирования и развития инновационной системы региона.

Abstract. The article examines the state of the innovative system of Smolensk region. Consequently the difficulties of formation and development of the innovative system in the region are revealed.

Ключевые слова: регион, инновационная система, инновационная сфера, исследование, проблемы, перспективы, развитие.

Keywords: region, innovative system, innovation sector, research, difficulties, prospects and development.

В современных условиях возрастает роль территориальных факторов в развитии национальной экономики инновационного типа. Это вызвано диспропорциями в региональном развитии, которые наиболее остро проявляются в период развития рыночной экономики и требуют научно-обоснованного подхода к решению стратегически важных задач, таких как возрождение наукоемких отраслей, формирование инновационно-технологических конкурентных преимуществ территорий, ускорение замещения устаревших технико-экономических укладов. Осознания масштабов и проблем российской внешней и внутренней периферии на федеральном и региональном уровнях не произошло, как нет и осмысленной региональной политики государства в отношении периферийных районов [2].

Для обеспечения высоких темпов и устойчивости инновационного роста, экономика регионов России должна стать значительно более динамичной, адаптивной к меняющимся внешним условиям, восприимчивой к техническому прогрессу. В современных условиях это означает способность региональной экономики воспринимать и внедрять передовые технологии, созданные как в стране, так и за рубежом, для обеспечения конкурентоспособности на мировых рынках основной массы производимых в России товаров и услуг, то есть обеспечить эффективность инновационных процессов.

Данная задача разрешима только в случае наличия развитой региональной инноваци-

онной системы – как особой институциональной среды, включающей совокупность инновационных процессов, протекающих под воздействием государственной инновационной политики, субъектов и объектов инновационной деятельности.

На современном этапе инновационные системы регионов находятся в состоянии становления и не способны самостоятельно решать стоящие перед ними задачи без вмешательства государства. Интеграция науки и производственного сектора на региональном уровне происходит медленно, противоречиво и несогласованно ввиду отсутствия целостного, теоретически выверенного и практически пригодного механизма управления инновационными процессами. Конкурентоспособность инновационных систем, по мнению исследователей «Опоры России», основывается на факторах, стимулирующих развитие инноваций, к которым относятся состояние системы образования; превращение научных и технических идей в новые продукты и бизнесы; инновационные способности компаний; потенциал сотрудничества, стимулы и инфраструктура; спрос и диффузия инноваций; институты и государственное управление [1].

Очевидно, что формирование региональной инновационной системы происходит индивидуально для каждого региона и определяется сложившимися социально-экономическими отношениями. Однако в каждом конкретном случае могут быть использованы отдельные подходы и инструменты, доказав-

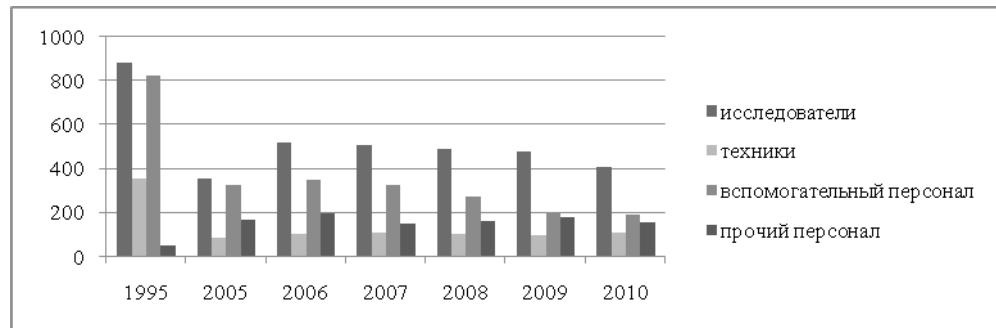

Рис. 1. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками

шия свою эффективность в других регионах. В рамках региональной инновационной системы происходит управление инновационными процессами, характер которых напрямую зависит от территориальных особенностей.

Смоленская область представляет собой типичный депрессивный аграрно-промышленный регион со слаборазвитой инфраструктурой. Динамика численности персонала, занятого в Смоленской области исследованиями и разработками (рис. 1) показывает суженное воспроизводство отрасли «Наука и научное обслуживание» [3].

Численность организаций, выполнявших научные исследования и разработки, к 2010 г. сократилась почти вдвое по сравнению с 1995 г. (в первую очередь это касается количества научно-исследовательских организаций), а проектно-изыскательских организаций и опытных предприятий к 2010 г. в Смоленской области не стало. Количество конструкторских, проектно-конструкторских организаций выросло к 2010 г. почти в 2 раза, а число промышленных предприятий и высших учебных заведений, занимающиеся научными исследованиями и разработками, с 2007 г. не изменяется.

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, сократилась с 2117 чел. в 1995 г. до 873 чел. в 2010 г., т.е. более чем в два раза, в 2006 г. наблюдается рост численности до 1170 чел., а затем – сокращение до 1094 чел. в 2007 г., 1031 чел. в 2008 г. и 964 чел. в 2009 г. Особенно негативной тенденцией можно считать снижение числа исследователей.

Распределение числа исследователей по областям науки отличается неравномерностью. Так, количество исследователей в тех-

нической сфере составляет 63,4% от общего количества исследователей в 2005 г., а в 2010 г. 36,8%, в сфере сельского хозяйства – 23,1% в 2005 г. и 13,4% в 2010 г., в сфере медицины – 13,4% в 2005 г. и 47,8% в 2010 г., в сфере естественных наук исследовательская активность по данным статистики не зарегистрирована [3].

Нельзя отметить как положительную тенденцию рост общего объема внутренних затрат на исследования и разработки в 3,8 раза в 2010 г. по сравнению с 2005 г. Данный показатель в процентах по отношению к валовому региональному продукту вырос более чем в 2 раза за период с 2005 г. по 2010 г., но начиная с 2006 он почти не менялся (0,3% ВРП в 2005 г., 0,6–0,7% 2006–2010 гг.).

В источниках финансирования внутренних затрат на исследования и разработки в 2005 г. главным образом преобладали средства бюджетов всех уровней (59,8%), на средства организаций предпринимательского сектора приходилось 16,3%, на собственные средства научных организаций – 16,9%, на средства внебюджетных фондов – 6,7%, 0,3% – на бюджетные ассигнования на содержание вуза, а средства организаций сектора высшего образования вообще отсутствовали.

К 2010 г. соотношение резко изменилось: 32,2% – средства бюджетов всех уровней, 4,4% – средства организаций предпринимательского сектора, 50,1% (а в 2007 г. 62%) – собственные средства научных организаций, 3,6% – средства внебюджетных фондов, 0,2% – средства организаций гос. сектора, 1,6% – бюджетные ассигнования на содержание вуза, 7,5% – средства иностранных источников, которые начали активно привлекаться начиная с 2008 г., а начиная с 2008 г. в структуре затрат появляются средства частных неком-

мерческих организаций (0,1% в 2008–2009 гг. и 0,2% в 2010 г.) и средства организаций сектора высшего образования – 0,2% в 2010 г.

Значительный удельный вес бюджетных средств в финансировании внутренних затрат положительно характеризует действия органов государственной власти в области поддержки исследований и разработок. Использование средств иностранных источников для финансирования затрат на исследования и разработки, на наш взгляд, является позитивным фактом, так как это положительно характеризует инновационный климат в области. Однако в последующий период иностранные инвесторы не показывают подобной активности инвестирования средств в исследования и разработки. К негативным тенденциям можно отнести резкое сокращение доли средств организаций предпринимательского сектора, которое объясняется отсутствием заинтересованности и трудностями в осуществлении исследований и разработок.

На текущие затраты приходится 97,5% всех внутренних затрат (по данным 2010 г.). В структуре текущих затрат большая доля приходилась с 2004 по 2010 гг. на статью «Оплата труда», второй по значимости была статья «Другие материальные затраты» (стоимость приобретаемых со стороны сырья, материалов, комплектующих изделий, полуфабрикатов, топлива, энергии, работ и услуг производственного характера и др.). Начиная с 2006 г. статья затрат «Оплата труда» начинает резко возрастать, а статья «Другие материальные затраты» растет, но незначительно.

Анализ внутренних текущих затрат на исследования и разработки по видам работ показал, что на разработки приходится 91,1%, на прикладные исследования – 4,1%, на фундаментальные исследования – 4,7% текущих затрат 2009 г.

Анализ поступления патентных заявок и выдачи охранных документов в Смоленской области за период с 2005–2009 гг., показал повышение количества поданных заявок на изобретения и полезные модели.

Практическим воплощением проводимых исследований и разработок, их конечным результатом являются технологические инновации. Они представляют собой результат коммерциализации инновационной деятельности, овеществленный в виде нового или усовершенствованного продукта или

технологического процесса, который уже внедрен на рынке или реально используется. Затраты на технологические инновации в Смоленской области в период с 2000 г. по 2009 г. существенно возрастают. Объем инновационных товаров, работ и услуг вырос в 30 раз и составил в 2009 г. 4417,5 млн. руб. Однако в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг эта сумма составила 0,5% в 2005 г. и 3,9% в 2009 г., что составляет недопустимо малую величину и с отрицательной точки зрения характеризует инновационную активность организаций.

Оценка уровня развития инновационной системы Смоленской области проводилась на основе анализа совокупности агрегированных показателей. С этой целью необходимо определить способ согласования инновационной экономики с основными факторами, а также правила измерения характеризующих их индикаторов, включая получение интегральных оценок индикаторов для каждого фактора. В качестве возможного способа согласования экономики региона с факторами и измерения их индикаторов мы использовали средневзвешенную арифметическую. Попытки использовать мультипликативную форму обобщения факторов при существенно различных значениях факторов и начально низких уровнях индикаторов в итоговую оценку оказались неконструктивными.

Для оценки индикаторов использовалась порядковая трехуровневая шкала. Вес фактору присваивался на основе причинной зависимости результирующего признака от вариации факторного признака в соответствии с проверкой статистической зависимости. Интегральная оценка уровня развития инновационной системы в Смоленской области определялась как средневзвешенная арифметическая.

Следует отметить, что внутренние затраты на исследования и разработки в 2006 г. претерпели большой скачок, но в последствии снизились к 2010 г. Такая тенденция прослеживается и у организаций, ведущих подготовку аспирантов. В общем можно сказать, что по Смоленской области по всем показателям, влияющим на становление инновационной системы в регионе, наблюдается регресс. Единственный показатель, в котором наблюдается незначительный прогресс – число организаций, выполнивших исследования и разработки. Он незначительно повы-

Таблица 1

SWOT-анализ развития инновационной системы Смоленской области

«Сильные стороны»	«Возможности»
1.Высокий научный потенциал области. 2.Наличие передовых технологий мирового уровня. 3.Инвестиционная привлекательность региона в целом. 4.Развитый перерабатывающий комплекс. 5.Наличие в области большого количества предприятий машино- и приборостроения. 6.Реконструкция и модернизация ведущих предприятий области. 7.Наличие квалифицированных трудовых ресурсов. 8.Наличие инфраструктуры поддержки малого предпринимательства.	1.Транзитное приграничное положение региона. 2.Отсутствие богатой сырьевой базы (регионам, ориентированным на экспорт сырья труднее перейти на инновационный путь развития) 3.Заинтересованность зарубежных партнеров в развитии ряда технологий (плазменных и т.д.) 4.Умеренный инвестиционный риск региона.
«Слабые стороны»	«Угрозы»
Низкая инновационная активность промышленных предприятий региона. Технологическая отсталость отдельных отраслей промышленности. Слабость региональной законодательной базы в инновационной сфере. Недостаточная подготовка кадров для инновационного предпринимательства Фрагментарность инфраструктуры инновационного предпринимательства.	Отсутствие экономических стимулов для привлечения прямых инвестиций в предприятия высокотехнологичного сектора. Отсутствие инновационной стратегии региона. Низкий спрос на продукцию инновационных предприятий. Неразвитость венчурного финансирования. Низкий авторитет предпринимательской деятельности в области малого и среднего бизнеса.

сился относительно 2006 г. (0,93) и в 2010 г. уже составил 1.

Можно сказать, что Смоленская область наглядно демонстрирует возможности лишь низких темпов краткосрочного инновационного роста и ограничена временем реализации региональных конкурентных преимуществ. Характеристика внешних сил и внутренних предпосылок становления инновационной системы региона представлена в виде матрицы SWOT-анализа (табл. 1).

Условием перехода экономики региона на устойчивый инновационный путь развития, является формирование системы государственного управления, оказывающей локальные воздействия на проблемные зоны инновационной системы в регионе с целью ее трансформации в адаптивное состояние, так как наличие замкнутой невосприимчивой инновационной инфраструктуры несет угрозу потери конкурентных преимуществ территории.

Библиографический список

1. Крейденко Т.Ф., Миронова М.Н., Умерова И.А. Роль малых инновационных предприятий в развитии науки и инноваций России: региональный аспект // Региональные исследования. – 2012. – № 3 (37). – С. 74–83.
2. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5 (20). – С.14–31.
3. Смоленская область в цифрах в 2011 году. Статистический сборник. – Смоленск: Госкомстат России, Смоленский областной комитет госстатистики, 2011.

КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ РФ ПО СТЕПЕНИ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ИХ ЭКОНОМИК НА ВНЕШНИЙ И ВНУТРИРОССИЙСКИЙ РЫНКИ

Stepanov A.M.

THE CLASSIFICATION OF THE RUSSIAN REGIONS BY ORIENTATION
OF THEIR ECONOMIES ON FOREIGN AND DOMESTIC MARKETS

Аннотация. В статье предлагается методология определения степени экспортной ориентированности российских регионов в условиях неточного отражения данными таможенной статистики реальных объемов экспорта субъектов РФ.

Abstract. The article proposes the methodology of identifying the rate of export orientation of the Russian regions, which seems to be really useful in the light of inexact statistics where export data do not correspond to the real export share in region's output.

Ключевые слова: классификация регионов; экспортная ориентированность; внешний рынок; внутренний рынок; региональная экономическая политика; внешнеэкономическая политика; структура выпуска; виды экономической деятельности.

Key words: classification of regions; export orientation; foreign market; domestic market; federal regional economic policy; foreign trade policy; output structure; economic activities.

Зарубежный спрос, наряду с внутрироссийским, является важным фактором социально-экономического развития регионов России. От степени ориентированности экономики региона на зарубежные рынки зависит его уязвимость к шокам внешнеэкономической конъюнктуры, последствия для его экономики от вступления РФ в ВТО, последствия государственного регулирования экспорта. Следовательно, меры государственной политики в отношении регионов должны разрабатываться с учетом степени их ориентированности на внешний и внутрироссийский рынки.

В этой связи представляется полезным классифицировать субъекты РФ по этому признаку. Однако при решении данной задачи возникает ряд методологических проблем.

Зависимость экономики региона от спроса со стороны иностранных покупателей, при прочих равных, обратно связана с зависимостью от отечественного спроса. Поэтому мы будем считать, что чем большее значение для экономики региона имеют экспортные потоки, тем менее его экономика ориентирована на внутрироссийский рынок и наоборот.

Обобщающим показателем, характеризующим степень ориентированности региона на зарубежные рынки, является *отношение*

стоимостных объемов экспорта товаров к ВРП. Если для субъекта РФ это отношение больше, чем для экономики РФ в целом, его целесообразно отнести к числу более ориентированных на экспорт регионов.

Ввиду особенностей таможенной статистики, как отмечают Вардомский Л.Б. [2], Зубаревич Н.В. [8], экспорт товаров может регистрироваться не только по месту производства, но и по месту налоговой регистрации головного офиса фирмы производителя или посредника, а также по месту оформления товара. В результате, данные об экспорте Москвы являются весьма завышенными, на нее ежегодно приходится около 36,4% совокупного экспорта товаров РФ, в том числе 46%¹ экспорта продукции ТЭКа. Из-за этого наблюдается высокая концентрация объемов экспорта в небольшом количестве регионов, поэтому только в 11 субъектах РФ² отношение экспорта к ВРП выше, чем в среднем по РФ. В то же время, данные об экспорте многих регионов-производителей являются заниженными.

Поэтому реальную степень ориентированности регионов на внешний спрос необходимо оценивать альтернативным способом, без использования данных таможенной статистики об экспорте субъектов РФ.

¹ Источник: расчеты автора на основе сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. – М.: Росстат, 2012.

² Р. Хакасия, Р. Татарстан, г. Санкт-Петербург, г. Москва, Липецкая, Ленинградская, Кемеровская, Тюменская, Тульская, Сахалинская области.

В некоторых исследованиях, например, Института энергетики и финансов [3], Независимого института социальной политики (НИСП) [5], используется следующий подход к выделению экспортноориентированных регионов. К ним относят те субъекты РФ, в отраслевых структурах которых значительную долю занимают экспортноориентированные для экономики РФ отрасли. Эксперты НИСП выделяют не только экспортноориентированные регионы, но и группируют остальные субъекты РФ в соответствии с тем, какой вид отраслей преобладает в отраслевых структурах регионов – ориентированные на экспорт или ориентированные на внутренний спрос.

Такой подход, на наш взгляд, точнее отражает степень ориентированности экономик субъектов РФ на экспорт, поскольку увязывает ее с их отраслевой специализацией. Также он позволяет косвенно учесть зависимость экономики от нерегистрируемого, браконьерского вывоза товаров, например древесины, драгоценных камней.

В то же время, методология данного подхода требует совершенствования. Результаты классификации регионов в нем зависят от того, какие отрасли экономики РФ отнесены экспертами к экспортноориентированным, а какие – к ориентированным на внутренний спрос. В существующих исследованиях не уточняются критерии отнесения отраслей экономики РФ к числу «экспортноориентированных», содержание данного понятия является достаточно неопределенным. Поэтому представляется актуальным предложить формализованный критерий группировки отраслей экономики РФ по степени ориентированности на экспорт. Также, существует необходимость более детального изучения отраслевых структур экономик регионов.

Методология исследования. Мы предлагаем следующую двухэтапную методологию определения степени ориентированности региона на экспорт.

1 этап. Группировка отраслей экономики РФ по степени ориентированности на экспорт

Степень ориентированности отрасли на экспорт целесообразно определять из соотношения объемов экспорта производимых ею товаров и объемов производства. Данные об экспорте товаров и производстве пред-

ставлены в разных классификаторах (ТН ВЭД и ОКВЭД), группированные признаки которых не совпадают. Поэтому требуется их сопоставление.

1.1. Сопоставление классификаторов ТН ВЭД и ОКВЭД, группировка видов экономической деятельности (ВЭД) в блоки, для которых можно оценить объемы экспорта производимых ими товаров.

1.2. Расчет коэффициента экспортной ориентированности (Кэксп.ор) для выделенных блоков ВЭД по формуле:

$$\text{Кэксп.ор (i)} = \frac{\mathcal{E}_i}{B_i} \quad (1),$$

где \mathcal{E}_i – доля товаров, выпускаемых блоков видов экономической деятельности в товарной структуре экспорта РФ

B_i – доля блока видов экономической деятельности в суммарном выпуске ВЭД разделов А, В, С, Д, Е ОКВЭД.

Данный коэффициент позволяет оценить степень ориентированности отрасли/группы отраслей на экспорт относительно среднего, по экономике значения.

1.3. Формирование секторов ВЭД. По степени ориентированности на экспорт или внутрироссийский рынок выделяются два сектора видов экономической деятельности: «более ориентированные на экспорт» (БОЭ ВЭД) и «более ориентированные на внутрироссийский спрос» ВЭД (БОВ ВЭД).

Если значение коэффициента экспортной ориентированности для блока ВЭД больше единицы, он входит в состав сектора БОЭ ВЭД. В противном случае он включается в сектор БОВ ВЭД.

В ходе исследования был сделан вывод о том, что отнесенные нами к числу БОВ ВЭД сельское хозяйство, пищевая промышленность и энергетика стоит выделить в отдельный подсектор более ориентированных на внутрирегиональный рынок ВЭД (БОР ВЭД). Данные производства представлены практически во всех регионах. Если в регионе доля этих производств в отраслевой структуре выпуска высока, а объемы выпуска на душу населения ниже среднероссийского уровня, можно сделать предположение о направленности данных производств, главным образом, на удовлетворение минимальных социальных потребностей населения в продуктах питания, электричестве, и что прочие ВЭД развиты в регионах еще в меньшей степени.

Следовательно, внешнеторговый потенциал данного региона относительно низок.

2 этап. Определение степени ориентированности экономики региона на экспорт. Классификация регионов.

С нашей точки зрения, степень зависимости экономик субъектов РФ от спроса на их продукцию, тем больше, чем выше доля ВЭД, производящих товары, в совокупном выпуске экономики. В этом случае, при прочих равных условиях, деятельность большего процента занятого населения региона связана с непосредственным выпуском товаров, выше доля налоговых поступлений от этих ВЭД в бюджет региона, а, значит, сокращение спроса на продукцию субъекта РФ быстрее скажется на доходах населения. Поэтому при классификации регионов важно учитывать доли ВЭД, производящих товары, в совокупном выпуске экономики субъектов РФ.

2.1. Расчет долей БОЭ ВЭД и БОВ ВЭД в структуре совокупного выпуска региона.

2.2. Расчет значений коэффициента специализации (Кс) на двух выделенных секторах экономики. Данный коэффициент позволяет выделить более значимые для экономики региона секторы.

2.3. Разбиение регионов на классы. Москва была выделена в отдельный класс, так как объемы ее экспорта значительно завышены, в то время как доля ВЭД, производящих экспортные товары, ниже среднего по стране уровня.

Остальные субъекты РФ были распределены на классы в зависимости от сочетания значений коэффициентов специализации на БОЭ ВЭД и БОВ ВЭД, а также с учетом доли подсектора БОР ВЭД в структурах их эконо-

мик. Критерии отнесения регионов к классам представлены в таблице 1.

Результаты классификации

В состав **первого класса** (табл. 2) вошло 25 субъектов РФ, специализированных на БОЭ ВЭД. Это больше, чем число регионов (11), относимое к этой группе с использованием данных таможенной статистики. Таким образом, мы получили важный результат, расширяющий список регионов, характеризующийся повышенной степенью зависимости от зарубежного спроса, что важно при разработке мер государственной политики.

Для регионов данной группы в наибольшей степени проявляются меры государственного регулирования экспорта. Так, повышение экспортных пошлин на вывоз круглого леса в 2008 г. [6] способствовало сокращению индекса физического объема ВРП Р. Карелия относительно уровня 2007 г на 4,6% [1]. Субъекты РФ этой группы наиболее уязвимы к шокам внешнеэкономической конъюнктуры. В то же время, последствия от вступления РФ для этих регионов ожидаются относительно благоприятными ввиду сокращения экспортных пошлин и удешевления импорта оборудования.

В второй класс вошло семь субъектов РФ. Они характеризуются высоким значением производства товаров для экономики. При этом данные регионы специализированы как на БОЭ ВЭД, так и на БОВ ВЭД.

Большая степень диверсификации рынков сбыта продукции является фактором устойчивости экономик регионов в период кризисов. В то же время, колебания и зарубежного, и внутрироссийского спроса, будут отражаться на экономиках данных регионов.

Таблица 1

Критерии отнесения субъектов РФ к классам

Название класса субъектов РФ	Критерии
1.Более ориентированные на экспорт	Кл (БОЭ ВЭД)>1 и Кл (БОВ ВЭД)<1
2.С высокой степенью ориентированности и на экспорт, и на внутрироссийский спрос	Кл (БОЭ ВЭД)>1 и Кл (БОВ ВЭД)>1
3.Более ориентированные на внутрироссийский рынок	Кл (БОЭ ВЭД)<1 и Кл (БОВ ВЭД)>1
4.С невысоким уровнем развития ВЭД, производящих товары	Кл (БОЭ ВЭД)<1 и Кл (БОВ ВЭД)<1 или Кл (БОЭ ВЭД)<1 и Кл (БОВ ВЭД)>1 и Кл (БОР ВЭД)>1 и коэффициент душевого производства на (БОР ВЭД)<1

Источник: составлено автором.

Состав выделенных классов регионов

<i>Наиболее ориентированные на экспорт регионы</i> НАО, Чукотский автономный округ, ЯНАО, ХМАО, Р. Коми, Р. Саха, Р. Хакасия, Р. Башкортостан, Р. Карелия; Томская, Сахалинская, Тюменская, Магаданская, Кемеровская, Вологодская, Оренбургская, Астраханская, Липецкая, Иркутская, Волгоградская, Свердловская, Челябинская, Архангельская области; Красноярский, Пермский края
<i>С высокой степенью ориентированности и на экспорт и на внутрироссийский спрос</i> Белгородская, Нижегородская, Новгородская, Тульская, Мурманская области, Р. Татарстан, Удмуртская Р.
<i>3. Более ориентированные на внутрироссийский рынок регионы</i> Субъекты РФ, не вошедшие в остальные классы
<i>4. Регионы с невысоким уровнем развития ВЭД, производящих товары</i>
4.1. Амурская область, ЕАО, Забайкальский край, Р. Тыва, Чеченская Р. 4.2. Р. Адыгея, Р. Алтай, Р. Дагестан, Р. Ингушетия, Р. Калмыкия

Источник: составлено на основе расчетов автора по [4], [9]

Данные регионы чувствительны к государственному регулированию как экспорта, так и импорта.

За счет более высокой трудоемкости, БОВ ВЭД преобладают в структуре занятости ВЭД, производящих товары, значит, для решения возможных проблем с ростом безработицы стимулирование внутреннего спроса на продукцию этих регионов может иметь большее значение.

В третий класс, самый многочисленный, вошло 40 субъектов РФ, экономики которых ориентированы преимущественно на внутрироссийский рынок. Для данных регионов в наибольшей степени важны меры государственного регулирования импорта, особенно импорта товаров, конкурирующих с продукцией субъектов РФ. Поэтому последствия от вступления РФ в ВТО для регионов данной группы ожидается скорее отрицательным, так как связано с о снижением импортных тарифов. Возможности же по наращиванию экспорта ограничены хотя бы потому, что даже на внутреннем рынке отечественные товары испытывают высокую конкуренцию. Задачей государства является защита отечественных производителей и стимулирования повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции.

В четвертый класс вошло 10 субъектов РФ. Эти регионы обладают невысоким внешнеторговым потенциалом ввиду от-

носительно низкого уровня развития видов экономической деятельности, производящих товары. В пяти из них отсутствует специализация на каком-либо секторе ВЭД (табл. 2, подкласс 4.1), еще пять субъектов РФ (табл. 2, подкласс 4.2) специализированы преимущественно на производстве продукции сельского хозяйства, пищевой промышленности и энергетики.

Преодоление низкого уровня социально-экономического развития данных субъектов РФ связано со стимулированием развития в них трудоемких производств, продукция которых будет пользоваться устойчивым спросом на внутрироссийским или экспортных рынках, в том числе за счет различных методов ограничения импорта товаров.

Заключение. Таким образом, в результате применения предлагаемой методологии, получена классификация регионов РФ, которая более точно, в сравнении с использованием данных таможенной статистики об экспорте субъектов РФ, отражает степень зависимости регионов РФ от зарубежного и внутрироссийского рынка. Данный результат может быть полезен при прогнозировании региональных последствий государственной внешнеторговой политики, шоков внешнего спроса, при разработке мер региональной экономической политики, в стратегическом планировании.

Библиографический список

1. Валовой региональный продукт Республики Карелия [Электронный ресурс]// Карелиястат.– URL: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/f44af7804c496862b57abd052efb10e3/vrp1.mht (дата обращения 15.03.2013)

2. Вардомский Л.Б. Российское пространство в контексте глобального финансово-экономического кризиса // Журнал новой экономической ассоциации. – 2009. – № 3–4. – С. 153–154.
3. Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики // Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации/ Под ред. Григорьева Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаева Г.Р. – М.: ТЕИС, 2011. – С. 34–58; 340–342.
4. «Социально-экономическое положение России» в январе 2012 г. Доклад. [Электронный ресурс]// Официальный сайт Государственной службы Федеральной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_01/IssWWW.exe/Stg/d01/2-2-4-2.htm (дата обращения 11.02.2012)
5. Овчарова Л.Н., Рыбалкин В.Е., Зубаревич Н.В. и др. / Вступление России в ВТО: мнимые и реальные социальные последствия/ Независимый институт социальной политики – М.: Поматур, 2004. – 160 с.
6. Постановление Правительства РФ №75 от 5.02.07 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2006 г. № 795 в отношении отдельных видов лесоматериалов необработанных» [Электронный ресурс]// URL: http://www.vch.ru/cgi-bin/guide.cgi?table_code=14&action=show&id=10642 (дата обращения 15.03.2013).
7. Регионы. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур, 2005.
8. Система профессионального анализа рынков и компаний [Электронный ресурс]. – доступ из локальной сети экономического факультета МГУ. – Режим доступа: www.spark.interfax.ru (дата обращения 14.11.2012).

Хлыпалов В.М. (Краснодар)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ: ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

Khlypalov V.M.

REGIONAL FEATURES OF TRADE: SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

Аннотация. Рассмотрена динамика внешней торговли субъектов Южного федерального округа за 2009–2012 гг. Проанализирована структура экспортта и импорта товаров. Выявлены региональные особенности внешней торговли Южного федерального округа.

Abstract. The dynamics of the foreign trade from 2009 to 2012 by the subject of the Southern Federal District have been examined. The structure of the goods import/export has been analyzed. All regional features of the foreign of the Southern Federal District were ascertained.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот, внешняя торговля, импорт, кризис, регион, таможня, товар, экспорт, Южный федеральный округ.

Keywords: foreign trade turnover, foreign trade, import, crisis, region, customs, goods, export, Southern Federal District.

Внешняя торговля является важным фактором развития национальной экономики, ее устойчивого роста и повышения конкурентоспособности. Экспорт товаров и услуг позволяет увеличивать золотовалютные резервы, обеспечивает занятость в экспортноориентированных отраслях, повышает престиж страны и усиливает ее влияние на мировых рынках. В свою очередь, импорт способствует насыщению внутреннего рынка качественными товарами и заставляет отечественных производителей повышать конкурентоспособность своей продукции.

Сложность ведения внешнеторговой деятельности заключается в высоком уровне конкуренции на мировом рынке, поэтому правительства, используя административ-

ные, законодательные, тарифные и нетарифные методы регулирования, способствуют продвижению отечественных товаров за рубеж и одновременно жестко контролируют объем и качество импорта.

С 1992 г. Российская Федерация является самостоятельным субъектом мировой экономики и осуществляет внешнюю торговлю в основном в свободно конвертируемой валюте. Сложившаяся в 1990-е гг. товарная структура внешней торговли не соответствует экономическому, интеллектуальному, промышленному и агроклиматическому потенциалу России. Она является следствием экономического кризиса и спада производства в 1990-е гг., с одной стороны, неконкурентоспособности многих российских

производств и неудач в структурной трансформации национального хозяйства – с другой [1, с.151–152].

Исследование специфики внешнеторговой деятельности отдельных российских регионов имеет важное научное и практическое значение: позволяет выявить недостатки и проблемы в товарной структуре экспорта и импорта, определить степень защищенности регионов от внешних факторов, подготовиться к полномасштабному вступлению России во Всемирную торговую организацию.

Выгодное географическое положение Южного федерального округа, высокий экономический потенциал региона, развитая транспортная инфраструктура, его место во внешнеэкономическом комплексе страны определили объект исследования.

Объективный анализ внешней торговли субъектов Южного федерального округа за 1993–2006 гг. дает в своем исследовании Е.Н. Беляева [2]. Наша задача состоит в том, чтобы осветить, как повлиял мировой экономический кризис на динамику и структуру экспорта и импорта ЮФО в последующий период. Первые результаты исследований были опубликованы в начале 2011 г. [3, с. 72–79]. Основными источниками для написания статьи послужили статистические данные Южного таможенного управления о внешней торговли субъектов ЮФО за 2009–2012 гг.

Южный федеральный округ (ЮФО) – административное формирование Российской Федерации на юге европейской части России. Образован Указом Президента России № 849 от 13 мая 2000 г. Состав ЮФО изменен в соответствии с Указом Президента России № 724 от 12 мая 2008 г. «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» и Указом Президента России № 82 от 19 января 2010 г. «О внесении изменений в перечень федеральных округов». С момента образования округ носил название «Северо-Кавказский», Указом Президента России № 1149 от 21 июня 2000 г. – переименован в «Южный». В 2010 г. из его состава выделен Северо-Кавказский федеральный округ [4]. Округ занимает площадь 416,8 тыс. км² (2,4% площади России), население составляет 13,8 млн. чел (9,7% населения России). Удельный вес округа во внешнеторговом обороте страны составляет около 4%.

В состав ЮФО входят Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области, республики Адыгея и Калмыкия. Основные отрасли экономики: добыча минеральных вод, горнодобывающая промышленность, туризм, сельское хозяйство, пищевая промышленность, приборостроение, производство строительных материалов. Сегодня округ занимает первое место в стране по производству минеральных вод, второе – по добыче вольфрама, третье – по добыче угля и производству цемента. Запасы нефти в регионе оценивают в 5 млрд. т. условного топлива.

Внешнеторговый оборот ЮФО в 2009 г. составил 17,6 млрд. долл., сократившись по сравнению с 2008 г. на 37,7%. По объективным причинам произошло уменьшение числа участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД) с 9,4 тыс. в 2008 г. до 7,2 тыс. в 2009 г. В этих условиях практически без изменения осталась географическая структура товарных потоков. Как и прежде, основной объем внешней торговли приходился на страны дальнего зарубежья (до 75%): Турцию, Италию, Германию, Китай, Египет, а из стран ближнего зарубежья лидировали Украина и Казахстан.

Объем экспорта в 2009 г. по сравнению с 2008 г. сократился в 1,6 раза и составил 9,8 млрд. долл. Основной объем экспортных поставок обеспечили Краснодарский край (36,9%), Ростовская (24,9%) и Волгоградская области (22,3%). Снижение экспорта объясняется рядом причин: финансовыми затруднениями, возникшими у предприятий выпускавших экспортную продукцию, снижением потребности в их продукции за рубежом, падением мировых цен на многие товары. Сократился экспорт электрических машин, оборудования, необработанного алюминия, полимеров, серы, древесины, лома черных металлов. За счет этого в структуре экспорта удельный вес продовольствия и сельскохозяйственного сырья возрос с 19,1% в 2008 г. до 30,9% в 2009 г. При хорошем урожае этот показатель мог быть еще выше, если бы не высокая ставка экспортной пошлины на пшеницу и ячмень.

Удельный вес минеральных продуктов в структуре экспорта составил 30,9%. Эта продукция была представлена нефтепродуктами (76,1%), углем (3,5%), цементом (1,7%). На электроэнергию пришлось 17,3%. Снижение

мировых цен на нефть привело к сокращению экспорта нефтепродуктов по стоимости в 2,1 раза, а по весу – в 1,2 раза. Основными поставщиками нефтепродуктов были Краснодарский край и Волгоградская область, угля – Ростовская область, цемента – Краснодарский край и Волгоградская область. Большую часть минеральной продукции поставили в Грецию, Израиль, Турцию, Украину и Финляндию.

Стоимостные объемы машиностроительной продукции сократились в 2,1 раза, но удельный вес в структуре экспорта остался прежним. На экспорт отправили различное оборудование, летательные аппараты, суда, железнодорожное оборудование, сельскохозяйственные машины. Технику из Краснодарского края и Ростовской области направили в Бразилию, Израиль, Индию, Кипр и Турцию.

За 2009 г. участники ВЭД ЮФО импортировали товаров на сумму 7,8 млрд. ам. долл., а физические объемы составили 7,4 млн. т. За истекший период сократилось число импортеров и заметно сузился ассортимент ввозимых товаров. При сохранении лидирующих позиций за машиностроительной и сельскохозяйственной продукцией, удельный вес первой сократился с 40,4% до 34,0%, а второй – возрос с 17,0% до 25,8%. Из числа профилирующих товарных групп в импорте наибольшее сокращение поставок пришлось на средства наземного транспорта – 28,0%, металлы – 23,6%, цемент – 11,6%. Ведущие позиции остались за комплектующими деталями для сборки автомобилей, железнодорожной и сельскохозяйственной техники, а также трансформаторов, погрузчиков и холодильников.

Значительной оставалась потребность округа в сельскохозяйственной продукции и продовольствии. Выросли объемы поставок фруктов, овощей, мяса, масла и табака, сохранились высокие стоимостные показатели по алкогольной продукции, сахару-сырцу, кофе и чаю. Большие объемы ввоза продовольствия на Кубань объясняются наличием на территории края производственных мощностей по производству сахара, кофе и других продовольственных товаров. Основными поставщиками выступали Турция, Бразилия, Азербайджан, Иран, Украина.

Как и в 2008 г., среди минеральных товаров преобладали нефтепродукты, доля кото-

рых в структуре данной группы возросла с 45,0% до 56,0%. Большие объемы нефтепродуктов присутствуют в номенклатуре с конца 2007 г. и представлены в основном продуктами переработки российской сырой нефти украинскими предприятиями [5].

В 2010 г. происходило восстановление экономики большинства субъектов ЮФО, которые демонстрировали рост промышленного производства. С выходом из кризиса основных внешнеторговых партнеров это привело к активизации деятельности участников ВЭД как в экспортном, так и импортном направлении в большинстве сегментов товарной структуры. Внешнеторговый оборот в 2010 г. составил 22,6 млрд. долл., что в 1,5 раза больше, чем в 2009 г. Доля стран дальнего зарубежья во внешнеторговом потоке возросла до 80%, увеличилось число участников ВЭД.

Стоимостной объем экспорта возрос в 1,4 раза, а физический – сократился на 37,0%. Укрепили свои позиции экспортеры минеральных продуктов, обеспечившие рост в 2,4 раза, химической отрасли – в 1,2 раза, древесины и изделий из нее – в 1,1 раза. За год объем экспорта лома черных металлов вырос в 28 раз! Уменьшение экспорта машиностроительной продукции произошло за счет многократного снижения поставок летательных аппаратов, сельскохозяйственной техники и отдельных видов оборудования. На сокращение объема экспорта зерновых культур повлияло постановление правительства о запрете вывоза некоторых видов культур, введенное с 15 августа 2010 г.

Импорт ЮФО в 2010 г. возрос в 1,4 раза и составил 9,9 млрд. долл., а в физическом выражении – в 1,3 раза, достигнув 8,8 млн. т. Ранжированный ряд элементов товарной структуры остался прежним, сохраняя доминирующее положение за продукцией машиностроения и продовольствием. Следует отметить рост импорта нефтепродуктов в 1,9 раза [6].

Внешнеторговый оборот в 2011 г. составил 33,0 млрд. долл. (рост в 1,4 раза), физические объемы превысили прошлогодние на 11,4% и составили 46,2 млн. т. Следует отметить активизацию внешнеторговой деятельности во всех субъектах ЮФО, за исключением Республики Калмыкии. В 2011 г. около 6 тыс. хозяйствующих субъектов осуществляли внешнеэкономическую деятельность (2010 г. – 5,8 тыс.). На одного участника ВЭД

пришлось почти 5,2 млн. долл. внешнеторгового оборота (2010 г. – 3,8 млн. долл.). География товарных потоков свидетельствует о сохранении во внешней торговле высокой доли стран дальнего зарубежья – 81,4%. Позитивное сальдо торгового баланса округа достигло 7,2 млрд. долл. и увеличилось за год на 5,3 млрд. долл. Торговый дефицит имел место в Ростовской области, Адыгее и Калмыкии.

Стоимость экспорта в 2011 г. составила 19,1 млрд. долл., что в 1,6 раза выше показателя 2010 г., физический объем достиг 35,1 млн. т. Экспортеры минеральных продуктов и продовольственных товаров обеспечили рост стоимостных объемов соответственно в 1,8 и 1,6 раза, но по машиностроительной продукции, текстилю, текстильным изделиям, обуви зафиксировано снижение объемов. Товарная структура экспорта сохранила ведущие позиции за минеральными продуктами, доля которых достигла 64,3%, продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем – 17,6%, а также металлами и изделиями из них – 9,9%. Доля химической продукции – 2,9%, машиностроения – 2,7%, товаров категории «прочие» – 1,7%, древесины и изделий из нее – 0,8%.

В 2011 г. участниками ВЭД экспортовано минеральных продуктов более 19 млн. т. стоимостью 12,3 млрд. долл., при этом вес продукции увеличился почти в 1,4 раза, а стоимость – в 1,8 раза.

За год продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства вывезли 11,6 млн. т. стоимостью около 3,4 млрд. долл. После отмены запрета на вывоз некоторых видов зерновых культур, действовавшего до конца июня 2011 г., экспорт этих товаров возобновился и составил 2,1 млрд. долл., что по стоимости на 60% выше объемов 2010 г. В структуре экспорта продовольственных товаров на зерновые культуры приходится 62,2% стоимостных объемов, на подсолнечное и рапсовое масло – 14,6%, остатки и отходы пищевой промышленности – 6,4%, табак, табачные изделия и овощи – по 3,8%, масличные культуры – 3,1%.

Объемы экспорта металлов и изделий из них в 2011 г. составили 1,9 млрд. долл. 84% стоимости экспорта лома обеспечили участниками ВЭД Ростовской области. Машиностроительной продукции вывезли на сумму 519,9 млн. долл. Более половины (51,4%) ма-

шиностроительной продукции былоэкспортировано в Украину и Азербайджан.

В 2011 г. импортировано товаров 11,1 млн. т. на сумму 11,9 млрд. долл. Объемы импорта относительно 2010 г. возросли более чем на четверть по весу и на 20% по стоимости. Приоритеты в товарной структуре были сохранены: сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары – 26% стоимости импорта, машиностроительная продукция – 25,6%, металлы и изделия из них – 19,9%, химическая продукция – 9,9%, минеральные продукты – 8,2%, текстиль, текстильные изделия, обувь и товары, относимые к категории «прочие» – по 3,9%, древесина и изделия из нее – 2,4%. Сократились поставки железнодорожных транспортных средств, электрических машин, оборудования, судов, жиров и масел, алкогольных и безалкогольных напитков.

В 2011 г. ввезено продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья на сумму 3,1 млрд. долл. Ведущими поставщиками были Турция, Бразилия, Египет, Израиль, Украина, Иран, Эквадор, а основным реципиентом выступал Краснодарский край (84,4% стоимости).

Стоимость импортируемых металлов и изделий из них возросла на четверть. Япония значительно усилила свои позиции на рынке металлов, поставив хозяйствующим субъектам округа 137 тыс. т. продукции стоимостью 177,3 млн. долл., в основном в Волгоградскую (плоский прокат из легированных сталей) и Ростовскую области (трубы).

В 2011 г. объем импорта минеральных продуктов составил около 4 млн. т. стоимостью 981,7 млн. долл. (увеличение соответственно на 55% и 37%). Номенклатура этой категории товаров на 71,5% была представлена нефтепродуктами. В связи со строительством олимпийских объектов расширялись поставки цемента, гравия, гранита, песка. Основные объемы гравия и щебня ввезли из Украины, Турции и Абхазии, цемента – из Турции, Румынии, Египта [7].

Внешнеторговый оборот ЮФО по итогам 2012 г. составил 31,1 млрд. долл. Физические объемы превысили прошлогодние только на 1%. В 2012 г. ВЭД осуществляли 6100 хозяйствующих субъектов ЮФО, в том числе юридических лиц – 4750. На страны дальнего зарубежья пришлось 82,8% товарооборота. Крупнейшими торговыми парт-

тнерами на протяжении ряда лет были Турция, Италия, Китай, Нидерланды, Германия, Египет, Швейцария, Франция, Греция и США. Из стран СНГ лидирующее положение сохраняла Украина.

Стоимостные объемы экспорта в 2012 г. составили 19,5 млрд. долл., а физические остались на уровне предшествующего года. Основные объемы экспортных поставок обеспечили Краснодарский край (48,5% стоимости), Ростовская (27,2%) и Волгоградская (21,2%) области. Товарная структура экспорта включала: минеральные продукты – 60,8% стоимостных объемов, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 23%, а также металлы и изделия из них – 9,1%. Снижение стоимостных объемов зафиксировано по сырой нефти – на 43,5%, углю – на 20,4% и сере – на 9,6%.

Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства составил 13,3 млн. т. стоимостью 4,5 млрд. долл. На зерновые культуры в структуре экспорта продовольственных товаров пришлось 57% стоимостных объемов, на жиры и масла – 21%, на остатки и отходы пищевой промышленности – 8,5%, на масличные культуры – 4,3%, на овощи – 3,3%, на табак, табачные изделия – 3,1%. Экспорт сельхозпродукции осуществляли в основном из Ростовской области (58,4% стоимости) и Краснодарского края (35,8%).

Машиностроительной продукции вывезено на сумму 549,5 млн. ам. долл. Ассортиментный ряд в основном представлен различным оборудованием (34%), электрическими машинами (23%) и летательными аппаратами (26%). Более 3/4 стоимостных объемов машиностроительной продукции вывезли в страны дальнего зарубежья: Ирландию, Иран, Индию, Великобританию. Значительную часть вывоза осуществляли участники ВЭД Ростовской области (55,1% стоимости).

В 2012 г. импортировано 11,6 млн. т. товаров на сумму 11,6 млрд. долл. В основе товарной структуры импорта машиностроительная продукция – 28,8% стоимости, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье для их производства – 25,7%, металлы и изделия из них – 18,1%, химическая продукция – 10,4%, минеральные продукты – 4,5%, текстиль, текстильные изделия и обувь – 4,8%, древесина и изделия из нее

- 2,7%. По-прежнему десять товарных групп (оборудование, черные металлы, фрукты, изделия из черных металлов, овощи, пластмассы, электрические машины, средства наземного транспорта, минеральное топливо, соль, сера) суммарно обеспечивают около 2/3 стоимостных объемов импорта.

Стоимостные объемы машиностроительной продукции составили более 3,3 млрд. долл. Профилирующие позиции сохранились за комплектующими деталями для сборки автомобилей, сельскохозяйственной техникой, трансформаторами, судами, холодильниками, электрическими машины и оборудованием. Основными реципиентами машиностроительной продукции были хозяйствующие субъекты Ростовской (53,9%) области и Краснодарского края (30,2%). Ведущие поставщики: Украина (17,2%), Китай (13,7%), Германия (16,3%), Италия (7,3%), Турция (6,6%), Франция (6,2%) и США (5,3%).

В 2012 г. ввезено около 2,4 млн. т. продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства стоимостью около 3,0 млрд. долл. Снижение объемов ввозимых продовольственных товаров обусловлено сокращением поставок сахара-сырца, объемы которого в 2012 г. составили 47,5 тыс. т., а в предшествующем году – 233,4 тыс. т. Сокращение ввоза зафиксировано также в отношении овощей, продукции переработки овощей и фруктов, готовых пищевых продуктов. Около 80% стоимости продовольственных товаров поступило в адрес хозяйствующих субъектов Краснодарского края, что обусловлено его экономической специализацией, ориентированной на переработку сельскохозяйственной продукции, в том числе сахара, кофе и других продовольственных товаров.

Стоимость импортируемых металлов и изделий из них составила 2,1 млрд. долл. В основном ввезли черные металлы и изделия из них, обеспечившие более 90% стоимостных объемов в данной категории товаров. Следует отметить снижение объемов поставок металлоизделий из Украины и Японии и рост из Германии, Турции, Китая. Большая часть металлоизделий поступила на предприятия Ростовской (55%) и Волгоградской (18,5%) областей, а также Краснодарского края (23%).

Стоймостные объемы импорта химической продукции составили 1,2 млрд. долл. Ведущими импортерами химической продукции были участники ВЭД Ростовской области, на долю которых пришлось 41,2% стоимостных объемов, Краснодарского края (29,2%) и Волгоградской области (26,7%). Украина, Китай, Турция, Германия и Италия обеспечили 2/3 стоимостных объемов импортных поставок товаров данной категории.

В 2012 г. объем импорта минеральных продуктов составил 4,9 млн. т. стоимостью 524,3 млн. долл. и увеличился на 23,3% по весу, но снизился на 47,5% по стоимости в сравнении с 2011 г. Номенклатура на 29% была представлена нефтепродуктами. Из Украины ввезли нефтепродукты, нефтяной газ, соль, каменный уголь, щебень, глину, из Турции – цемент, гипс и щебень. Основной объем минеральных продуктов поступил в

адрес хозяйствующих субъектов Ростовской области (66% стоимости) и Краснодарского края (24%) [8].

Проведенное исследование позволяет выявить региональные особенности внешней торговли Южного федерального округа:

1) Более 80% внешнего товарооборота ЮФО приходится на страны дальнего зарубежья, в основном на Турцию, Италию, Китай, Германию, Нидерланды и Египет.

2) Около половины экспортных поставок продукции обеспечивают хозяйствующие субъекты Краснодарского края.

3) Структура экспорта имеет ярко выраженную сырьевую направленность: доминируют минеральные продукты, сельскохозяйственное сырье и продовольствие.

4) В структуре импорта более 2/3 составляют машиностроительная продукция, продовольствие, сельскохозяйственное сырье, металлы и изделия их них.

Библиографический список

1. Международные экономические отношения: Учебник / Под. ред. Б.М. Смитиенко. – 2 изд. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 528 с.
2. Беляева Е.Н. Анализ динамики внешнеторговой деятельности Южного федерального округа за 1993–2006 гг. // Внешнеторговая деятельность Южного федерального округа: тенденции и перспективы: Сборник научных статей. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского филиала РТА, 2007.
3. Хлыпалов В.М. Динамика внешней торговли Южного федерального округа в 2008-2011 годах // Проблемы и перспективы формирования инновационной экономики России: Материалы научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во КЦНТИ, 2011. – Т. 2. – 269 с.
4. www.bankgorodov.ru (Южный федеральный округ).
5. www.yutu.customs.ru (Южное таможенное управление. Статистика внешней торговли за 2007–2009 гг.)
6. www.yutu.customs.ru (Южное таможенное управление. Статистика внешней торговли. 2010 г.)
7. www.yutu.customs.ru (Южное таможенное управление. Внешняя торговля в 2011 г.)
8. www.yutu.customs.ru (Южное таможенное управление. Внешняя торговля в 2012 г.)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Федоров Г.М. (Калининград)

ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЕС В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ НА БАЛТИКЕ

Fedorov G.M.

**THE POTENTIAL FOR COOPERATION BETWEEN RUSSIA
AND THE EU IN INNOVATION IN THE BALTIC SEA**

***Аннотация.** РФ уступает наиболее развитым странам мира по производству инноваций и, особенно, по их внедрению в экономику. Международное сотрудничество является важным фактором активизации инновационного процесса. Целесообразно расширение российского участия в международных программах, реализуемых ЕС на Балтике, а также инициирование собственных проектов с иностранным участием.*

***Abstract.** Russia still lags behind the most developed countries in terms of generation of innovations and, especially, their introduction into economy. International cooperation is an important factor of activating the innovative processes. It is expedient to develop a wider Russian participation in the international programmes implemented by the EU in the Baltic, as well as launching independent projects with international participation.*

Ключевые слова: исследования и разработки, инновационная сфера, международное сотрудничество, Балтийский регион.

Key words: research and development, innovation sector, international cooperation, Baltic region.

Балтийский регион традиционно является одним из транснациональных регионов развитого международного сотрудничества. Здесь действуют многочисленные международные организации, объединяющие расположенные на берегах Балтики государства, их административно-территориальные и муниципальные образования, хозяйствующие субъекты, некоммерческие организации в политические, экономические, культурные, образовательные организации, решающие проблемы, представляющие интерес для каждой из сторон. Одним из важных и быстро развивающихся направлений сотрудничества является сотрудничество в инновационной сфере, то есть в производстве и внедрении инноваций.

Проблемы международного сотрудничества в Балтийском регионе все более активно изучаются российскими исследователями, преимущественно из Санкт-Петербурга и Калининграда. Для освещения результатов исследований Санкт-Петербургский университет и Балтийский федеральный университет им. И. Канта совместно выпускают спе-

циальный научный журнал – «Балтийский регион», который выходит на русском и английском языках. БФУ им. И. Канта с 2010 г. по программам Минобразования РФ выполняет научные исследования инновационных процессов и возможностей международного сотрудничества в сфере инноваций. В нем помещен целый ряд научных публикаций ученых БФУ им. И. Канта, участвующих в исследованиях потенциала и перспектив сотрудничества России и ЕС в инновационной сфере в Балтийском регионе [1–3, 5–9, 12, 16–18]. Публикуются также статьи других авторов по инновационной проблематике [4, 10, 11 и др.].

Расположенные в Балтийском регионе страны имеют неодинаковый уровень социально-экономического развития, сильно различающийся инновационный потенциал и разную степень внедрения инноваций в производство товаров и услуг. Более высокими относительными показателями отличаются государства с традиционной рыночной экономикой – Германия и Северные страны (Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия).

Постсоциалистические страны – Россия, государства Балтии (Литва, Латвия, Эстония) и Польша имеют более низкий уровень экономического, в том числе инновационного развития, хотя за последние годы к уровню экономически более развитых стран приблизилась Эстония.

С разной степенью активности разные страны Балтийского региона относятся и к международному сотрудничеству в инновационной сфере. Развитие инноваций поддерживается Европейским союзом, к которому относятся все страны Балтийского региона, за исключением Российской Федерации. ЕС побуждает входящие в него страны к увеличению расходов на исследования и разработки и способствует развитию совместных исследований финансированием специальных программ, нацеленных на развитие инноваций. Поскольку заявленная стратегия развития российской экономики предполагает ее переход на инновационный путь развития, поскольку развитие сотрудничества в сфере инноваций с остальными странами Балтийского региона является важным фактором, который может способствовать решению стратегических проблем экономического развития России, особенно ее Северо-Запада, расположенного на балтийском побережье. Но финансирование совместных проектов с зарубежными партнерами финансируется пока не столь значительно, как это имеет место в ЕС.

Уровень развития сферы производства инноваций в Российской Федерации вследствие кризиса 1990-х гг. сильно снизился по сравнению с характерным для СССР уровнем. Как отмечает Д.Е. Шведов, в 1985 г. Советский Союз уступал только США (в 1,7 раза) по валовым расходам на науку (70 млрд долларов в СССР против 120 млрд долларов в США). Доля расходов на науку в ВВП Советского Союза составляла 3,8%, являясь наивысшим показателем в мире [19]. В 2009 г. расходы на научные исследования и разработки в РФ составили 33,6 млрд. долларов США (по ППС) и в 12 раз уступали расходам США (401,6 млрд. долл.) [14, С. 322]. В 2010 г. Россия занимала только 8 место в мире по объему расходов на исследования и разработки, уступая, помимо США, также (в порядке убывания) Китаю, Японии, Германии, Республике Корея, Франции и Великобритании. Занимающая в Балтийском регионе

первое место Германия (86 млрд. долл.) превосходит показатель России (33 млрд. долл.) в 2,6 раза. Правда, по численности занятых в сфере исследований и разработок Россию превосходят только США, Китай и Япония, но эта численность сокращается (за 2000–2010 гг. с 1007 тыс. до 844 тыс. чел.), так что за первое десятилетие XXI в. Россия уступила третью позицию Японии [14, С. 320].

Если по абсолютным показателям, характеризующим научный потенциал, Россия все же занимает место среди ведущих стран, то ее относительные характеристики намного хуже. Так, в Балтийском регионе (табл. 1) по количеству занятых исследованиями и разработками в расчете на 1000 жителей ее превосходят Германия и Северные страны. По размерам внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на 1 жителя РФ сильно уступает не только этим странам, но также и Эстонии, а в расчете на 1 занятого в инновационной сфере – всем странам региона. Доля затрат на исследования и разработки в процентах к ВВП в России (1,16) намного ниже, чем в Германии (2,82), Северных странах (1,69 Норвегия, 3,06–3,88 Финляндия, Швеция и Дания) и Эстонии (1,63). Крайне низка (9,3%, ниже, чем в любой другой страны региона) в России доля предприятий, осуществляющих технологические инновации.

Две главные причины определяют отставание России в инновационной сфере. Во-первых, предельно низкое финансирование научной сферы в 1990-е гг., вызвавшее массовый отток наиболее квалифицированных ученых и специалистов за рубеж и в другие сферы деятельности внутри страны, старение не обновлявшегося долгое время оборудования, снижение престижности научной деятельности среди молодежи. Во-вторых, отсутствие интереса российского бизнеса к финансированию научных исследований и разработок, а также и преобладающая малая его активность во внедрении достижений научно-технического прогресса в производство (исключение составляют отдельные высокорентабельные и быстро коммерциализируемые разработки в таких видах деятельности как мобильная связь и компьютерные технологии). На средства предпринимательского сектора в 2010 г. приходилось всего 25,5% затрат на исследования и разработки (в Германии, например – 66,1%, в США – 61,6%).

Таблица 1

Некоторые показатели инновационной деятельности в странах Балтийского региона, 2010 г.

Страна	Занято исследованиями и разработками		Внутренние затраты на исследования и разработки			Доля организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации, %	
	Тыс. человек	Человек на 1000 жителей	Млн долл. США	Тыс. долл. на 1 жителя	Тыс. долл. на 1 занятого исследованиеми и разработками		
Россия	844,0	5,9	32793	0,23	38,9	1,16	9,3
Германия	549,0	6,7	86299	1,06	157,2	2,82	71,8
Швеция	77,4	8,3	12536	1,34	161,9	3,40	49,6
Дания	53,2	9,8	6816	1,25	128,1	3,06	46,0
Финляндия	55,9	10,4	7589	1,42	135,8	3,88	52,5
Норвегия	36,1	7,4	4742	0,97	131,3	1,69	41,6
Польша	81,8	2,1	5588	0,15	68,3	0,74	22,0
Литва	11,8	3,7	482,2	0,15	40,8	0,80	25,9
Латвия	5,4	2,5	221,2	0,10	40,9	0,60	26,9
Эстония	5,3	3,9	444,4	0,33	84,2	1,63	52,8

Расчеты автора на основе данных: [14, С. 320–329; 20].

По доле государства в таких затратах (70,3%) Россия занимает первое место в Европе [14, С. 325].

Имеются и другие проблемы, затрудняющие переход экономики на инновационный путь развития. Среди них – сохранившаяся от СССР многочисленность научных направлений, по которым осуществляются исследования. В условиях недостаточного финансирования науки в целом, необходима концентрация исследований на приоритетных направлениях, которые хотя и заявлены в правительственные документах, но, наряду с ними, сохраняются и многочисленные прочие направления, отвлекающие финансовые и интеллектуальные ресурсы.

Еще одна сложная проблема – слабость горизонтальных связей между типами субъектов инновационной деятельности. Такое наследие административно-командной экономической системы, в которой господствовали вертикальные связи, типично в России для многих сфер деятельности и преодолевается с трудом. Проблема усугубляется спецификой ведомственной принадлежности организаций, занимающихся инновационной

деятельностью – наличием трех недостаточно связанных между собой секторов науки – отраслевой, вузовской и академической. Кроме того, с начала 1990-х гг. появилась еще одна группа организаций, имеющих отношение к исследованиям и разработкам. Это небольшие консалтинговые и внедренческие фирмы, а также малые инновационные предприятия при вузах. Недостаток координации совместной деятельности является одним из слабых мест организации процесса производства и внедрения инноваций.

В прежних «классических» университетах и многих других вузах производству инноваций не способствует гуманитарная направленность исследований. В академической науке концентрируются преимущественно теоретические исследования. Вузовский и академический сектора недостаточно связаны с «отраслевой» наукой, а потому и с производством. Разрыв связей с научными организациями других бывших союзных республик при недостаточном опыте взаимодействия с инновационными субъектами зарубежных стран предопределяет характерный для большинства исследовательских на-

правлений низкий уровень развития международных связей в сфере инноваций.

В 2000-е гг. российское государство стало вкладывать все более значительные средства в развитие науки. Это позволило обеспечить сравнительно высокую и увеличивающуюся среднемесячную оплату труда работников, занятых исследованиями и разработками: если в 2000 г. она превосходила средний уровень по экономике на 22%, то в 2005 г. – на 29%, а в 2010 г. – уже на 53%. В номинальном выражении среднемесячная зарплата работников, занятых исследованиями и разработками, возросла за 10 лет в 11,9 раза против 9,4 раза в среднем по экономике [15, С. 413, 416]. Это повышает привлекательность инновационной сферы среди молодежи, создавая предпосылки столь необходимого обновления кадров. Сложнее обстоит дело с заменой на новые устаревших приборов и оборудования. В 2010 г. на приобретение оборудования пришлось только 3,7% всех внутренних затрат на исследования и разработки, тогда как на зарплату и отчисление Единого социального налога – 59,1% [13, С. 790–791].

Одним из способов стимулирования инновационного развития в Российской Федерации является международное сотрудничество, в том числе сотрудничество со странами ЕС. Балтийский регион, где Россия граничит со странами ЕС, является выгодным полигоном развития связей России и ЕС в инновационной сфере.

В сотрудничестве со странами Балтийского региона главную роль играют субъекты Северо-Западного федерального округа (СЗФО), часть которых расположена на побережье Балтики. СЗФО по сравнению со среднероссийским уровнем имеет относительно высокий инновационный потенциал и близкий к среднему уровень внедрения инноваций в экономику. При доле в численности населения РФ в 9,5%, и 10,6% в совокупном ВРП субъектов РФ, СЗФО концентрирует более 14% организаций, выполнивших научные исследования и разработки, 13% занятых научными исследованиями и разработками, 13,5% затрат на исследования, производит 17% новых передовых технологий. Но менее активно внедрение результатов исследований (значительная их часть поступает в другие российские макрорегионы): затраты на технологические инновации

составляют 9% общероссийского объема, число используемых передовых технологий – более 8%, а объем инновационных товаров, работ, услуг – 9,7% [13, С. 778–817].

В СЗФО только Санкт-Петербург является действительно крупным научно-исследовательским центром. На него приходится 65% организаций, выполняющих исследования и разработки в СЗФО (и 9,7% всех таких российских организаций). Они концентрируют 83% занятых исследованиями и разработками в СЗФО, 84% затрат, идущих на эти цели, 85% создаваемых передовых производственных технологий [13, С. 778–782, 788, 808], поэтому организации Санкт-Петербурга играют ведущую роль в международном сотрудничестве в инновационной сфере. Остальные субъекты СЗФО, располагают несравненно меньшим инновационным потенциалом, основная часть которого располагается в центрах субъектов РФ. Отношение некоторых абсолютных показателей инновационного развития субъектов СЗФО в процентах к показателям Санкт-Петербурга отражает табл. 2.

Различия абсолютных показателей инновационной деятельности очень велики. Группировку субъектов СЭФО по некоторым абсолютным показателям инновационной деятельности характеризует табл. 3.

Разрыв относительных показателей, учитывающих численность населения регионов, меньше, чем абсолютных. Группировка субъектов СЭФО по некоторым относительным показателям инновационной деятельности отражает табл. 4.

Каждый из субъектов имеет возможности создания нового инновационного продукта по отдельным направлениям, соответствующим специализации их научных организаций и, желательно, востребованных в самом регионе. Помимо Санкт-Петербурга, обладающего большим и многоотраслевым инновационным потенциалом, следует назвать, прежде всего, Ленинградскую, а также Мурманскую области, имеющие сравнительно высокие и абсолютные, и относительные показатели как производства исследований и разработок (численность персонала, размеры внутренних затрат на исследования и разработки), так и их внедрения (затраты на технологические инновации).

По результатам выполненных БФУ им. И. Канта проектов выявлены следующие

Таблица 2

*Некоторые абсолютные показатели инновационного развития субъектов СЗФО
в процентах к показателям Санкт-Петербурга*

Субъекты СЗФО	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (чел.)	Внутренние затраты на исследования и разработки (млн руб.)	Затраты на технологические инновации (млн руб.)
Санкт-Петербург	100,0	100,0	100,0
Ленинградская обл.	8,1	7,4	29,4
Мурманская обл.	2,6	3,4	12,7
Респ. Коми	2,3	2,7	5,2
Калининградская обл.	2,3	2,0	0,9
Архангельская (без Ненецкого АО)	1,3	1,2	2,8
Респ. Карелия	1,2	1,0	10,7
Новгородская обл.	1,1	1,2	5,9
Вологодская обл.	0,6	0,5	12,7
Псковская обл.	0,4	0,1	0,8
Ненецкий АО	0,1	0,1	0,01

На основе данных: [13, С. 780–814].

Таблица 3

Группировка субъектов СЭФО по некоторым абсолютным показателям инновационной деятельности, 2010 г.

Группа	Субъекты СЗФО	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (тыс. чел.)	Внутренние затраты на исследования и разработки (млрд руб.)	Затраты на технологические инновации (млрд руб.)
1	Санкт-Петербург	79,8	59,2	19,9
2	Ленинградская	6,5	4,4	5,8
3а	Мурманская обл., Респ. Коми	1,8–2,1	1,6–2,0	1,0–2,5
3б	Архангельская (без Ненецкого АО), Калининградская обл.	1,1–1,9	0,7–1,2	0,2–0,5
4	Респ. Карелия, Вологодская, Новгородская обл.	0,5–0,9	0,3–0,7	1,2–2,5
5	Псковская	0,3	0,06	0,2
6	Ненецкий АО	0,075	0,04	0,0015

На основе данных: [13, С. 780–814].

Таблица 4

Группировка субъектов СЭФО по некоторым относительным показателям инновационной деятельности, 2010 г.

Группа	Субъекты СЗФО	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (чел. на 1000 жителей)	Внутренние затраты на исследования и разработки (тыс. руб. на 1 жителя)	Затраты на технологические инновации (тыс. руб. на 1 жителя)
1	Санкт-Петербург	16,5	12,2	4,1
2	Мурманская, Ленинградская обл.	2,6–3,8	2,5–2,6	3,2–3,4
3а	Респ. Карелия, Респ. Коми, Новгородская обл.	1,4–2,0	0,9–1,7	1,9–3,3
3б	Калининградская, Ненецкий АО	1,7–2,0	0,9–1,3	0,03–0,2
4а	Вологодская	0,4	0,2	2,1
4б	Архангельская (без Ненецкого АО), Псковская обл.	0,5–0,9	0,1–0,6	0,2–0,5

На основе данных: [13, С. 780–814].

наиболее перспективные направления сотрудничества между научными организациями СЗФО и возможными партнерами из зарубежных стран Балтийского региона (табл. 5). По некоторым направлениям (биомедицина и медицинские технологии, биотехнологии, агротехнологии, охрана природы) сотрудничество возможно с партнерами из всех или почти всех стран региона. По другим интерес представляют развитие связей только с некоторыми странами.

Различаются по степени важности и географические приоритеты сотрудничества, поскольку неодинаков уровень инновационности экономики Германии и Северных стран (Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции), с одной стороны, и государств Прибалтики (Литвы, Латвии, Эстонии) и Польши, с другой. Германия и Северные страны, относящиеся к числу экономически наиболее развитых стран, обладают высоким инновационным потенциалом и широко внедряют инновации в различные отрасли экономики. Они занимают высокие места в мире по показателям инновационности развития. Опыт Германии и Северных стран можно применить для повышения эффективности многих звеньев российской инновационной системы.

Прибалтийские страны, еще недавно входившие вместе с Российской Федерацией в состав Советского Союза, а также бывшая социалистическая Польша, имеют более близкие российским относительные показатели, характеризующие инновационный потенциал. Однако они намного активнее используют на практике как собственные, так и зарубежные инновации. Представляют интерес и те достижения, которые имеются в инновационном развитии у стран Прибалтики и Польши, модернизирующих свои инновационные системы на примере и с помощью более развитых стран ЕС.

Имеется и ряд общих факторов, обусловливающих актуальности интенсификации сотрудничества со всеми странами региона. Во-первых, создаваемые в России, в том числе на Северо-Западе, инновационные разработки нуждаются не только в национальном, но и в емких зарубежных рынках сбыта, к каковым относится и рынок зарубежных стран Балтийского региона. Во-вторых, некоторые

общие задачи инновационного развития могут быть решены совместными усилиями, в ходе реализации международных проектов с участием партнеров из российского Северо-Запада и других стран Балтийского региона.

Возможные формы сотрудничества многообразны – от двусторонних договоров до участия в совместных многосторонних проектах и программах. Среди них наиболее известны рамочная программа ЕС (в 2007–2013 гг. – Седьмая рамочная программа), программа Коперникус, проекты по приоритету Европейского территориального сотрудничества ЕТС, проекты инициативы «Северное измерение»¹.

Положительную роль играет, в частности, такая новая форма сотрудничества, как приглашение зарубежных ученых для работы в российских университетах и научно-исследовательских организациях («мегагранты»). Полагаем, что не менее важным способом стимулирования инновационной деятельности, на наш взгляд, явилось бы более активное финансирование совместных исследований российских и зарубежных научных центров.

Те из нынешних грантов РФФИ и РГНФ, которые предполагают участие зарубежных партнеров, слишком немногочисленны и малы по объемам финансирования (особенно по сравнению с программами ЕС), чтобы оказывать сколь-либо значительное воздействие на формирование международных проектов с ведущим российским участием. Более значимо то, что Россия софинансирует проекты программы приграничного сотрудничества, относящиеся к ЕТС/ЕИСП (ЕИСП – Европейский инструмент соседства и партнерства), а также к Седьмой рамочной программе (российские организации стали участниками около 300 проектов этой программы). Однако более эффективным для инновационного развития РФ было бы не соучастие в программах ЕС, а инициирование собственной крупной международной программы.

Такие программы способствуют формированию устойчивых сетей организаций, участвующих в международном сотрудничестве, что дает дополнительный эффект по сравнению с двусторонними договорами. Перспективными для развития сетевых взаимодействий в инновационной сфере являются также новые пространственные формы международного экономического сотрудничества – еврорегионы, «большие регионы»,

¹ Подробнее см.: [1, 2, 17].

Таблица 5

*Перспективные сферы сотрудничества России
с зарубежными странами Балтийского региона*

Перспективные сферы сотрудничества	Страны*								
	Г	П	Ш	Д	Ф	Н	Ли	Ла	Э
Биомедицина и медицинские технологии	+	+	+	+	+	+		+	+
Биотехнологии	+	+	+	+	+		+		
Фармацевтика	+	+		+				+	
Нанотехнологии	+		+	+	+	+			
Новые материалы (включая наноматериалы)	+		+		+		+		+
Микроэлектроника	+		+					+	
Лазерные технологии	+	+	+					+	
IT – технологии	+		+	+	+				
Внедрение зарубежных IT- технологий									+
Технологии новых и возобновляемых источников энергии	+		+		+	+			+
Ядерная энергетика	+	+	+						
Добыча и переработка нефти			+		+	+	+		
Энергосбережение, энергоэффективность	+		+	+	+	+			
Судостроение			+				+	+	
Авиастроение	+	+	+						
Автомобилестроение	+		+						
Космос	+	+							
Робототехника	+		+						
Технологии лесопромышленного комплекса			+		+				
Базовые промышленные технологии	+	+							+
Материаловедение	+	+							+
Создание биосовместимых материалов	+								+
Энергосберегающие материалы			+						+
Агротехнологии	+	+	+	+	+		+	+	
Технологии производства продуктов питания	+	+				+	+		+
Добыча, переработка морепродуктов, аквакультура									+
Подводные технологии								+	
Экологическое строительство	+				+				
Технологии поиска, разведки, разработки месторождений полезных ископаемых			+	+					
Морские технологии (судоходство, разведка нефти и газа на шельфе и др.)	+	+		+		+			
Арктические технологии (включая технологии судостроения для Арктики)	+				+	+	+		
Управление лесными ресурсами			+						+
Городское хозяйство (водоочистка, умные системы, «зеленые» технологии)	+			+					
Охрана природы, природопользование	+	+	+	+	+	+	+	+	+

* Г – Германия, П – Польша, Ш – Швеция, Д – Дания, Ф – Финляндия, Н – Норвегия, Ли – Литва, Ла – Латвия, Э – Эстония.

Источник: [17].

треугольники роста и др. К их числу относятся инновационные кластеры, получающие развитие в Балтийском регионе благодаря растущему сотрудничеству стран ЕС². Имеются предпосылки и для формирования

таких кластеров с российским участием на основе формирования трехполлярных систем Санкт-Петербург – Хельсинки – Таллин, а также Калининград – Трехградье (Гданьск, Гдыня, Сопот) – Клайпеда.

² Подробнее см.: [12].

Библиографический список

1. Баранова Ю.В. О международном сотрудничестве Северо-Запада России в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. – 2012. – № 4. – С.150–166.
2. Белова А.В. Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере // Балтийский регион. – 2012. – № 4. – С.137–149.
3. Волошенко К.Ю. Методические основы сравнительной оценки научно-технического потенциала России и ЕС: региональный и международный аспекты // Балтийский регион. – 2012. – № 4. – С. 22–38.
4. Воронов В.В. Оценка и факторы роста инновационной конкурентоспособности регионов Латвии // Балтийский регион. – 2012. – № 4. – С. 7–21.
5. Зверев Ю.М., Баторшина И.А., Мегем М.Е. Научно-технологическое развитие Литвы и перспективы сотрудничества в инновационной сфере между Литвой и Российской Федерацией // Балтийский регион. – 2011. – № 2. – С. 55–63.
6. Клемешев А.П. Сравнительная оценка инновационного потенциала стран Балтийского региона // Балтийский регион. – 2011. – № 2. – С. 48–54.
7. Клемешев А.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М. О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // Балтийский регион. – 2011. – № 3. – С. 88–97.
8. Кузнецова Т.Ю., Гапанович А.В. Международное научное сотрудничество в Балтийском регионе: научометрический анализ // Балтийский регион. – 2012. – № 4. – С. 82–96.
9. Лейцин В.Н., Дмитриева М.А. О перспективах взаимодействия российской и литовской инновационных структур // Балтийский регион. – 2011. – № 2. – С. 80–94.
10. Межевич Н.М., Прибышин Т.К. Инновационная экономика в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. – 2012. – № 3. – С.59–72.
11. Мекинен Х. Инновационный процесс в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. – 2012. – № 3. – С. 73–86.
12. Михайлов А.С. Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2013. – № 1. – С.53–66.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011.: Стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 990 с.
14. Россия и страны мира. 2012.: Стат. сб. – М.: Росстат, 2012. – 380 с.
15. Труд и занятость в России. 2011: Стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 637 с.
16. Федоров Г.М. Северо-Запад России: потенциал и направления российско-литовского сотрудничества в сфере науки и инноваций // Балтийский регион. – 2011. – № 2. – С.64–79.
17. Федоров Г.М. Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. – 2013. – № 1. – С.137–149.
18. Федоров Г.М., Волошенко Е.В., Михайлова А.А., Осмоловская Л.Г., Федоров Д.Г. ТERRITORIALНЫЕ различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. – 2012. – № 3. – С. 87–102.
19. Шведов Д.Е. Роль и место России в инновационной сфере мирового хозяйства. Электронный ресурс. URL: <http://geopub.narod.ru/student/shvecov/2/3.htm> (Дата обращения 19.10.2012).
20. Eurostat. Population on 1 January by age and sex. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_pjan&lang=en (Дата обращения 19.10.2012).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕВРОСОЮЗА

Zavolokina L.I.

STATE AND PROSPECTS OF THE FOREIGN ECONOMIC COOPERATION
BETWEEN RUSSIA AND THE EU

Аннотация. В данной статье рассматриваются состояние и перспективы внешнеторговых отношений Российской Федерации и Европейского союза, оценивается товарная структура российского экспорта и импорта, приводятся основные проблемы сотрудничества РФ и ЕС.

Abstract. In this article are considered the state and prospects of the foreign trade relations between the Russian Federation and the European Union, it is estimated commodity structure of Russian exports and imports, outlines the major issues of cooperation between the Russian Federation and the EU.

Ключевые слова: внешнеторговый оборот РФ и стран ЕС, сальдо торгового баланса РФ и ЕС, товарная структура экспорта и импорта РФ и ЕС.

Key words: the foreign trade turnover of the Russian Federation and the EU, exports and imports of the Russian Federation and of the EU, the commodity structure of exports and imports of the Russian Federation and the EU.

Развитие отношений Российской Федерации с Европейским союзом (ЕС), согласно утвержденной Президентом РФ «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2008), является одним из приоритетных направлений внешней политики и внешнеэкономической дипломатии России. Россия рассматривает Евросоюз как естественного стратегического партнера, с которым связывают экономическая взаимодополняемость, многовековой опыт торгово-экономических связей, единые социально-культурные корни, общие цивилизационные подходы и ценности, история и будущее.

Для ЕС Россия является важным внешнеторговым партнером. В настоящее время Россия является третьим по объему внешнеторгового оборота партнером для ЕС после США и Китая.

На протяжении 2000-х гг. товарооборот между Россией и ЕС рос очень высокими темпами. При этом начиная с 2003 г. российский экспорт увеличивался опережающими темпами, преимущественно благодаря повышению цен на энергоносители. Рост объемов российского импорта обусловлен увеличением поставок машин, транспортного оборудования и готовой продукции.

Сохраняется асимметричная торговая зависимость между Россией и ЕС. На долю ЕС приходится 44–46% российского импорта и 56–58% российского экспорта. В свою очередь, Россия обеспечивает 7% экспорта

стран ЕС и 10% их импорта. За последние годы важность России как поставщика и рынка сбыта для ЕС существенно выросла, однако ключевое значение для Евросоюза по-прежнему имеют лишь поставки российских энергоресурсов (65,7%): Россия обеспечивает более 40% импортируемого в ЕС природного газа и более 30% сырой нефти. Доля готовой продукции в экспорт по-прежнему крайне невелика – 14,2%, экспорт промышленных товаров состоит из довольно узкого перечня относительно простых изделий (трубы, прокат, удобрения), менее 1% экспорта приходится на машины и транспортное оборудование. Импорт в Россию из ЕС состоит преимущественно из машин и транспортного оборудования (48,6%) и иной готовой продукции (39,7%) [1]. Таким образом, ЕС является основным поставщиком оборудования для обновления основных фондов.

Внешнеэкономические связи России носят в настоящие времена выраженный евроцентрический характер. Однако во взаимоотношениях России и ЕС уже давно существует ряд проблем (энергетических, политических), которые до настоящего времени не удается разрешить, а в свете долгового финансового кризиса в Европе перспективы наших взаимоотношений вряд ли можно назвать оптимистичными.

Ключевым вопросом сотрудничества России и ЕС был и остается энергетический. Проблемы связаны как с падением

темпов добычи углеводородов в нашей стране, так и с реализацией ЕС энергетической стратегии, подразумевающей высокую степень координации действий участников группировки в развитии энергетического рынка и импорта энергии. Дело в том, что производственный потенциал ЕС функционирует на наименее объемной собственной энергетической базе, располагая всего 25% мировых запасов нефти и 4% газа, которые к тому же могут быть в основном выработаны в течение ближайших 20–25 лет. В результате при росте спроса на энергию к 2030 году на 15% и значительном сокращении местной добычи нефти, газа и угля зависимость ЕС от импорта энергии, по оценке Комиссии европейских сообществ и Международного энергетического агентства, вырастет до 70% против 50% в настоящее время [2]. Казалось бы, такой сценарий весьма благоприятен для наращивания российско-европейского сотрудничества в сфере энергетики. Однако внешняя энергетическая политика ЕС акцентирована не на взаимовыгодности торговли, а на диверсификации и взаимовыгодности поставщиков, особенно крупных, а также путей доставки топлива, при выборе которых нередко доминируют политические критерии. По имеющимся прогнозам, Евросоюз намеревается снизить долю в импорте трех основных поставщиков – России, Норвегии и Алжира – с 88% в 2005 г. до 65–70% в 2030 г. С этой целью активно ведутся энергodiалоги с ОПЕК, странами Каспия, Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока.

В то же время заметно изменилась линия ЕС в энергodiалоге с Россией, который был начат еще в последние годы прошлого века. Тогда ЕС выступил с инициативой налаживания широкомасштабного сотрудничества в сфере энергетики, целью которого являлось бы осуществление Россией поставок энергоносителей в единую Европу на стабильной основе в обмен на инвестиции, новые технологии иправленческий опыт. Эта инициатива теперь предана забвению и в плоскость практических договоренностей, видимо, так и не перейдет, хотя российские нефтегазовые компании по-прежнему заинтересованы в наиболее передовых зарубежных технологиях и финансовых кредитах под конкретные проекты. В Брюсселе, видимо, пришли к выводу, что зависимость

России от поставок в Европу нефти и газа столь велика, что они будут продолжаться вне зависимости от того, будет или не будет ЕС оказывать нашей стране содействие в развитии нефтегазового комплекса. Более того, ЕС счел возможным настоятельно требовать от России повышения внутренних энергетических тарифов и цен на газ, а затем фактически предъявил “газовый ультиматум”. Он, в частности, поставил вопросы о необходимости выравнивания внутренних и внешних тарифов на транзит газа, отмены и радикального снижения экспортных пошлин на газ, обеспечения свободы транзита газа через российские трубопроводные системы и возможности свободного строительства частных трубопроводов, а также ликвидации монополии “Газпрома” на экспорт газа. Столь жесткая позиция ЕС вынудила включиться в диалог высшее российское руководство. И только его вмешательство заставило ЕС снять свои требования. Вполне очевидно, что радикальное и единовременное повышение цен, которого требовал ЕС, могло бы привести к коллапсу отечественной экономики. Ныне отдельные страны ЕС требуют от России ратификации Энергетической хартии и Транзитного протокола к ней, хотя очевидно, что документы эти явно устарели и могли бы дать ЕС односторонние преимущества. Их положения применялись бы исключительно к транзиту энергии из Средней Азии через Россию, но не к транзиту российских нефти и газа через территорию стран ЕС.

Несомненным прорывом на энергетическом фронте явилось строительство Североевропейского газопровода («Северный поток») для транспортировки российского газа к побережью Германии. Две нитки газопровода «Северный поток» проходят по дну Балтийского моря из Выборга в России до Грайфсвальда в Германии. Маршрут газопровода «Северный поток» проходит через исключительные экономические зоны России, Финляндии, Швеции, Дании и Германии, а также через территориальные воды России, Дании и Германии. Строительство первой нитки было завершено в июне 2011 г., а транспортировка газа по ней началась в середине ноября 2011 г. Укладка второй нитки газопровода завершилась в апреле 2012 г., и транспортировка газа по ней осуществляется с октября 2012 г. Пропускная

способность одной нитки составляет примерно 27,5 млрд. м³ в год. Еще в 2001 г. Евросоюз присвоил трубопроводу Nord Stream статус «проекта общеевропейского интереса». Ключевым партнером России в проекте являлась Германия.

Жесткое противодействие со стороны Польши, Латвии, Литвы и Эстонии вынудило проложить трассу трубопровода без захода в их экономические зоны. Дания стала первой страной, давшей «зеленый свет» данному газопроводному проекту. Финляндия еще в 2009 года дала положительное заключение по оценке воздействия проекта на окружающую среду (ОВОС). Польша, Литва, Латвия и Эстония негативно оценили воздействие проекта на окружающую среду Балтийского моря. Позиция этих стран носит преимущественно политический характер. В её основе лежат сложные отношения с Россией и восприятие деятельности «Газпрома» как угрозы энергетической безопасности ЕС. Эти страны пытаются отрицать очевидную заинтересованность ЕС в реализации проекта. За этой риторикой просматриваются и экономические мотивы. Названные страны стремились сорвать строительство Nord Stream, чтобы вернуться к проекту сухопутного трубопровода Amber, который мог бы пройти по их территориям. Это позволило бы получить существенные geopolитические (укрепление своего статуса как стран-транзитеров) и экономические (плата за аренду земли и транзит) бонусы. Позиция перечисленных государств предельно жестка, именно поэтому трасса трубопровода проложена без захода в их экономические зоны.

Обострению взаимоотношений РФ с Евросоюзом способствует также строительство «Южного потока». В этом проекте помимо России участвуют Италия, Франция, Германия. Газопровод пройдет по дну Черного моря из порта Джубга и болгарский порт Варну. Далее его ветви пройдут через Балканский полуостров в Италию и Австрию. Строительство газопровода началось в декабре 2012 г. и по плану должно закончиться в 2015 г. Цель проекта – диверсификация поставок российского газа в Европу и снижение зависимости поставщиков и покупателей от стран-транзитеров, в частности Украины и Турции. «Южный поток» считается конкурентным проектом планируемого газопро-

вода «Набукко», который должен пройти прямо в Европу южнее России и который поддерживается Евросоюзом и США.

Динамика и характер развития торговли и других форм российско-европейских отношений будут также зависеть и от решения других вопросов экономических взаимоотношений России и ЕС. В частности, Евросоюз до сих пор не определился с началом переговоров по новому соглашению о сотрудничестве с нашей страной. Отдельные отечественные специалисты убеждены в том, что такой новый юридически полноценный договор с единой Европой, несомненно, нужен России [3]. Дело в том, что действующее пока Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанное еще в 1994 г., в значительной мере устарело и уже не отвечает современным реалиям. Данное Соглашение было призвано оформить нормы и правила регулирования российско-европейских торгово-экономических отношений на период до вступления нашей страны в ВТО. СПС подразумевало отставание России от ЕС в уровне развития и признавало необходимость совместных усилий для его преодоления. При подготовке соглашения наша страна была вынуждена пойти на включение в его ряда ограничительных статей, касающихся в частности поставок из России на европейские рынки черных металлов и ядерного топлива, деятельности российских предприятий на рынке космических запусков. Слабой стороной соглашения является отсутствие в нем четкой процедуры разрешения споров. Переговоры о новом соглашении взамен действующего блокирует Польша, объявившая причиной своего «вето» на их начало введенный Россией по санитарным причинам запрет на импорт из этой страны сельскохозяйственной продукции. И хотя этот запрет уже отменен, Польша не спешит снять возражения против вступления ЕС в переговорный процесс.

Лидеры Евросоюза, согласившиеся на замену СПС новым соглашением, оказались не в состоянии согласовать мандат на ведение переговоров. По имеющимся сведениям, в проект мандата предполагается включить требования к российской стороне об открытии доступа европейскому капиталу к месторождениям энергоресурсов и их транспортировке, либерализации рынков сельскохозяйственной продукции, банков-

ских и страховых услуг. Российские эксперты полагают, что взамен СПС следовало бы подготовить и подписать двухуровневое соглашение, состоящее из краткой рамочной части, в которой оговаривались бы основные цели и принципы сотрудничества, и специальных секторальных соглашений, заключаемых по мере готовности сторон к их реализации. В настоящее время эксперты считают, что возможное присоединение России к ВТО заметно снижает актуальность заключения нового развернутого соглашения с ЕС: правовые документы ВТО представляют собой многосторонний международный договор о принципах и правилах регулирования торговли товарами и услугами. Сомнительно, что в новом соглашении с Россией, если его удастся разработать, Евросоюз пойдет дальше тех обязательств по открытию своих рынков, которые взяты им в рамках ВТО. Поэтому у России нет необходимости настаивать на новом масштабном соглашении с ЕС. В тех сферах, которые документы ВТО специально не регулируют, например, в научно-техническом сотрудничестве, наша страна в случае заинтересованности могла бы предложить ЕС оформлять достигаемые договоренности специальными соглашениями отраслевого характера.

Нельзя не заметить, что ЕС не склонен рассматривать нашу страну как равноправного партнера и считает вполне допустимым осуществлять в отношении нее определенный диктат. Это со всей очевидностью проявилось, например, в ходе переговоров об условиях присоединения России к ВТО, на которых позиция ЕС оказалась наиболее жесткой среди всех стран, участвовавших в выработке договоренностей. У ЕС есть претензии по объему и периоду льгот, которые предоставляются инвесторам, работающим в режиме промышленной сборки. По словам чиновников из ЕС, они не соответствуют требованиям ВТО.

Режим промсборки предусматривает льготные пошлины на ввоз комплектующих для сборки автомобилей компаниями, подписавшими соглашения с Минэкономразвития. Взамен они обязались создать в России сборочные заводы мощностью не менее 25 тыс. автомобилей в год и в течение нескольких лет сократить список импортируемых автокомпонентов на 30% за счет их локализации

в России. В начале 2012 г. правительство утвердило изменения в правила промсборки, предложив продлить действие соглашений до 2020 г. Для этого компании, подписавшие дополнительные соглашения, должны были построить новые или реконструировать имеющиеся мощности объемом не менее 300 тыс. автомобилей в год, создать в России производство двигателей или коробок передач, а также организовать конструкторские бюро. Предварительные соглашения по новым правилам подписали альянс «АвтоВАЗ» с Renault и Nissan, альянс Ford и «Соллерса», а также Volkswagen, General Motors, Fiat и Magna. В настоящее время Россия ведет переговоры с ЕС по этому вопросу.

Практика показывает также, что ЕС неохотно идет на открытие своих рынков для российских производителей, опасаясь конкуренции с их стороны. После принятия ЕС решения о предоставлении России статуса страны с рыночной экономикой в регламенты Евросоюза, относящиеся к подобным странам, перенесены положения, которые закреплены в регламентах, касающихся нерыночных экономик. В частности, устанавливается, что при проведении антидемпинговых расследований могут использоваться «суррогатные» цены (цены третьих стран) и мировые цены, если подразумевается, что отечественная цена товара искусственно занижена, обмен товаром в стране в значительной части осуществляется по бартеру или в процессе его переработки имеет место некоммерческие расчеты. Хотя в этих нововведениях в регламенты Россия прямо не упоминается, адресат их очевиден. В связи с регулированием цен на товары и услуги естественных монополий в нашей стране под дискриминационные положения регламентов могут попадать фактически все российские предприятия-экспортеры.

Ухудшение отношений между Россией и ЕС отмечают и российские и европейские политики. В Брюсселе констатируют, что недоверие и непонимание сторон стало таким глубоким, каким оно было в годы «холодной войны». Новый и не до конца определившийся расклад сил в ЕС после его расширения на восток создает определенные трудности на пути сотрудничества с ним России: не исключено расслоение ЕС на две группы – условно проевропейскую и проамериканскую, что осложнит выработку его общей позиции

в отношении нашей страны. Россия, со своей стороны, судя по заявлению МИД РФ, теперь рассматривает ЕС как регион, который в иерархии ее внешнеполитических приоритетов идет после СНГ и Китая, хотя до недавнего времени он обозначался в качестве второго по значимости.

Следует отметить и другие факторы, осложняющие перспективы экономического сотрудничества между Россией и ЕС. Среди препятствий в России необходимо выделить коррупцию, уровень которой неуклонно растет и которая уже трансформировалась в системообразующий элемент. Второй недостаток – это неэффективная судебная система, являющаяся сегодня не средством защиты прав и законных интересов, а оружием в корпоративных войнах. В такой ситуации даже хорошие законы – неэффективны, поскольку не могут качественно исполняться и обеспечиваться судебной защитой. Третий фактор – это характер вмешательства государства в экономику и в том числе практика неоправданных преимуществ отдельным компаниям.

Для России на протяжении всего постсоветского периода Европейский союз всегда оставался торговыми-экономическим партнером номер один; предполагается, что эту роль он сохранит. России необходимо дальнейшее расширение торговли с ЕС, поскольку это способствует поддержанию сложившейся базы для последующего развития

всего комплекса внешнеэкономических связей Российской Федерации. В свою очередь, эти интересы разделяет и Европейский союз. Очевидно, что основными позициями в российском экспорте будут оставаться еще длительное время топливно-сырьевые товары. В то же время необходимо ослабить зависимость российской экономики от экспорта топливно-сырьевых ресурсов. Для этого в России необходима реализация проектов, связанных с инновациями в науке, технической и технологической модернизацией производства.

В обозримой перспективе торгово-экономические отношения с объединенной Европой сохранят важное значение для нашей страны, однако нынешний евроцентризм внешнеэкономических связей России будет постепенно уменьшаться. Это станет следствием укрепления экспортной базы российского восточносибирского региона и создания дополнительных транспортных мощностей на Дальнем Востоке, что будет благоприятствовать опережающему расширению экономического сотрудничества со странами азиатско-тихоокеанского региона, в первую очередь с Китаем, который приобретает все больший вес в международной торговле. На снижение евроцентризма будет также работать перевод на чисто коммерческие принципы сотрудничества России со странами СНГ, в первую очередь Белоруссией и Украиной.

Библиографический список

1. <http://www.gks.ru>.
2. Каныгин П. Энергетическая безопасность Европы и интересы России // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 12.
3. Лихачев А. Экономическая дипломатия России. Новые вызовы и возможности в условиях глобализации. – М., 2006.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Могилевцев Д.А. (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ ПОРТОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКИХ ПРОВИНЦИЙ КНР

Mogilevtsev D.A.

FORMATION OF THE PORT AND INDUSTRIAL CLUSTERS
IN THE COASTAL PROVINCES OF CHINA

Аннотация. В статье рассматриваются, в т.ч. в исторической ретроспективе, предпосылки формирования кластерного типа организации производства в пределах приморских провинций КНР. Выделяются причины ориентированности экономических субъектов на тесные взаимоотношения с морскими портами. Проводится анализ ряда показателей экономической активности крупнейших агломераций Восточного Китая, на основе которого выделяется 6 портово-промышленных кластеров.

Abstract. The article is focused on historical and economic background of cluster forming process in China's seaside provinces. Existing reasons for companies to benefit from a close relationship with seaports are shown. As the result of statistical data analysis a concept of "industrial seaport clusters" is introduced. As a conclusion six industrial seaport clusters are outlined.

Ключевые слова: портово-промышленный кластер, приморские территории, Китай, морские порты, территориальная организация производства, факторы кластеризации.

Key words: Industrial seaport clusters, coastal areas, China, seaports, industrial landscape, clusterisation process.

Введение. Феномен ускоренного развития Китая после перехода страны к «политике открытости» в 1978 г. до сих пор остается предметом изучения множества отечественных и зарубежных специалистов. Большая часть из них отмечает высокую роль создания СЭЗ, привлечения иностранных инвестиций, внедрения рыночных механизмов функционирования предприятий в ходе модернизации хозяйства страны. Кроме того, целый ряд исследователей – Бараболина А.И. [1], Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. [3], Cheryl Long, Xiaobo Zhang [9], Douglas Zhihua Zeng [10], Zhiming Zhang [14] и др. – говорят о появлении кластерной формы организации производства в качестве важного элемента хозяйственной системы современного Китая. Промышленные кластеры способствуют повышению конкурентоспособности экономики региона, распространению и внедрению новых средств и методов производства, усилинию как внутренних, так и внешних связей между экономическими субъектами, стимулируют рост промышленного производства.

Вместе с тем лишь немногие работы затрагивают факторы, способствовавшие и обусловившие развитие промышленных кластеров в КНР, к которым относится и уровень развития транспортной инфраструктуры территории. Морские порты Китая на протяжении многих лет входят в число крупнейших морских портов мира, а объемы их совокупного контейнерного грузооборота почти в 2,5 раза превышают аналогичные показатели портов ЕС и США вместе взятых.

В ходе анализа исторических и современных хозяйственных связей внутри крупнейших агломераций приморских провинций Китая, а также их места в хозяйственной системе страны была предложена рамочная концепция «портово-промышленных кластеров», согласно которой на территории приморских провинций страны выделено 6 подобных кластеров.

Эволюция хозяйства приморских провинций Китая до перехода к «политике открытости». Процесс формирования портово-промышленных кластеров Китая

неразрывно связан с трансформацией территориальной и хозяйственной структуры промышленности страны на протяжении нескольких веков.

До 1840-х гг. на территории Китая существовал ряд обособленный промышленных центров, расположенных преимущественно вдоль морского побережья (гг. Шанхай, Сучжоу, Нанкин, Гуанчжоу, Фошань, Нинбо, Пекин и др.), с преобладанием традиционных отраслей хозяйства (легкая и лесная промышленность, начальные стадии металлургического производства, бумажное производство) и методов производства. Именно эти города были первыми промышленными центрами Китая, на базе которых в дальнейшем происходило формирование современной хозяйственной базы страны.

В период с 1840-х до образования КНР страна испытывала сильное влияние со стороны иностранных государств, с одной стороны, модернизировавших производственную базу, с другой – улучшивших товарно-транспортные связи как внутри страны, так и с внешним миром. В результате на смену дисперсно размещенного доиндустриального хозяйства пришли фабричные ареалы, расположенные в пределах приморских территорий – привнесенные иностранцами технологии и методы управления, изначально получившие распространение в пределах обособленных «открытых» территорий, существенно повлияли на расположенные вблизи них местные предприятия, ускорив их модернизацию.

В результате, к середине 1940-х гг. в стране уже сложился некий промышленный «каркас», основные узлы которого располагались вблизи морских портов страны, которые стали крупнейшими торговыми-промышленными центрами дореволюционного Китая. Однако на момент образования КНР это же и являлось одной из основных проблем пространственного развития страны – существенное отставание Центрального и Западного Китая от приморских территорий, объем валовой промышленной продукции которых составлял более 70% ВВП Китая [4].

После образования КНР и вплоть до перехода к «политике открытости» в конце 1970-х гг. хозяйство страны развивалось в рамках государственного плана, направленного на усиление промышленного потенциала внутренних регионов страны и создание самообеспечиваю-

щихся «районов кооперирования», главным принципом которых являлось построение семи самодостаточных многоотраслевых промышленных комплексов, охватывающих всю территорию страны.

Однако создание в каждом из районов набора базовых отраслей промышленности требовало существенных ресурсов и приводило к деконцентрации промышленности и нарушению сложившихся производственных связей. Передислокация наиболее стратегически важных предприятий из приморских провинций во внутренние районы КНР, безусловно, способствовало формированию промышленной базы внутренних территорий, однако одновременно и усугубляло общекономическую ситуацию в стране, прежде всего, в части изоляции от мирохозяйственной системы.

Таким образом, приморские провинции Китая в процессе развития прошли путь от обособленных центров традиционной промышленности до производственных комплексов в условиях плановой экономической модели. Вместе с тем, несмотря на рост количественных показателей, качественный уровень промышленности даже наиболее передовых центров Китая начал все больше отставать от уровня развитых стран.

К концу 1970-х гг. вся хозяйственная система страны в целом начала испытывать всевозрастающее давление со стороны современного мирового хозяйства: Китай крайне незначительно был вовлечен в процесс международного разделения труда, а выпускаемая продукция не была достаточно конкурентоспособной на международных рынках.

На политическом уровне (в рамках Третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва, 1978 г.) был поднят вопрос о дальнейшем развитии хозяйства страны. Продолжение курса на создание «районов кооперирования» и выстраивание системы национального хозяйства, обособленного от внешнеэкономической среды, было признано несостоятельным в условиях необходимости «догоняющего» развития. Вместо этого было предложено постепенное внедрение механизмов рыночной экономики, что одновременно означало и выстраивание новой системы экономической и территориальной организации производства. К числу таковых можно отнести и формирование промышленных кластеров.

Предпосылки формирования кластерного типа организации производства в пределах приморских провинций Китая. Теоретические основы кластерного типа организации производства лежат в области реализации хозяйствующими субъектами конкурентных преимуществ, описанных в своих работах М. Портером. Последний определял кластер как «сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу» [13].

Несмотря на расплывчатость формулировок и, связанное с этим появление множества интерпретаций термина [7], к отличительным чертам кластерной формы организации производства прежде всего относят [2, 5]:

- формирование кластеров на основе существующей производственной базы и хозяйственных связей;
- акцент на развитии наиболее конкурентоспособных в текущих экономико-географических условиях предприятий и отраслей промышленности;
- ориентация на удовлетворение реального рыночного спроса на товары;
- в результате, общее повышение благосостояния территории за счет повышения конкурентоспособности отдельных регионов (кластеров);

Следует подчеркнуть, что представлений о «кластерной политике» в конце 1970-х гг. не существовало. Несмотря на это, план экономических реформ, разработанный и утвержденный на последовавших после провозглашения перехода к «политике открытости» съездах КПК [8], во многом совпадал со сформулированными позже особенностями процесса кластеризации:

- базой для проведения экономических реформ становятся, прежде всего, приморские провинции страны, обладавшие на тот момент наиболее мощным экономическим потенциалом, давними экономическими связями с внешним миром, выгодным ЭГП и, кроме того, наличием «преимуществ отсталости», таких как дешевая рабо-

чая сила и низкая арендная стоимость земли;

- переход к «социалистической рыночной системе с китайской спецификой» означал признание необходимости учета законов рыночного ценообразования и соотношения спроса и предложения, что создавало условия для появления конкуренции как одного из способов повышения экономической эффективности и модернизации предприятий;
- основными критериями оценки успешности реформ были провозглашены развитие производительных сил (изменение структуры хозяйства в пользу товаров с более высоким уровнем добавленной стоимости, увеличение эффективности труда), усиление экономической мощи страны (увеличение объемов и темпов роста ВВП) и повышение уровня жизни населения (уровня благосостояния населения).

Таким образом, декларируемые руководством КНР принципы дальнейшего развития страны в своих общих положениях соответствовали современным тенденциям пространственного развития мировой экономики, что спустя некоторое время привело к концентрации определенной «критической массы» факторов [2], способствовавших рождению основ кластерной организации хозяйства страны в 1980–1990 гг. Среди этих принципов следует упомянуть:

усиление конкуренции за счет перехода к рыночным механизмам хозяйствования (объем промышленного производства с 1978 по 1995 гг. увеличился более чем в 20 раз, а доля частных компаний увеличилась с менее чем 0,1% до 13% [12]);

- повышение эффективности функционирования предприятий (рост добавленной стоимости продукции Восточного Китая к середине 1990-х гг. составлял 24%, тогда как внутренних провинций – всего 13%);
- освоение новых технологий, затрагивающих всю цепочку добавленной стоимости (количество заявок на получение патента выросло с 14 до 83 тыс. за 1985–1995 гг.);
- развитие международного экономического сотрудничества (объем внешней

торговли увеличился с 20 млрд. долл. (1978 г.) до 280 млрд. долл. (1995 г.);

- привлечение инвестиций, в т.ч. иностранных (объем использования ПИИ увеличился с менее чем 1 млрд. долл. в 1983 г. до более чем 37 млрд. долл. в 1995 г., 85% которых пришлось на приморские провинции КНР);
- наличие исследовательского центра или университета, обеспечивающего научную базу;
- наличие крупного предприятия (предприятий), способного к реализации масштабных инновационных проектов;
- наличие центростремительных сил, т.е. стремления к вхождению в состав кластера;
- наличие внутреннего и внешнего спроса на продукцию кластера;

Таким образом, к середине 1990-х гг. сложились базовые условия для формирования производственных кластеров в приморских провинциях страны.

Портово-промышленные кластеры КНР. Постепенное увеличение числа благоприятных факторов стало поводом для «прекративной кластеризации» – формирования кластеров в результате реакции региональной экономической системы на изменение условий хозяйствования и создания предпосылок для ее развития [6].

Фактически в Китае существовало два механизма появления промышленных кластеров [10].

Под воздействием рыночных сил в пределах определенной территории начинает формироваться группа тесно взаимодействующих предприятий, на базе которых в дальнейшем государством создается индустриальный парк или специальная промышленная зона.

Кластеры возникают по мере развития отношений между компаниями, зарегистрированными в рамках специальных экономических зон (СЭЗ), ставших «инкубаторами» для развития современного промышленного производства.

Большая часть промышленных кластеров формировалась именно по первому сценарию, т.е. «стихийно», в результате появления рыночных условий хозяйствования и предпринимательской инициативы. Не обладая передовыми технологиями и широкими инве-

стиционными возможностями (на начальных этапах это были в основном инвестиции от хуацяо), кластеры сосредоточились на производстве трудозатратой продукции массового потребления, которая могла быть конкурентоспособной на международном рынке.

Одним из неотъемлемых факторов конкурентоспособности выпускаемой кластерами продукции, согласно М. Портеру, – географическое положение (в т.ч. транспортная доступность) территории [13], доступ ее на международные рынки. Несмотря на справедливость данного фактора по отношению к любым кластерам, значение транспортной составляющей в обеспечении конкурентоспособности произведенных в Китае товаров особенно велико – всевозрастающие объемы физического производства и товарооборота между компаниями требуют постоянного геометрического увеличения возможностей основных видов транспорта. Так объем транспортной работы в КНР в 1985 г. составлял 3346 млрд. ткм, тогда как в 2010 г. объем увеличился до 14184 млрд. ткм (для сравнения, аналогичный объем внутри ЕС-27 в 2009 г. составил 3632 млрд. ткм, США – 6694 млрд. ткм по итогам 2007 г.) [12].

Однако наиболее важным, с точки зрения обеспечения конкурентоспособности китайских товаров на мировом рынке, видом транспорта остается морское сообщение. Как следствие, близость внешнеэкономического агента к одному из крупнейших морских грузовых портов Китая стала на современном этапе развития хозяйства важным фактором размещения производительных сил. Согласно мнению ряда китайских предпринимателей, наиболее эффективно располагать производства не далее 200 км от крупного морского порта. Это позволяет снизить транспортные издержки (условия поставки большинства компаний – франко-борт, т.е. доставка в порт осуществляется за счет грузоотправителя), а также осуществлять товарообмен между компанией и портом в течение одного светового дня. С точки зрения кластерного типа организации производства это означало появление, наряду с центростремительными силами, сил тяготения кластеров к околопортовым территориям. Именно это легло в основу понятия «портово-промышленный кластер».

Портово-промышленный кластер рассматривается как форма промышленной

организации компаний, институтов и транспортной инфраструктуры (в первую очередь, в виде ближайших морских портов страны), которые расположены в пределах определенной территории, функционально связаны между собой и способны поддерживать, путем конкуренции и кооперации, конкурентоспособность входящих в ее состав элементов. Портово-промышленный кластер является надсистемным понятием по отношению к классическим промышленным кластерам (процессным, дискретным, инновационным и т.д.), так как включает в себя и часть портово-транспортной инфраструктуры страны.

Несмотря на созвучность понятий «портово-промышленный кластер» и «портово-промышленный комплекс», первое определение в большей степени отражает современные тенденции в области территориальной организации хозяйства, так как включает в себя влияние современных рыночных принципов координации хозяйственной деятельности, к которым относится и процесс кластеризации. Кроме того, портово-промышленный кластер в меньшей степени является территориальным определением и в большей степени определяет характер хозяйственных связей между элементами, что, в свою очередь, более актуально в условиях глобализации и формирования единой мирохозяйственной системы.

Количественные показатели, которые могут быть использованы в процессе изучения кластеров, ограничены в силу ряда причин и, прежде всего, это невозможность адекватной оценки взаимодействия элементов кластера с помощью имеющихся статистических данных. Несмотря на это, можно выделить ряд косвенных показателей, которые могут свидетельствовать о наличии промышленного кластера в пределах исследуемой территории. Так в ходе анализа портово-промышленных кластеров КНР были использованы следующие количественные показатели:

- отношение среднедушевого ВРП экономического центра к среднедушевому показателю ВРП провинции, в которой он расположен – отражает относительный уровень экономического развития центра по отношению к другим городам провинции;
- отношение объемов внешней торговли центра к объему его ВРП – показывает степень вовлеченности центра

своей хозяйственной деятельностью в процесс международной торговли;

- среднее расстояние от экономического центра до всех других центров в масштабах рассматриваемой территории – является показателем концентрации экономической деятельности;
- расстояние от экономического центра до ближайшего крупного морского торгового порта в масштабах рассматриваемой территории – косвенно отражает наличие и силу хозяйственных связей между промышленным центром и морским портом.

Исходя из данных принципов были проведены расчеты показателя т.н. «экономической (в т.ч. внешнеэкономической) активности» городов приморских провинций Китая согласно следующей формуле:

$$\alpha_i = \frac{(X_i \text{ нормир.} + Y_i \text{ нормир.})}{(Z_i \text{ нормир.} + W_i \text{ нормир.})}$$

где α_i – уровень экономической активности центра i ;

X_i нормир. – нормированное значение отношения среднедушевого ВРП центра i к среднедушевому показателю провинции, к которой относится центр i ;

Y_i нормир. – нормированное значение отношения стоимости внешней торговли центра i к его ВРП;

Z_i нормир. – нормированное значение среднего расстояния от центра i до каждого из других центров в масштабах рассматриваемой территории;

W_i нормир. – нормированное значение среднего расстояния от центра i до ближайшего крупного морского торгового порта;

Показатели X_i и Z_i можно считать в достаточной степени универсальными для любого типа кластеров, так как касаются их основополагающих свойств – географической концентрации и относительно более высокого уровня развития хозяйства. Показатели Y_i и W_i следует считать специфическими для выделения ориентированных на внешнюю торговлю кластеров, к числу которых относятся портово-промышленные кластеры Китая. Данные показатели возможно менять в зависимости от целей исследования и характера выделяемого кластера. Например, для выделение кожевенно-обувных кластеров, ориентированных на внутреннее потребление, могут быть использованы нормированные

показатели доли центров в общестрановом объеме производства кожевенно-обувной продукции и нормированное значение расстояния до основного рынка сбыта или же консолидации продукции.

Ранжирование полученного коэффициента позволяет выделить центры кластеров первого и второго уровня и, в результате этого, обозначить географические рамки портово-промышленных кластеров. Так для территории дельты р. Янцзы центрами ППК первого уровня стали 9 городов с преимущественно высокой долей внешней торговли в ВРП (за счет большого сектора нематериального производства данное соотношение для Шанхай не столь велико). Центрами второго уровня можно считать в большей степени ориентированные на экспорт города Чжоушань и Нанькин, а также гг. Хучжоу, Наньдун и Чжэнъцзян.

Несмотря на очевидные сложности при выделении четких границ кластера, отнесение того или иного экономического центра к кластеру имеет под собой логическое обоснование. На примере другого ППК в провинции Шаньдун можно утверждать, что г. Цзаочжуан не вошел в состав кластера по причине незначительного участия во внешнеторговой деятельности, а г. Линьи – в связи с небольшими объемами экономической деятельности в целом. Вместе с тем, небольшой г. Цыси входит в состав ППК дельты р. Янцзы не столько по абсолютным показателям экономической деятельности (объем его ВРП почти в 7 раз меньше г. Нинбо), сколько по причине высокого уровня развития ориентированных на экспорт отраслей промышленности – на долю высокотехнологичного сектора приходится более 1/3 объема регионального продукта.

В общей сложности на территории КНР, используя данную методику, было выделено 6 портово-промышленных кластеров: Ляонинский, Столичный, Шаньдунский, кластер дельты р. Янцзы, Фуцзяньский и кластер дельты р. Чжуцзян.

Кроме высокой степени локализации предприятий для ППК Китая характерны и другие признаки кластерной формы организации производства. Так опрос 7 компаний-производителей обрабатывающей промышленности, расположенных в разных провинциях Китая и в 4 разных ППК, показал, что каждая из них:

- имеет в среднем более 3 альтернативных поставщиков по каждому из ключевых видов сырья;
- выбирает из более чем 25 альтернативных компаний, предоставляющих транспортные и таможенные услуги;
- ведет внешнеэкономическую деятельность более чем с 12 странами.

При этом все опрошенные компании, каждая из которых ведет хозяйственную деятельность более 10 лет, имеют не менее 6 предприятий-конкурентов в рамках территории базирования.

Выводы. В течение последних 30 лет на территории приморских провинций КНР активно формировались новые экономические центры страны. Благодаря выгодному ЭГП и наличию относительно дешевых факторов производства резко увеличивались как объемы выпускаемой продукции, так и объемы их экспорта на мировой рынок. В результате между экономическими центрами и морскими портами сложился взаимодополняющий характер хозяйственных отношений, только усиливший эффект от увеличения объемов ВРП.

Предложенный подход к изучению хозяйства КНР с точки зрения формирования портово-промышленных кластеров позволяет выделить каркас «новой», ориентированной на внешние рынки экономики страны.

В рамках агломераций, выходящих в состав одного из 6 выделенных ППК, формируется от 70 до 80% ВРП своих провинций и около 90% их внешнеторгового оборота. Учитывая, в свою очередь, долю приморских провинций в экономике страны, можно утверждать, что на ППК приходится около 45% всего ВВП Китая и 80% всей внешней торговли страны. Это является показателем крайне высокой степени концентрации хозяйственной деятельности и, вместе с тем, зависимости экономики КНР от деятельности центров портово-промышленных кластеров.

Входящие в портово-промышленные кластеры агломерации включают в себя большое количество дискретных кластеров, специализирующихся на производстве отдельных категорий товаров, являющихся основой внешнеторгового оборота Китая. При этом близость к крупнейшим морским торговым портам страны является одним из факторов конкурентоспособности данной продукции,

так как снижает транспортные издержки для участников ВЭД.

Процесс формирования ППК на территории Китая продолжается, и их границы могут изменяться по мере развития экономических центров, увеличения транспортной доступности территории или формирования новых крупных морских торговых портов. Характер конкуренции между компаниями внутри китайских кластеров, заключающейся, в большом количестве случаев, в стремлении к максимальному снижению стоимости готовой продукции путем сокращения производственных издержек и сокращения

норм прибыли, может негативно сказаться на их дальнейшем развитии.

По этой причине руководство страны уже в 12-м пятилетнем плане (2011–2015 гг.) обозначило необходимость трансформации индустриальных кластеров приморских провинций и превращения их в центры инновационного развития территории. В связи с этим вопрос изучения дальнейшей динамики развития портово-промышленных кластеров Китая, являющихся на сегодняшний день основой ориентированной на экспорт экономической модели страны, приобретает еще большую актуальность.

Библиографический список

1. Бараболина А.И. Формирование автомобильного кластера в Китае // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 4(24).
2. Галимов Д.А., Клюковкин В.Н. Кластеры: проблемы теории и практики. – Бийск: БТИ Алт ГТУ, 2010. – 27 с.
3. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 5.
4. Молодцова Л.И. Особенности формирования промышленной системы КНР, 1949–1985. – М.: Наука, 1988. – 278 с.
5. Пилипенко И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы. – М.–Смоленск, 2005
6. Прокура Д.В., Рогова Е.М., Ткаченко Е.А. Теоретические аспекты формирования региональной кластерной политики (на примере Санкт-Петербурга) // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 4.
7. Фатеев В.С. Кластеры, кластерный подход и его использование как инструмента регулирования развития национальной и региональной экономики // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2012. – № 2 (131).
8. Чжоу Синьчэн. Экономическая реформа в Китае: достижения и задачи // Проблемы теории и практики управления. – 1997. – № 2.
9. Cheryl Long, Xiaobo Zhang Cluster-Based Industrialization in China: Financing and Performance // IFPRI Discussion Paper 00937, Nov. 2009.
10. Douglas Zhihua Zeng How do Special Economic Zones and Industrial Clusters Drive China's Rapid Development? // World Bank Policy Research Working Paper No. 5583 Washington 01.03.11.
11. Xiangdong Chen, Li-li Cao SME clusters in China: One way to build up innovation capabilities // ESCAP Tech Monitor Jul-Aug 2006 pp. 38–43.
12. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 1996, 2011. Mode for access: <http://www.stats.gov.cn/english/>
13. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations. – New York: Free Press, 1990. – 855 p.
14. Zhiming Zhang, Chester To, Ning Cao How do Industry clusters Success: A Case Study in China's Textiles and Apparel Industries // Journal of Textile and Apparel, Technology and Management, Vol. 4, Issue 2, Fall 2004, North Carolina.

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МИГРАЦИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Petrakov A.G.

ETHNIC SPECIFIC MIGRATION IN KAZAKHSTAN

Аннотация. В статье анализируется структура и направления основных миграционных движений населения в пределах территории современного Казахстана.

Abstract. The article analyzes the structure and direction of the main migratory population movements within the territory of modern Kazakhstan.

Ключевые слова: Казахстан, миграции, этническая специфика.

Key words: Kazakhstan, migration, ethnic specificity.

Введение. Казахстан на протяжении длительного времени является активным участником миграционных движений: депортации народов, плановая переселенческая политика Советского государства, высокая миграционная активность населения 1990-е гг. постепенно сменились ростом миграционной активности населения внутри страны. В результате в регионе сложилась особая структура расселения, сформировались районы компактного проживания наиболее многочисленных этносов. Длительный по времени процесс миграции населения, сопровождаемый привнесением новых традиционных культур хозяйства, способствовал формированию особой социально-культурной среды внутри ареалов, а в отдельных случаях – трансформации структуры землепользования в пределах ареалов компактного расселения. Учет последствий миграции населения позволит правильно скорректировать векторы развития территории и применить опыт работы для решения вопросов расселения в регионе.

Социально-экономические и политические мотивы послужили началом к активному освоению территории Казахстана в конце XIX в., результатом чего явилось изменение этнической структуры населения и формирование ареалов компактного проживания отдельных этносов в связи с подчиненностью процесса расселения системе социальных связей. Упорядочение процессов этнической, внутренней и внешней миграции на сегодня является одной из важнейших стратегических задач любого государства. Решение проблемы может иметь вполне практическое применение: анализ и структурирование накопленного материала по теме позволит подчинить процесс пере-

мещения населения интересам социально-экономического развития регионов страны, повысить качество жизни населения; предупредить возникновение социальных рисков, связанных с трудностями адаптации и интеграции мигрантов, безработицей и стихийной миграцией.

Анализ структуры и направлений основных миграционных движений населения в пределах территории современного Казахстана позволяет выделить пять этапов формирования населения (табл. 1). Основными критериями для их выделения выступают два фактора: демографические аспекты миграционного процесса и тенденции в изменении форм природопользования.

Началом «исторического» этапа можно считать год начала процесса присоединения Казахстана к России (1731 г.), что явились основой устойчивого земледельческого освоения территории Северного региона, формирования системы расселения. Процесс оседания кочевников привел к увеличению роли земледелия в структуре хозяйства. Коллективизация, с которой начался второй этап, способствовала ускорению и окончательному завершению процесса оседания. В результате была сформирована сеть новых населенных пунктов (аулов), в последствии явившихся каркасом системы ареалов компактного проживания этноса внутри макрорегиона. Расселение русскоязычного населения так же было подчинено влиянию системы социальных связей, что явились основой формирования двуполюсной системы несимметричных по площадной и количественной характеристике ареалов компактного проживания двух крупных этнических групп.

Этапы формирования населения Казахстана

Таблица 1

Этапы	Дата	Демографические аспекты миграции	Влияние на природопользование (ПП)
Исторический	кон. XVIII–XIX вв.	Переселение русско-украинского населения; быстрый рост численности населения, в т.ч. городского	Появление крепостей, станиц – рост городов; оседание коренных жителей – переход к земледелию, снижение роли скотоводства
	1881–1884 гг.	Переселение уйгуров (45000 чел.) и дунган (4000 чел.)	Развитие земледелия на юге страны
Депортации и переселения народов - сер. 1920-х–кон. 1960-х гг.	1926–1959 гг.	Рост численности населения в результате миграции (в т.ч. депортации, переселения)	Завершение процесса оседание кочевого населения. Развитие промышленности и сельского хозяйства как в результате государственных программ (коллективизация, индустриализация, «пятилетки»), так и за счет роста численности трудоспособного населения Период освоения целинных и залежных земель – «укоренение» земледельческого типа хозяйства в Северном регионе
	1936 г.	Переселено 63976 чел. с Украины; население Дагестана, Чечено-Ингушетии (1000 хозяйств)	
	1937 г.	Депортации курдов, армян, турок (1121 семья); иранцев (1642 хозяйства), корейцев (98454 чел.)	
	1940 г.	Поляки (176 тыс. чел.)	
	1941–1942 гг.	Немцы (более 400 тыс. чел.)	
	1943–1944 гг.	Карачаевцы, калмыки; чеченцы, ингуши (406,4 тыс. чел.); балкарцы (21 тыс. чел.), крымские татары (150,1 тыс. чел.), болгары, греки (более 40 тыс. чел.), турки-месхетинцы, курды	
	1954–1956 гг.	Иммиграция более 1,5 млн. чел. (большая доля трудоспособного населения (20-30 лет); большая доля русско-украинского населения)	
кон. 1960-х–кон. 1980-х гг.	1968–кон. 1991 гг.	Рост миграционной убыли населения, потеря естественного прироста	Спад уровней производства, упадок в сельском хозяйстве – нарастание кризиса
«Критическое десятилетие» нач. 1990-х–2003 гг.	кон. 1991–2003 гг.	Отрицательное сальдо миграции (–481 тыс. чел. в 1994 г.) Естественная убыль населения	Кризис производства, сельского хозяйства и др. отраслей, в т.ч. в результате миграции трудоспособного населения. «brain drain»
2003 г. – наши дни	2003–2011 гг.	Положительное сальдо миграции, положительный естественный прирост, увеличение уровня жизни	Внедрение программы по развитию животноводства (традиционный тип хозяйства); индустриальный рост

Составлено автором по Алексеенко и др., 1999; Асылбекова и др., 2001; Садовская, 2001.

Период депортации и планового переселения имел важное значение с точки зрения формирования полиэтнической структуры общества всего Казахстана, однако основным подэтапом по масштабам и последствиям воздействия на социально-культурную и хозяйственную отрасли внутри Северного макрорегиона можно считать период первой целинной кампании. Основные экологические последствия проявились в изменении структуры землепользования: включении в сельскохоз-

зяйственный оборот крупных земельных площадей, формировании и закреплении районов с особым сочетанием отраслей животноводства и, как результат, в смене связей между ведущими отраслями хозяйства макрорегиона. Рост численности населения создал предпосылки для развития рекреационной и природоохранной деятельности, способствовал быстрому развитию образования и культуры. С постепенным ослабеванием влияния целинной кампании (с кон. 1960-х гг.) Казахстан отно-

сится к числу государств, теряющих свое население в результате внешней миграции.

Следует отметить, что отрицательное сальдо миграции характерно для страны начиная с 1968 г. Причины, вероятно, кроются в нестабильности и нарастающей дестабилизации социально-экономической ситуации, однако предпосылки роста миграционной активности (внешняя миграция) начали проявляться еще в начале 1960-х годов. С другой стороны, не менее важный показатель – естественный прирост населения, динамика которого не менее ярко отражает ситуацию в обществе, характеризовался на период начала 1970-х гг. подъемом. Таким образом, различия в трендах двух показателей однозначно не могут быть объяснены. Развитие страны как сырьевого района определяло развитие городов - промышленных центров, таких как Караганда, Темиртау, Павлодар, Усть-Каменогорск и др. Однако при общем традиционно низком уровне урбанизации следует обратить внимание на развитие сельских территорий республики. По результатам Всесоюзной переписи населения 1970 г. был зафиксирован урбанизационный переход – уровень урбанизации составил 50,3%. Основной приток населения в сельские районы был приурочен к реализации государственных программ: коллективизации и освоения Целинных и залежных земель. Отрицательное сальдо миграции по стране за период с нач. 1960-х по 1989 гг. включительно формировалось за счет активной эмиграции населения из сельской местности. Миграционный прирост в городах до 1988 г. включительно оставался положительным, что, казалось бы, противоречит теоретическим положениям теории миграции, когда миграционная активность и мобильность городского населения в целом превышают аналогичные показатели населения сельских территорий (Рыбаковский, 2001).

Следовательно, кризисный упадок во всех сферах экономики начался именно со спада в сельскохозяйственной отрасли, незадолго до этого всячески поддержанной государственными программами, но, к сожалению, имевшими экстенсивный характер.

После обретения независимости и проведения ряда экономических реформ в стране миграционный отток заметно сократился. Большое значение в вопросе сокращения объема внешней миграции имел процесс «истощения» миграционного потенциала – в период кризиса население,

обладавшее высокой миграционной мобильностью, выехало из страны, основной поток мигрантов (русскоязычное население) был рассредоточен в пределах СНГ (70% от общего числа), 98% выехавших в дальнее зарубежье было представлено немцами-репатриантами.

Период с начала 1990-х гг. по 2010 г. характеризуется заметными изменениями показателей направлений, интенсивности, эффективности миграционных движений, во многом определяемых состоянием экономики страны. Как результат – можно выделить 3 основных этапа изменения направлений, интенсивности и «содержательной компоненты» векторов миграции.

Первый, самый продолжительный этап (начало 1990-х–2003 гг.), характеризуется миграционной убылью и общей низкой эффективностью международной миграции, обусловленной высоким миграционным оборотом. Выделяется два основных, хотя и неравнозначных направления миграции: страны СНГ (до 70% мигрантов от общего числа выбывших) и дальнее зарубежье. Данная тенденция, усиление которой позднее обернулось массовым *оттоком населения*, обозначилась в связи со сложившимся сложным социально-экономическим положением в стране. Отток населения, характерный для всех без исключения регионов страны и значительно превышавший эмиграцию в страны дальнего зарубежья, был в основном направлен в Российскую Федерацию (РФ) (90% от общего числа выбывших за период). Главным донором выступал Север страны, а так же Карагандинская, Восточно-Казахстанская области и г. Алматы – основные регионы проживания русскоязычного населения. Юг имел отрицательное сальдо миграции со славянскими странами-соседями, которое частично, а начиная с 2004 г. – полностью, компенсировалось за счет притока мигрантов из соседнего Узбекистана, в структуре которого преобладали этнические репатрианты (оралманы).

По данным Агентства по миграции и демографии, за период с 1991 по апрель 2004 гг. в Казахстан прибыло 80 тыс. семей оралманов. Из них более 70% прибыло из стран СНГ: Узбекистана (54%), Туркменистана (12%), России (4%), Таджикистана (3%). Начало массовой репатриации приходится на февраль 1991 г., когда первые 97 казахов из Монголии переселились в Казахстан. Во

многом это было стихийным, слабо организованным процессом: отсутствовала прежде всего надежная, продуманная законодательная база, защищающая права репатриантов (Забирова, 2002).

За 1991–1992 гг. из Монголии в Казахстан было переселено более 7 тыс. семей, или 40 тыс. человек. Массовая репатриация казахов из Ирана началась в феврале 1993 г., когда в Казахстан переехало 722 семьи, среди которых была значительная часть интеллекуации. Всего за 1991–1996 гг. было переселено около 12,5 тыс. казахских семей численностью 60 тыс. чел. Их размещение в первые годы производилось в Карагандинской, Талдыкорганская, Павлодарской, Семипалатинской, Kokчетавской и Восточно-Казахстанской областях, регионе преимущественного проживания русскоязычного населения. После двадцати лет переселения почти треть оралманов (30%) осела в Южно-Казахстанской области, 15% – в Мангистауской области, 13% – в Алматинской области, для которых ежегодно устанавливаются самые высокие квоты на переселение, т.к. с каждым годом число оралманов, желающих переселиться в данные области, увеличивается (Забирова, 2002). Очевидно, главным притягивающим фактором являются сходные климатические условия и влияние социальных институтов, ведь большинство оралманов приезжают сюда из Узбекистана, Таджикистана, Ирана, Ирака, Афганистана и Турции.

Для западных областей вторым по масштабам миграции направлением после РФ, как и в начале 2000-х гг., так и на сегодняшний день остается Туркменистан. Положительное сальдо миграции в этом направлении достигается за счет реализации программы переселения этнических казахов (на территории Туркменистана проживает третья по численности в СНГ диаспора казахов – 87 тыс. чел. (Забирова, 2002)), и в значительной степени обусловлено трудовыми миграциями в западный нефтедобывающий регион страны.

За рассматриваемый период (нач. 1990-х – 2003 гг.) сальдо миграции со странами дальнего зарубежья как в целом для страны, так и по административным областям и гг. Астана и Алматы, имело отрицательные значения. Период первой половины 1990-х гг. характеризовался мощной волной эмиграции этнических немцев в Германию (более 90%

от абсолютной численности выехавших в дальнее зарубежье). Главными регионами выхода в данном случае явились области севера страны, а так же Карагандинская и Восточно-Казахстанская – основные регионы проживания представителей немецкой диаспоры. В структуре миграционного оттока за данный период выделяют Израиль, США, Канаду, Грецию.

Основанием выделения второго этапа (2004–2007 гг.) изменений характеристик миграционных движений населения явился значительный рост эффективности международной миграции, обусловленный снижением миграционного оборота со странами СНГ и дальнего зарубежья – главным образом с Германией. В обоих направлениях данная тенденция обусловлена «истощением» миграционного потенциала: так поток немцев, выехавших из Казахстана в Германию за период 1999–2005 гг., составил 130 тыс. чел., что соответствует среднему годовому оттоку немцев до конца 1990-х гг. За предшествующий период (1991–2003 гг.) из страны выехало более 50% русскоязычного населения (относительно данных Всесоюзной переписи населения 1989 г.). В направлении стран СНГ возможно на снижение общего числа эмигрантов оказал влияние рост экономического благосостояния населения в республике в результате проведенных экономических реформ.

Таким образом, была заложена тенденция сокращения объемов внешней миграции, и, начиная с 2004 г., сальдо миграции в стране становится положительным. Основной миграционный обмен республики происходит со странами СНГ. Доли выбывших из стран СНГ и прибывших в эти страны составили 80% и 91% соответственно за данный период. При этом доля казахов в общем числе прибывших за 2007 г. составила 60%, русских – 12%. Положительное сальдо со странами дальнего зарубежья формируется за счет стран возврата этнических репатриантов из КНР, Монголии, Турции, Ирана.

«Истощение» миграционного потенциала в обоих направлениях способствовало искусственному росту показателя эффективности миграции к началу 2000-х гг., Начиная с 2007 г. на первое место по объемам перемещения выходят внутренние миграции, что позволяет выделить новый, третий этап изменения миграционной ситуации в постсоветский период. Если с 1999 по 2002 гг. был характерен некоторый

спад объема внутренних перемещений населения и превалировала внешняя миграция, то начиная с 2003 г. Казахстан имеет положительное сальдо миграции – численность населения увеличивается не только за счет естественного прироста, но и миграции. Кроме того, стабилизация экономических процессов дала импульс началу активных процессов переселения внутри республики.

Основные векторы внутренней миграции населения направлены в сторону северной и южной столиц – гг. Астана и Алматы. Высокий приток населения из регионов характерен так же для Алматинской области. Значение двух главных центров притяжения населения были достаточно изменчивы на протяжении десятилетия.

После придания городу статуса столицы (1997 г.) в Астану был переведен весь административный аппарат, что повлекло за собой рост численности населения, создало потенциальную возможность для трудоустройства. Однако темп роста цен на жилье шел опережающими темпами, что на некоторое время ограничило миграционную привлекательность города для мигрантов. На некоторое время (2002–2008 гг.) доцентом населения вновь становится г. Алматы, вслед за чем возрастает роль Алматинской области,енным образом за счет продолжающей формироваться агломерации вокруг города-миллионера. Однако со временем роль столичного фактора стала вновь доминирующей: на сегодняшний день г. Алматы имеет отрицательное сальдо миграции по-прежнему лишь с веверной столицей.

Основными регионами-донорами для северной столицы являлись Акмолинская, Карагандинская, Костанайская области, имевшие самые низкие сальдо межрегиональной миграции. Алматы и Алматинская область выполняли роль регионального центра притяжения населения из соседних Восточно-Казахстанской, Южно-Казахстанской, Жамбылской областей. Наименее вовлеченными в общую структуру межрегиональной миграции оказались области Западного региона: Мангистауская, Актюбинская и Атырауская – для которых были характерны межобластные миграции внутри Западного региона.

Формирование третьего этапа миграционных изменений характеризуется сменой внутренних центров притяжения населения:

в числе регионов-реципиентов помимо «старых» центров – гг. Астаны, Алматы и Алматинской области обозначились области Запада страны – Актюбинская и Мангистауская. Основной поток мигрантов в столицу направлен из соседних Акмолинской и Карагандинской областей. Главными областями-донорами являются Южно-Казахстанская (сальдо внутренней миграции –14 тыс.), Жамбылская (–8,6 тыс.), Акмолинская (–7 тыс.) и Восточно-Казахстанская области (–6,5 тыс.), имевшие наиболее низкое сальдо внутренней миграции в стране.

Поэтапное миграционное движение населения явилось базовой основой закрепления новых форм хозяйства в регионе, в том числе в постепенно формировавшихся районах с преобладанием представителей разных этнических групп. Подобные процессы, связанные с миграцией последних десятилетий, касаются изменений прежде всего в структуре хозяйств населения.

Заключение. Миграционная специфика Казахстана строилась традиционно на этнической основе. Подтверждения данному факту можно найти как при рассмотрении миграции в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Политический процесс вхождения территории современного Казахстана в состав Российской Империи, период депортации народов явились основой заложения политичности общества современного Казахстана (на территории страны проживают представители более 100 национальностей), структура которого в силу объективных причин постепенно теряет свое «колоритное» (до недавнего времени) содержание.

На современном этапе регулирование процесса этнической миграции выходит на ведущие позиции в рамках миграционной тематики в стране. С одной стороны – недопущение распространения второй волны славянской эмиграции в результате ведения тщательно проработанной государственной политики в области языка и культуры, СМИ, позволяет предохранить набирающую темпы молодую экономику от потенциально возможных афтершоков эмиграции трудовых ресурсов конца 1990-х гг., с другой – создать барьеры для проникновения из Азиатского региона деструктивных религиозно настроенных элементов.

С переменным успехом реализуется программа депатриации этнических казахов, проживающих за рубежом. Она может иметь хорошие перспективы и стать элементом роста замещающей миграции в случае роста привлекательности условий программы (при одновременном повышении избирательности отбора кандидатов в случае активизации эмиграционных процессов), либо

повлиять на процесс стабилизации численности населения в пределах приграничных населенных пунктов, для предупреждения демографического давления со стороны соседних трудоизбыточных государств. Однако, на сегодняшний день программа имеет результаты лишь в сельской местности, в пределах т.н. «имеющих потенциал» населенных пунктов.

Библиографический список

1. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 81–102.
2. Асылбекова М.Х., Козина В.В. Демографическое развитие Республики Казахстан в условиях суверенитета. – Алматы: Оркениет, 2001 г. – С.18–19.
3. Забирова А.Т. Миграция, урбанизация и идентификация у казахов. – Алматы: Гылым, 2002, – С.20–41.
4. Казахстан за годы независимости (1991–2007). –Астана: Агентство по Статистике РК, 2008. – С.12–19.
5. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. Очерки теории и методов исследования. – М., 2001. – С. 21–78.
6. Садовская Е.Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. – Алматы: Гылым, 2001. – С. 45–55.
7. База электронных публикаций Агентства по Статистике РК: <http://www.bep.statbase.kz/>

Пирожник И.И., Антипова Е.А. (Минск)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ГОРОДСКОГО РАССЕЛЕНИЯ И ХАРАКТЕР УРБАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Pirozhnik I.I., Antipova E.A.

SPATIAL STRUCTURE OF URBAN SETTLEMENT AND TRENDS URBANIZATION BELARUS IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Аннотация. В статье на основе комплексного экономико-географического анализа за период 1970–2009 гг. представлены тренды и фазы динамики численности городского населения Беларусь. Проанализирована общая и региональная структура городского расселения, выявлены современные черты урбанизации и функциональные типы городов Беларусь. Показана роль столицы и Минской агломерации в структуре городского расселения страны и как проводника в глобальную экономику. Отражено влияние техногенных факторов на структуру городского расселения Беларусь.

Abstract. Trends and phases of the urban population dynamics of Belarus for the period 1970–2009 years are presented in the article on the basic of the economic-geographical analysis. The overall and regional structure of urban settlement was analyzed, modern features of urbanization and functional types of Belarusian cities were revealed. The role of the capital and Minsk agglomeration in the structure of urban settlement of the country and as a guide to the global economy are showed. The influences of anthropogenic factors on the structure of urban settlement in Belarus are reflected.

Ключевые слова: Фазы динамики численности городского населения, структура городского расселения, черты урбанизации, макрополизация, функциональные типы городов, Минская агломерация, влияние техногенных факторов.

Key words: Phases of the urban population dynamics, structure of urban settlement, features of urbanization, macropolization, functional types of cities, Minsk agglomeration, influences of anthropogenic factors.

Введение. Система городского расселения Беларусь, сформировавшаяся в результате сочетания природно-географических, исторических, политических и социально-

экономических факторов, со второй половины XX в. характеризуется рядом трансформационных тенденций, свидетельствующих о значительных пространственно-времен-

ных сдвигах в структуре. Основными факторами, в наибольшей степени повлиявшими на изменение пространственной структуры и рисунка городского расселения Беларуси в XX в., были:

- 1) индустриализация до Первой мировой войны;
- 2) Первая мировая и Гражданская войны;
- 3) коллективизация, создание совхозов, активная индустриализация и транспортное строительство;
- 4) Вторая мировая война;
- 5) особенности послевоенного восстановления хозяйства;
- 6) демографическая трансформация;
- 7) политические изменения двух последних десятилетий и их влияние на экономику.

На всем протяжении XX века немаловажное влияние на эволюцию расселения Беларуси оказывали административно-территориальные преобразования. В XXI в. на характер урбанизации и структуру городского расселения Беларуси все большее влияние оказывают процессы глобализации мирохозяйственной системы.

По данным переписи населения Российской империи 1897 г., территория современной Беларуси была типично сельской, в городах проживало 13,5% всего населения. Однако за очень короткий исторически промежуток времени XX в. в Беларуси в 1975 г. произошел урбанизационный переход, и доля городского населения превысила отметку 50%. В настоящее время Беларусь является урбанизированным государством, где в городах проживает 75,1% населения (2011 г.).

Этапы формирования городов и динамика численности городского населения Беларуси. Возникновение первых городов на современной территории Беларуси, как и Европы в целом, было обусловлено углублением общественного разделения труда и формированием новых производственных отношений. С учетом особенностей социально-экономического и политического развития общества в Беларуси выделяют восемь этапов формирования городских поселений и городского расселения:

- 1) возникновение первых городских населенных пунктов в период аграрной цивилизации (IX–XI вв.);
- 2) формирование городских поселений в период раннего средневековья (XII – начало XIII вв.);

3) развитие городов и формирование мелетечек в период Великого княжества Литовского (XIII – первая половина XVI вв.);

4) городские поселения Беларуси в составе Речи Посполитой (1569–1795 гг.);

5) развитие белорусских городов в составе Российской империи (1795–1917 гг.);

6) города и городские поселки Беларуси в межвоенный период (1918–1941 гг.);

7) рост и развитие городских населенных пунктов Беларуси в период послевоенной индустриализации и урбанизации СССР (1944–1991 гг.);

8) формирование системы городского расселения Республики Беларусь как суверенного государства (1991 г. – настоящее время) [1].

Изменение численности городского населения Беларуси происходило под влиянием трех основных факторов: 1) естественного прироста населения; 2) миграционного прироста населения; 3) административно-территориальных преобразований. В 1959–1999 гг. ведущая роль принадлежала механическому приросту – 55,3%. В настоящее время наряду с миграционным приростом в ряде городов Беларуси действует фактор естественного прироста населения.

В динамике численности городского населения Беларуси второй половины XX в. можно выделить четыре демографические фазы:

1) 1950–1959 гг. – период бурного компенсаторного демографического роста городского населения (среднегодовые темпы – 4,8%);

2) 1960–1979 гг. – период постепенного снижения среднегодовых темпов прироста населения (с 3,5% в 1960-е гг. до 2,5% в 1975 г.);

3) 1980–1989 гг. – период незначительного увеличения среднегодовых темпов роста (до 3% в год);

4) 1990–2010 гг. – период снижения среднегодовых темпов роста (с 0,6% в 1990-е гг. до 0,2% в 2000-е гг.).

Современный характер динамики городского населения Беларуси отличается как от общего тренда динамики численности населения страны, так и от динамики численности сельского населения. В то время как общая численность населения Беларуси за период 1970–2009 гг. оставалась практически неизменной – около 9,5 млн. чел., численность сельского населения сократилась в 2 раза – с 5,1 млн. чел. до 2,4 млн. чел., чис-

Таблица 1
Региональная динамика численности городского населения Беларуси, тыс. чел.

Области	Годы					Рост населения за 1970–2009 гг., %
	1970	1979	1989	1999	2009	
Брестская	449,5	613,0	819,3	902,2	912,6	103
Витебская	620,9	769,6	905,6	923,1	896,1	44
Гомельская	614,0	833,7	1064,8	1053,9	1045,4	70
Гродненская	365,8	491,4	665,7	741,1	734,9	100
Минская	406,7	552,5	738,8	807,6	789,0	94
Могилевская	518,7	701,0	840,6	853,1	834,8	61
г. Минск	915	1273,1	1606,6	1680,5	1814,3	98
Беларусь	3890,6	5234,3	6641,4	6961,5	7027,1	81

ленность населения городских поселений увеличилась с 3,9 до 7 млн. чел., или на 81%.

На региональном уровне наибольшим ростом численности городского населения за 1970–2009 гг. характеризуются Брестская, Гродненская области и г. Минск, наименьшим – Витебская и Могилевская области (табл. 1).

В пределах периода 1970–2009 гг. – выделяются две качественные фазы динамики городского населения. Первая – 1970–1989 гг. – характеризуется интенсивным ростом численности городского населения (при сокращении ежегодных темпов). Основным фактором роста была индустриализация страны, которая влекла за собой миграцию населения села-город. Наибольшими масштабами роста (свыше 100%) характеризовались крупные промышленные центры – современные индустриальные гиганты (Жлобин, Рогачев, Гродно, Солигорск и др.). Города с отрицательной динамикой практически отсутствовали и были представлены единичными городскими поселениями местного значения.

Для второй фазы – 1989–2009 гг. – характерно снижение как общего роста городского населения, так и его ежегодных темпов. Большинство городов увеличили свою численность в среднем от 10% до 25%, появилось большое количество городов с отрицательной динамикой (малые города, города Чернобыльской зоны, городские поселения социально-экономической периферии) (рис. 1).

В целом наибольший рост за период 1970–2009 гг. характерен для трех групп городов Беларуси: крупных индустриальных центров, областных центров национального значения и городов регионального значения.

Столица – г. Минск – занимает в Республике Беларусь особое место по темпам

роста численности населения за вторую половину XX в. Так, если в 1939 г. в городе проживало 237,5 тыс. чел., то за первые послевоенные десятилетия его численность увеличилась в два раза, а в 1972 г. в нем появился миллионный житель [2]. За последующие 12 лет количество горожан возросло еще на полмиллиона. В 2000 г. в столице проживало 1683,2 тыс. чел., а в настоящее время численность интенсивно приближается к 2 млн. чел. (1864,1 чел.), что составляет 20% общей численности населения страны и 26% – всех городских жителей. В целом, за 1970–2009 гг. численность населения столицы возросла в два раза, что является беспрецедентным явлением в динамике численности городского населения Республики Беларусь и уникальной чертой современной динамики столиц европейских государств.

Структура городского расселения и характер урбанизации Беларуси.

Современная структура расселения Беларусь включает 112 городов, 93 поселка городского типа и 23467 сельских населенных пунктов. Сеть городских населенных пунктов Беларусь во второй половине XX в. претерпела значительные изменения под влиянием активного процесса урбанизации, в результате которого происходил постоянный рост, как численности городского населения, так и количества городов.

В структуре городского расселения Республики Беларусь согласно Государственной схеме комплексной территориальной организации выделяют следующие классы городов по людности: 1) города-миллионеры – свыше 1 млн. чел.; 2) крупные города – 100–500 тыс. чел., 3) средние – 50–100 тыс. чел.; 4) полусредние – 20–50 тыс. чел.;

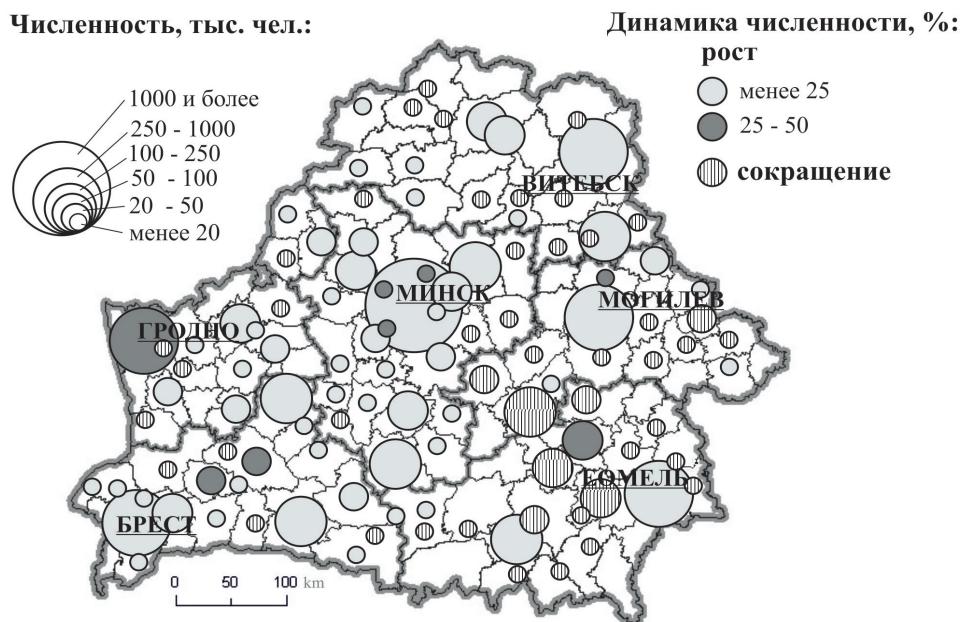

Рис. 1. Динамика численности населения городских поселений Беларусь, 1989–2009 гг.

5) малые – менее 20 тыс. чел. С учетом отрицательной динамики малых городов в их структуре дополнительно выделяют: 6) мелкие – 5–10 тыс. чел. и 7) мельчайшие – менее 5 тыс. чел.

Городское население размещено по территории страны крайне неравномерно. Наиболее урбанизированной является центральная часть Беларусь, западные регионы (Брестская и Гродненская области) отличаются наименьшим уровнем урбанизации (65% и 68% соответственно). Минская столичная область концентрирует 37,2% всего городского населения страны, большая часть из которого приходится на столицу. Наи-

меньшая доля -10,5% – характерна для Гродненской области. Могилевская, Брестская и Витебская области имеют практически равные доли в региональной структуре городского расселения страны (12–13%) (табл. 2).

В результате ускоренного роста городского населения произошло увеличение средней плотности городов Беларусь в 1,3 раза. Так, если в 1970 г. средний размер белорусского города составлял 26 тыс. чел., то в 2009 г. он достиг величины 35 тыс. чел. Средняя плотность областных центров возросла с 316,1 тыс. чел. до 379,3 тыс. чел., или на 20% (табл. 3, рис. 2). Стабильной величиной средней плотности отличаются малые и средние города,

Таблица 2

Региональная структура городского расселения и распределение городского населения Беларусь, 2009 г.

Области	Количество городских населенных пунктов		Численность городского населения		Доля городского населения в общей численности населения области, %
	ед.	%	тыс. чел.	%	
Брестская	29	14,1	918,6	13,0	65,0
Витебская	43	20,9	897,0	12,7	72,4
Гомельская	35	17,0	1050,8	14,9	72,4
Гродненская	31	15,0	740,1	10,5	68,3
Минская (включая г. Минск)	44	21,4	2624,8	37,2	55,1
Могилевская	24	11,7	833,2	11,8	75,5
Всего	206	100	7064,5	100	73,9

Изменение средней величины городов по классам людности, 1970–2009 гг.

Классы городов по людности	Средняя величина городских поселений по классам людности, тыс. чел.			Индекс динамики, 1970–2009 гг.
	1970	1999	2009	
Мельчайшие, менее 5	2,8	2,5	2,4	0,86
Мелкие, 5–10	7,1	7,6	7,3	1,03
Малые, 10–20	13,6	13,7	13,8	1,01
Полусредние, 20–50	30,2	30,1	31,1	1,03
Средние, 50–100	67,7	68,3	70,9	1,05
Крупные, 100–250	151,6	134,4	141,3	0,93
Крупнейшие, 250–1000	316,1	352,0	379,3	1,20
Города-миллионеры, более 1000	1276,0	1673,8	1843,7	1,44

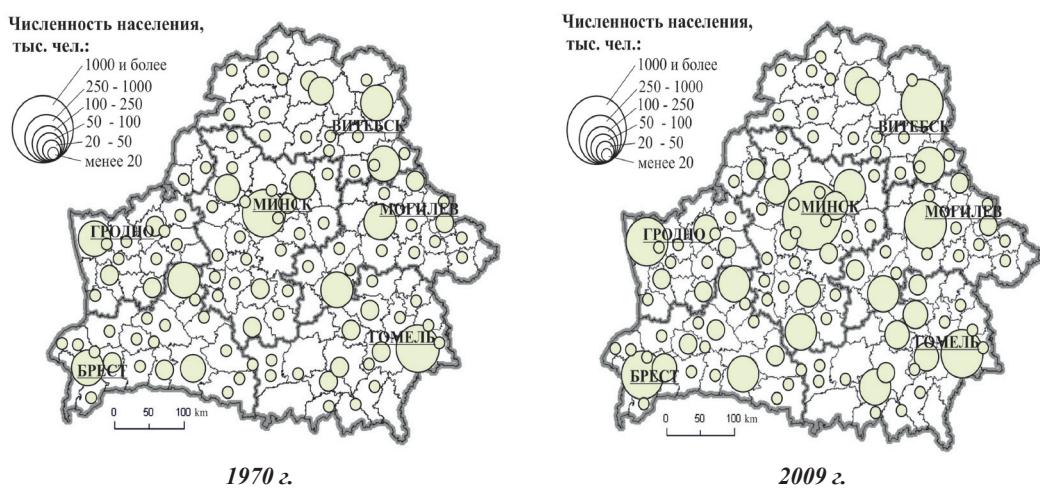

Рис. 2. Динамика средней плотности городских поселений Республики Беларусь

а мельчайшие являются единственным классом городских поселений, которые характеризуются сокращением средней плотности за исследуемый период (на 24%). Наиболее быстрыми темпами увеличивается плотность столицы – на 44%, что ведет к мегацефалии – непропорционально большому росту доли столицы в численности населения Беларуси и концентрации в нем населения [3].

Характерной чертой урбанизации Беларуси на фоне доминирующей роли столичной агломерации выступает мелкогородской характер системы расселения – высокая доля малых городов в структуре городского расселения – 82%. При этом в них проживает лишь 17% городского населения страны. В середине XX в. в городских поселениях с численностью до 20 тыс. проживало 37% всего городского населения, при том, что данная категория населенных пунктов была еще более выраженной в системе расселения – 91%.

Доля городов с численностью менее 20 тыс. чел. сохраняется стабильной в течение всего периода (83–85%). Доля численности населения городов данного класса напротив постоянно сокращается (в 1959 г. – 37%, в 1979 г. – 20%, в 2009 г. – 17%) (табл. 4).

Мелкоселенность системы городского населения Беларуси имеет историческую обусловленность – процесс урбанизации отличался искусственным увеличением числа городских поселений за счет формального перевода традиционных исторических центров («местечек») в поселки городского типа. Большая часть поселков городского типа обладает функциональным профилем, характерным преимущественно для сельских поселений в других странах – аграрным, агропромышленным и природоохранным. В настоящее время ряд малых городов Беларуси получают новый импульс развития, происходит диверсификация их функций, активизация малого бизнеса,

Таблица 4

Структурные сдвиги в городском расселении Беларусь, 1970–2009 гг.

Классы городских населенных пунктов по людности	Доля населенных пунктов в структуре городского расселения Беларусь, %			Доля городского населения в общей численности городского населения Беларусь, %		
	1970	1999	2009	1970	1999	2009
Мельчайшие, менее 5	36,2	31,9	32,5	3,9	2,3	2,2
Мелкие, 5–10	33,2	25,5	27,2	8,9	5,7	5,7
Малые, 10–20	14,1	23,0	21,8	7,3	9,3	8,6
Полусредние, 20–50	7,0	7,8	6,8	8,1	6,9	6,0
Средние, 50–100	4,5	4,4	4,9	11,7	8,9	9,8
Крупные, 100–250	3,0	4,4	3,9	17,4	17,4	15,7
Крупнейшие, 250–1000	1,5	2,5	2,4	18,2	25,4	26,3
Города–миллионеры, более 1000	0,5	0,5	0,5	24,5	24,1	25,6
Всего	100	100	100	100	100	100

демографическая ревитализация, что связано с итогами реализации в стране Государственной комплексной программы развития регионов, малых и средних городских поселений в 2007–2010 гг. [3].

В целом, главной особенностью структуры городского расселения Беларусь со второй половины XX века является количественное преобладание малых городов при постоянном усилении концентрации населения в крупных городах (свыше 250 тыс. чел.) и повышение доли столичной агломерации.

Городское расселение Беларусь в силу действия различных факторов дифференцировано в разрезе административных областей. Для Витебской области характерно наибольшее количество малых и мелких городов, средняя людность городских поселений региона составляет 20,8 тыс. чел., а доля городского населения области в общей численности городского населения страны невелика – 13%. Для региона характерен высокий уровень концентрации населения в крупных промышленных и многофункциональных центрах, таких как Витебск, Новополоцк, Орша, которые сосредотачивают 64% всего городского населения области. К категории средних по людности городов в области относится один населенный пункт – Полоцк. Все остальные городские поселения области относятся к классу малых городов с численностью менее 20 тыс. чел., для которых характерен депрессивный характер демографического развития.

В структуре городского расселения Могилевской области отсутствуют средние города (50–100 тыс. чел.), а также практически не представлены полусредние города (20–50

тыс. чел.). К данным классам относится только Кричев, Горки, Осиповичи. В регионе наблюдается очень высокий уровень концентрации в крупных городах – 70% городского населения области приходится на Могилев и Бобруйск.

В Гомельской области в крупных городах (Гомель и Мозырь) концентрируется только 58% городского населения, при условии, что на региональный центр приходится 47%. В средних и полусредних городах проживает 279,5 тыс. чел. или 26% населения области. Для системы городского населения западной и юго-западной частей Беларусь характерна большая роль средних, полусредних и крупных городских поселений, чем в других регионах, и большая устойчивость данных классов городов.

В Брестской области располагаются 3 крупных города (Брест, Барановичи, Пинск), 1 средний (Кобрин) и 3 полусредних (Береза, Ивацевичи, Лунинец). На крупные города приходится 66% городского населения, средние и полусредние – 14%. Средняя людность городских поселений составляет 31,7 тыс. чел.

Для Гродненской области характерна практически равная роль в урбанистической структуре крупных и средних городов. Так на единственный крупный город региона (Гродно) приходится 45 % городского населения, а на средние и полусредние города (Лида, Слоним, Волковыск, Сморгонь, Новогрудок) – 34%. Система городских населенных пунктов центральной части Беларусь развивается под сильным влиянием столицы. В связи с этим велика доля в структуре малых городов – 79,5%. Доля крупных и средних горо-

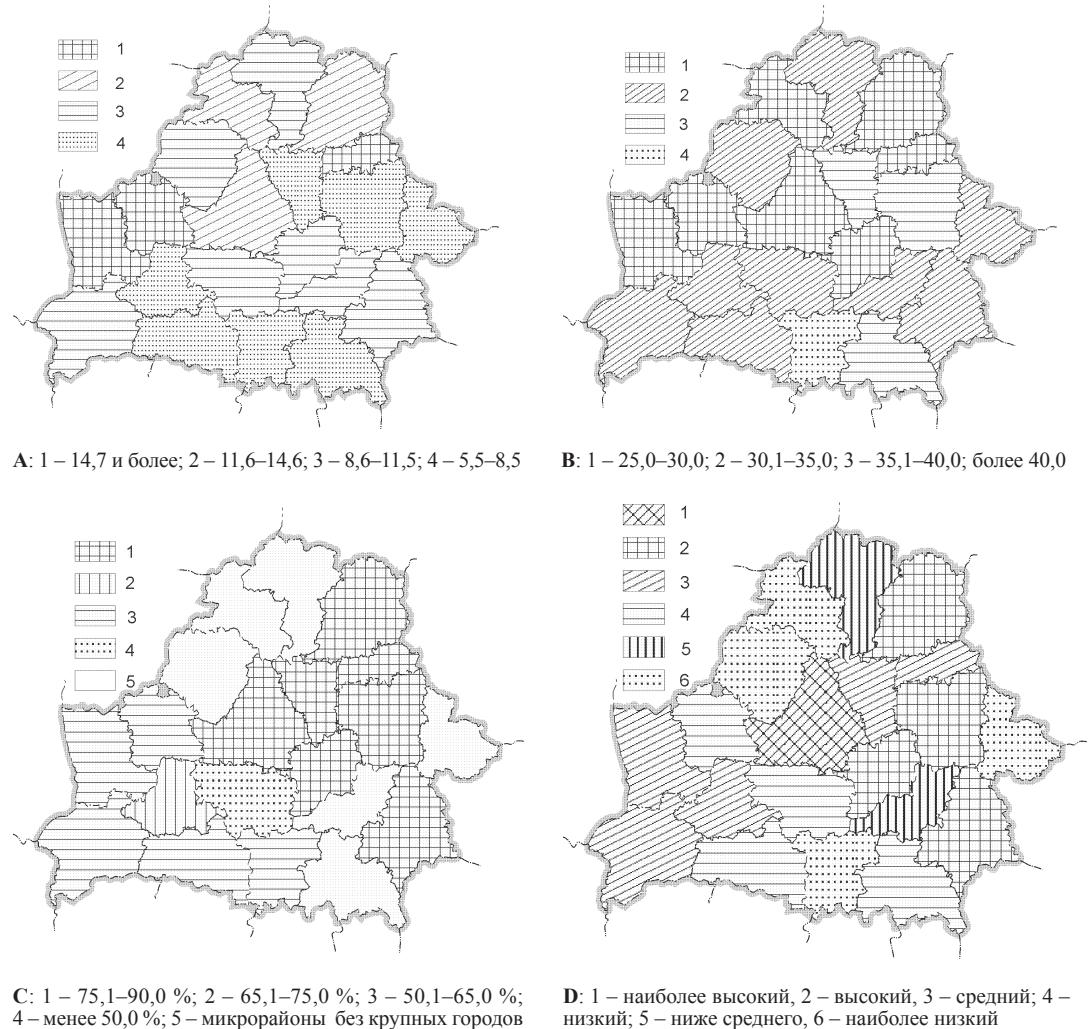

Рис. 3. Региональные различия процессов урбанизации на уровне микрорегионов Беларусь (2010 г.):

А – густота городских поселений на 1 тыс. кв. км; В – Среднее расстояние между городскими поселениями, км; С – Уровень концентрации городского населения в крупных городах (>100 тыс. чел., %);
D – Комплексный уровень урбанизации.

дов практически равны – 9,4% и 8,3% соответственно [4]. В разрезе 20 микрорегионов Беларусь основные показатели процессов урбанизации отражают значительную дифференциацию процессов урбанизации в восточных и западных областях (рис. 3), а также формирование низко урбанизированных зон в силу периферийного положения четырех из шести областных центров (Витебск, Гомель, Брест, Гродно) [7].

В 1950-е гг. в условиях интенсивной индустриализации и быстрого роста численности населения городов одной из актуальных задач градостроительной политики в СССР было

построение оптимальной системы расселения на основе рационального размещения промышленности. В БССР существовал значительный опыт в области составления схем территориальной (районной) планировки и генеральных планов городов, начиная с 1954 г. С начала 1960-х гг. в БССР был взят курс на рассредоточение промышленности, на строительство новых предприятий в средних и малых городах, в которых промышленность пока еще не получила достаточное развитие. В то же время численность трудовых ресурсов ряда крупных городов не могла обеспечивать выполнение планов промышленного произ-

водства, что обусловило, с одной стороны, привлечение рабочей силы из близлежащих городов и сельских населенных пунктов и появление маятниковой миграции населения, а с другой, формирование городов-спутников более крупных центров. Для этих целей в 1973 г. была разработана Государственная схема развития и размещения городских и сельских поселений Белорусской ССР [5, 6].

В 2010 г. в Республике Беларусь была утверждена Государственная программа по строительству крупных жилых районов для жителей г. Минска в городах-спутниках и выносу из столицы производственных объектов, целью которой является снижение производственной, жилищной нагрузки на столицу. Городами-спутниками Минска должны стать Смолевичи, Дзержинск, Логойск, Фаниполь, Руденск, Заславль, Столбцы, Жодино, Марьина Горка, Узда. В качестве основного инструмента снятия производственной и жилищной нагрузки на г. Минск и развития городов-спутников рассматривается строительство жилых комплексов. Все предполагаемые города-спутники, за исключением Марьиной Горки, характеризуются положительным сальдо миграции. Наибольший миграционный прирост характерен для Логойска. Значительное количество жителей городов-спутников работают за пределами пункта своего проживания. Например, в Фаниполе в 2009 г. более 43% от общего числа занятых работали в столице, в Заславле – 25,8%, то есть каждый четвертый занятый работал в Минске. Наименьшее количество маятниковых мигрантов в структуре занятых отмечалось в Столбцах – 6,1%.

Структуру промышленного комплекса городов-спутников г. Минска будут формировать традиционные отрасли обрабатывающей промышленности: машиностроение, металлообработка, приборостроение, химическая отрасль и другие.

Национальная иерархия городов и макрополизация городского расселения Беларусь. В административно-территориальном делении Республики Беларусь выделяют четыре иерархических уровня городов: 1) города европейского значения; 2) города национального значения; 3) города регионального значения; 4) города местного значения (ГСКТО-2007).

В национальной иерархии представлен один город европейского значения – г. Минск, 21 город имеет национальное значение, 75 городов являются региональными центрами и 16 городов выполняют функции местных центров. В контексте «ранг–размер» для городов национального значения наиболее характерной является численность населения свыше 100 тыс. чел. Города регионального значения, в основном имеют численность менее 20 тыс. чел., в то же время каждый четвертый город характеризуется численностью от 20 до 100 тыс. чел. Абсолютное большинство городов местного значения относятся к малым по численности населения (менее 20 тыс. чел.) (табл. 5, рис. 4).

В целом, характерной чертой городского расселения Беларуси, соответствующей мировым тенденциям, является усиливающаяся концентрация населения в крупных городах с численностью более 100 тыс. чел., то есть

Таблица 5

Структура городов Беларуси в разрезе административных единиц, 2012 г.

Области	Статус города в национальной иерархии административно-территориальных единиц								
	Город национального значения, ед.			Город регионального (областного) значения, ед.			Город местного значения, ед.		
	более 100 тыс. чел.	20–100 тыс. чел.	менее 20 тыс. чел.	более 100 тыс. чел.	20–100 тыс. чел.	менее 20 тыс. чел.	более 100 тыс. чел.	20–100 тыс. чел.	менее 20 тыс. чел.
Брестская	3	0	0	0	4	10	0	0	4
Витебская	3	1	1	0	0	11	0	0	3
Гомельская	2	1	1	0	4	8	0	0	2
Гродненская	1	2	0	0	3	7	0	0	2
Минская	1	1	1	0	5	13	1	0	2
Могилевская	2	1	0	0	2	8	0	0	2
Беларусь	12	6	3	0	18	57	1	0	15
Всего	21/19 %			75/ 67 %			16/ 14 %		

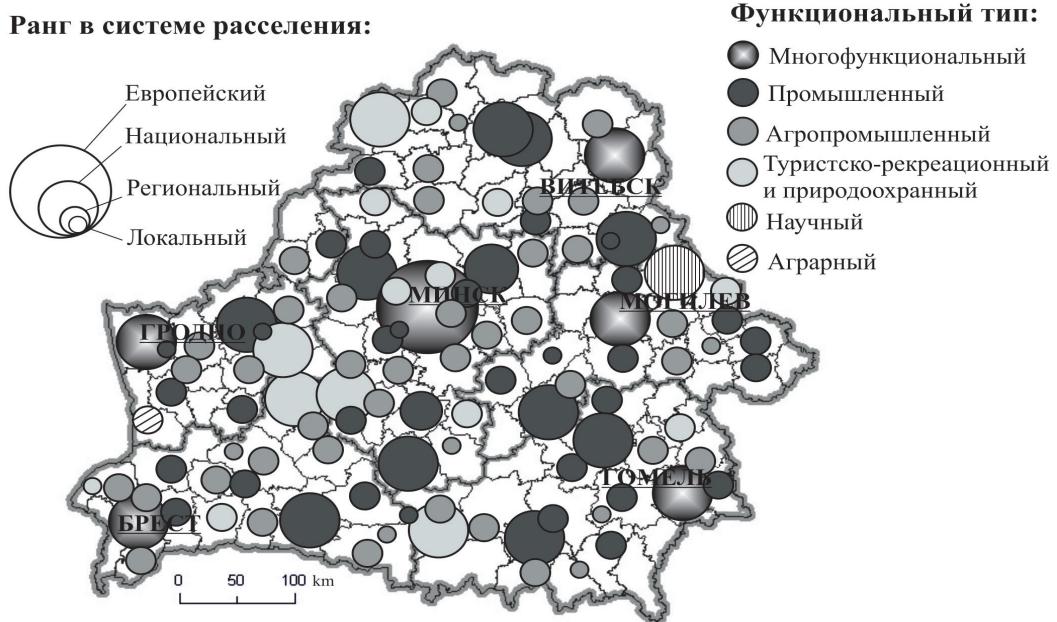

Рис. 4. Функционально-иерархические типы городов Беларуси

макрополизация. Данная тенденция впервые проявилась в 1960–1980-е гг. в период наиболее интенсивной урбанизации. К 1979 г. уже 60% городского населения страны проживало в крупных городах, чему во многом способствовал бурный рост столицы и областных центров вследствие стремительной индустриализации [7]. В настоящее время 67% городского населения Беларуси проживает в городах с численностью более 100 тыс. чел., в том числе 26% составляет доля столицы.

Столица Республики Беларусь – г. Минск – прошла в своем развитии несколько фаз урбанизации. В фазе начальной или точечной урбанизации Минск находился в течение длительного периода – вплоть до середины 1970-х гг. В эти годы в столице интенсивно шел процесс индустриализации, строительства крупных промышленных предприятий. В 1970-е годы г. Минск аккумулировал 30% миграционного прироста всех городских поселений БССР. Население в столице росло значительно более высокими темпами по сравнению со всем остальным населением Беларуси. Рост населения в Минске за 1959–1970 гг. составил 250% против 117% в стране. По темпам роста Минск в 1970-е гг. занимал уникальное положение среди всех столичных и миллионных городов СССР, что

впоследствии получило название «минского феномена» или «минского взрыва» [8].

С 1980-х гг. столица вступает в стадию классической урбанизации. Для этого периода развития Минска характерен рост притягательных сил пригородов Минска, что является свидетельством агломерационных тенденций. В ходе данной стадии начинает развиваться центробежная миграция (в 1976 г. работавшие за пределами Минска составляли 30% центростремительного потока, а в 1981 г. – 47%). В пригородах Минска на данной стадии появляются спутники производственного, научного, рекреационного, сельскохозяйственного профиля. В 1985 г. в непосредственном окружении Минска наиболее интенсивный рост населения происходил в таких городских населенных пунктах, как Заславль, Восточный, Сосны, Фаниполь, Смолевичи. На данной стадии Минск аккумулировал уже только 22–25% миграционного прироста всех городских поселений БССР [9].

В начале XXI в. в развитии г. Минска проявляются черты процесса субурбанизации. Происходит переселение жителей в пригородную зону, перенос из столицы промышленных и других функций. Рост населения в городах пригородной зоны Минска происходит более высокими темпами по срав-

Таблица 6

Региональная структура городов Беларуси по функциональным типам

Функциональный тип городов	Области						Беларусь	
	1*	2	3	4	5	6	ед.	%
Многофункциональный	1	1	1	1	1	1	6	5
Промышленный	7	6	8	7	9	8	45	40
Агропромышленный	11	9	7	4	10	4	45	40
Аграрный	0	0	0	1	0	0	1	1
Туристско-рекреационный и природоохранный	2	3	2	1	5	1	14	13
Научный	0	0	0	0	0	1	1	1

Примечание: *1 – Брестская, 2 – Витебская, 3 – Гомельская, 4 – Гродненская, 5 – Минская, 6 – Могилевская.

нению со столицей. Так, например, если за 1989–2009 гг. численность населения столицы выросла на 16%, то в таких городах как Заславль она увеличилась на 38,5%, Фаниполь – на 42,9%, Логойск – 38,9%. Вместе с тем, современные темпы роста численности населения столицы по сравнению с большинством городов Беларуси остаются по-прежнему более высокими. В связи с этим в целях сдерживания роста г. Минска разработана Стратегия развития Минской агломерации. Стратегия развития включает мероприятия по стимулированию агломерационных процессов развития г. Минска, сдерживанию его внешней территориальной экспансии по принципу "масляного пятна", мероприятия по осуществлению единой экономической политики, созданию и совершенствованию единой системы социального обслуживания, рекреации, реализации жилищной политики, развитию комплексной транспортной и инженерно-технической инфраструктуры, осуществлению единой экологической политики [10].

Функциональные типы городов Беларуси. Согласно Государственной схеме комплексной территориальной организации в Республике Беларусь, принятой в стране в 2007 г., выделяется шесть функциональных типов городов: 1) многофункциональные; 2) промышленные; 3) агропромышленные; 4) аграрные; 5) туристско-рекреационные и природоохранные; 6) научные (ГСКТО-2007).

В структуре городов Беларуси два функциональных типа занимают паритетные позиции – промышленные и агропромышленные города, что обусловлено индустриальной стадией развития государства и на которые приходится по 40%. Столица – г. Минск и административные центры об-

ластей – являются многофункциональными городами. Каждый десятый город Беларуси относится к туристско-рекреационному и природоохрannому типу, что обусловлено богатым культурно-историческим наследием и рекреационными ресурсами государства (табл. 6, см. рис. 4).

Одной из приоритетных задач социально-экономической политики Республики Беларусь является активное участие в процессах глобализации при соблюдении экономических интересов страны путем вхождения в транснациональные корпорации, взяв за основу топ-2000 успешных мировых компаний. В настоящее время в Беларуси функционируют филиалы и представительства около 30 крупнейших ТНК, входящих в топ-2000 (по оценкам Forbes), из которых 55% приходится на страны ЕС (напр., банковская сфера «Societe Generale»; страхование – «AXA Group»; «MunichRe»; табачная отрасль – «British American Tobacco», «Japan Tobacco»; телекоммуникации – «TeliaSonera»; фармацевтика – «Fresenius»; дистрибуция – «Aviva»; экспресс-доставка – «Deutsche Post»; пивная отрасль – «Heineken Holding», «Carlsberg»; молочная отрасль – «Danone»; общепит – «McDonald's»), 31% – на российские компании (напр., газовая – «Газпром», нефтяная отрасли – «Лукойл», телекоммуникации «АФК Система», банковская сфера – «ВТБ Банк»).

Значительная часть филиалов и представительств размещена в столице, что свидетельствует о том, что в XXI веке многофункциональный профиль Минска дополняется еще одной, чрезвычайно важной функцией – проводника в глобальную экономику. В 2010 г. в реальный сектор экономики Беларуси поступило 9,1 млрд. долл. иностранных инвестиций, из них ПИИ составили 61,3%.

Таблица 7

Распределение населенных пунктов Беларуси и численности проживающего в них населения по зонам радиоактивного загрязнения, 2010 [13]

Наименование зоны радиоактивного загрязнения	Количество населенных пунктов, в том числе городских	Численность населения, в том числе городского, тыс. чел
Зона последующего отселения	18/0	3,1
Зона с правом на отселение	480/5 (гг. Ветка, Наровля, Хойники, Чечерск, Славгород)	185,1/ 45,5
Зона проживания с периодическим радиационным контролем	1904/12 (гг. Лунинец, Микашевичи, Буда-Кошелево, Гомель, Добруш, Ельск, Речица, Василевичи, Ивье, Быхов, Чаусы, Чериков)	1120,4/ 690,4
Всего	2 402/17	1 308,6/ 735,9

Тенденции динамики объемов иностранных инвестиций в Минске характеризуется интенсивным ростом: в 2005 г. 869,8 млн. долл., в 2010 г. – 7 млрд. долл. Среди других регионов страны столица концентрирует наибольший объем инвестиций – 76,9%, доля ПИИ составляет 93,5 %. В целом, по индексу инвестиционной активности г. Минск занимает первую позицию среди регионов Беларуси [11].

Влияние техногенных катастроф на систему городского расселения Беларуси.

На современную структуру городского расселения Беларуси оказал большое влияние техногенный фактор – авария на Чернобыльской АЭС. По масштабам радиоактивного выброса она намного превзошла наиболее серьезные из предыдущих аварий. Радиоактивному загрязнению подверглась территория всех областей площадью 48,8 тыс. км² – Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской, или 23,5% площади территории республики (207,6 тыс. км²). Преодоление последствия является задачей государственной значимости для республики Беларусь. В стране была принята и реализована Государственная программа Республики Беларусь по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2006–2010 гг. и Концепция информирования по проблемам Чернобыльской катастрофы, которая направлена на создание системы информирования органов государственного управления и населения по проблемам последствий катастрофы.

По состоянию на 1 января 2008 г. в зонах радиоактивного загрязнения находилось 2614 населенных пунктов, в которых проживал 1308,6 тыс. чел., что составляло

13,5% всего населения Республики Беларусь. При этом на территориях наиболее пострадавших от аварии Гомельской и Могилевской областей – 1133,7 тыс. чел., то есть более 86% общего числа жителей населенных пунктов, отнесенных к зонам радиоактивного загрязнения [12].

В системе городского расселения Беларуси к городам, которые находятся в зоне радиоактивного загрязнения, относятся по стоянию на 2010 г.: 5 городов в зоне с правом на отселение и 12 городов – в зоне проживания с периодическим радиационным контролем (табл. 7).

Выводы. Таким образом, характер общей динамики городского расселения в Беларуси во второй половине XX – начале XXI вв. имеет такие специфические черты, как:

1) исторически обусловленный мелкогородской характер системы городского расселения, при котором в послевоенный период сформировалось только 4 новых города (Солигорск, Новополоцк, Светлогорск, Новолукомль);

2) положительный тренд общей динамики городского населения, обусловленный миграционным притоком и естественным приростом населения в крупных городах при убытках населения за счет естественного и механического движения в половине, в основном малых, городских поселений;

3) концентрация населения в крупных городах с численностью более 100 тыс. чел. (67 % всего городского населения), с запаздыванием качественных изменений и недостаточной социальной зрелостью городской среды, что замедляет процессы постиндустриальной трансформации;

4) доминирующая роль в системе городского расселения Минской столичной

агломерации (26% городского населения страны);

5) широкая распространенность городских поселений с аграрным, агропромышленным, туристско-рекреационным и природоохранным функциональным типом, характерным преимущественно в других странах для сельских поселений.

К наиболее общим пространственным особенностям урбанизации в Беларуси относятся:

1) сохранение региональных диспропорций в уровне урбанизации западных и восточных регионов при усиении тенденций формирования межрегионального «урбанизационно-коммуникационного» каркаса в зоне трансевропейских коридоров, который формируют исторически сложившиеся транспортные линии широтного и меридионального направлений (в узловых городских поселениях каркаса проживает 90% городского населения);

2) периферийное «внекентрическое» положение четырех из шести областных цен-

тров (Витебск, Гомель, Брест, Гродно) как по отношению к территории своих областей, так и страны в целом, что снижает эффективность региональных связей и частично смягчается развитием других региональных центров (Полоцка, Мозыря, Пинска, Барановичей и Лиды);

3) парное размещение ряда крупных городов (Полоцк-Новополоцк, Солигорск-Старобин, Мозырь-Калинковичи, Чашники-Новолукомль), что связано с выгодами их экономико-географического положения, стимулировавшего локализацию в них крупных промышленных, добывающих и энергетических предприятий в процессе межрайонного разделения труда.

Дифференцированная стратегия развития национальной системы городского расселения Беларуси [14] призвана смягчить сложившиеся диспропорции контрастности городского расселения и концентрации демографического потенциала.

Библиографический список

1. Красовский К. К. Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ: монография; Белорусский гос. ун-т, Брест, гос. ун-т. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 203 с.
2. Польский С.А. Демографические проблемы развития Минска. – Минск, 1976. – 152 с.
3. Antipova E., Fakeyeva L. Demographic revitalization of Belarusian cities // Abstracts of papers The Second Urban Regeneration Congress, Krakow, 12–14 September 2012, Institute of Urban Development, Krakow: IRM, 2010. – Р. 19.
4. Antipova E., Fakeyeva L. Settlement System of Belarus. Spatial and Temporal Trends at the End of 20th and the Beginning of the 21st Centuries // Journal of Settlements and Spatial Planning. – Vol. 3, No. 2/2012. – Р. 129–139.
5. Козлов Г.С., Павчинский Б.Р., Польский С.А., Харевский В.Я., Хасдан И.Г. Развитие научной концепции городского расселения // География и региональное развитие. – Минск, 1985. – С. 37–42.
6. Медведев В.Ф., Польский С.А. Планирование и регулирование роста городов (Белорусская ССР). – Минск, 1969. – 66 с.
7. Пирожник И.И. Пространственные аспекты урбанизации Беларуси / И.И. Пирожник // Вестник БГУ. Сер. 2. Химия. Биология. География. – 2000. – № 3. – С. 77–82.
8. Пирожник И.И., Польский С.А., Сенкевич И.И. Территориально-функциональные проблемы развития пригородной зоны Минска // Проблемы расселения в БССР. – 1980. – С. 104–112.
9. Польский С.А., Козлов Г.С. Социально-экономические проблемы урбанизации БССР // Природные и социально-экономические условия Белорусской ССР. – 1984. – С. 110–117 с.
10. BSR INTERREG III B project "Promoting Spatial Development by Creating COMon MINdscapes", 2011. – 58 р.
11. Пирожник И.И. Структурные сдвиги инвестиционных потоков в условиях глобализации // Материалы Международной научно-практической конференции «Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации (к 100-летию профессора Н.Т. Романовского)», 25–28 октября 2012 г., г. Минск, 2012. – С. 54–60.
12. Атлас современных и прогнозных аспектов последствий аварии на Чернобыльской АЭС на пострадавших территориях России и Беларуси. – М.–Минск, 2009. – 139 с.
13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 132 «Об утверждении перечня населенных пунктов и объектов, находящихся в зонах радиоактивного загрязнения, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь». Источник: <http://www.government.by/ru/>.
14. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь. – Минск, 2001. – С. 33.

ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАССЕЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Ridevsky G.V.

**CENTER-PERIPHERAL PROCESSES IN SETTLEMENT OF THE POPULATION
OF MODERN BELARUS**

Аннотация. В статье рассмотрены центр-периферийные процессы в расселении населения Беларуси, приводящие к непосредственной фундаментальной трансформации системы расселения страны и к опосредованной фундаментальной трансформации территориальных структур хозяйствования и природопользования. К основным центр-периферийным процессам отнесены: процессы метрополизации, проявляющиеся на национальном уровне, процессы регионополизации, проявляющиеся на субнациональном уровне внутриобластных систем расселения, и процессы локополизации, протекающие на уровне локальных кустовых и элементарных систем расселения.

Summary. Center-peripheral processes in settlement of the population of Belarus resulting in direct fundamental transformation of the country's settlement system and mediate fundamental transformation of territorial structures of economic and natural resource management are considered. Metropolisation, regionopolisation, and locopolisation processes which become apparent at a national level, the subnational level of intraregional settlement systems, and the level of local sectional and elementary settlement systems, respectively, are attributed to the main center-peripheral processes.

Ключевые слова: центр-периферийные процессы, метрополизация, регионополизация, локополизация, расселение.

Keywords: Center-peripheral processes, metropolisation, regionopolisation, locopolisation, settlement.

Изучение центр-периферийных процессов, т.е. процессов поляризации географического пространства, в результате которых происходит дифференциация территориальных структур с образованием центров и окружающих их периферийных территорий, в социально-экономической географии имеет давние традиции. К одному из первых опытов подобного исследования можно отнести модель И. Тюнена, позволившую на примере «изолированного государства» выявить явление общественно-географической или узловой зональности. Большой вклад в исследование центр-периферийных процессов внесли В. Кристаллер и А. Лёш – главные создатели теории «центральных мест», Т. Хагерстранд с его теорией «диффузии инноваций», Ф. Перу – автор теории «полюсов роста» и «центров развития» и другие исследователи. Однако, к подлинному революционному буму исследований стран и регионов на основе модели «центр-периферия» привела публикация в 1966 г. книги Дж. Фридмана «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» [1].

После публикаций И. Валлерстайна в начале 70-х годов XX в. [2], заложившего основы мир-системной концепции, т.е. распространившего идею изучения центр-периферийных процессов и отношений на мировой уровень с

социологических, исторических и экономических позиций, можно говорить о становлении центр-периферийного подхода как общенаучного подхода к исследованиям многообразных явлений и процессов окружающего мира, который широко используют политологи, археологи, социологии, географы, экономисты и представители других наук.

В данной работе центр-периферийные процессы, активно протекающие на глобальном уровне как развитие мировых городов и формирование трёх основных центров мировой экономики, не рассматриваются, поскольку настоящая статья посвящена центр-периферийным процессам, происходящим на национальном, субнациональном (уровне внутриобластных систем расселения применительно к Беларуси) и локальном уровнях.

В зависимости от иерархического уровня в Республике Беларусь можно выделить три основных центр-периферийных процесса, т.е. три разновидности процесса поляризации (концентрации-деконцентрации): метрополизация, регионополизация и локополизация. Антиподами соответствующих процессов являются процессы деконцентрации, которые также проявляются на страновом, региональном и локальном уровнях. Из-за ограниченного объёма, в данной публикации подобные

процессы и их результаты (разуплотнения населения, снижение экономического потенциала и т.д.) не рассматриваются.

Метрополизацию, как процесс преимущественного роста численности единственного городского центра – метрополиса (как правило, столицы), относительно всего населения страны, выделял один из крупнейших теоретиков советской социально-экономической географии Э.Б. Алаев [3].

В понятийно-терминологическом словаре по социально-экономической географии у Э.Б. Алаева упоминается и термин «региополизация» [3, с. 206], под которым он понимал рост численности населения в региональном центре – региополисе.

Метрополизация и региополизация у Э.Б. Алаева – формы урбанизации. Однако на наш взгляд, метрополизация и региополизация – это процессы не только преимущественного роста населения ведущего странового или регионального центра, но и диверсифицированные процессы повышения роли городского центра в социально-экономическом, демографическом, социокультурном и экологическом развитии страны или региона. В силу этого, с 2004 г. мы предпочитаем использовать термин «регионополизация» вместо «региополизация» и «регионополис» вместо «региополис» [4], учитывая тот факт, что оба термина в их значении по Э.Б. Алаеву не стали широкоупотребительными и около 30 лет с момента издания понятийно-терминологического словаря находятся в пассивном терминологическом багаже экономико-географов, а понятия «регионополис» и «регионополизация» более чётко отражают региональное звучание вышеназванных терминов и имеют более широкое содержание.

На локальном или топическом уровне также активно протекают процессы поляризации, в результате которых повышается роль местных региональных центров в развитии возглавляемых ими территориальных систем. Эти процессы можно определить термином «локополизация», а центр локального роста назвать «локополисом» (термин – результат сочетания латинского слова «локалис» – «местный» и древнегреческого слова «полис» – «город»).

В Республике Беларусь на локальном уровне можно выделить несколько систем расселения: элементарную, т.е. соответствующую повседневному ареалу жизнедеятельности населения того или иного сельского или

малого городского населённого пункта, и кустовую, т.е. объединяющую несколько местных систем расселения. Кустовые системы расселения в условиях современной Беларуси в большинстве случаев совпадают с границами административных районов. В силу этого на локальном уровне локополизация – преимущественное развитие городских поселений – центров административных районов и иных малых городских или сельских поселений, имеющих в основном статус агрогородков.

Процессы метрополизации, регионополизации и локополизации выступают как сквозные, т.е. тесно взаимосвязанные процессы трансформации территориальной структуры расселения, хозяйства и природопользования. В результате создаётся иерархическая система центров и периферийных территорий. Минск, будучи единственным метрополисом по отношению ко всей территории страны, одновременно выступает в качестве регионополиса для центральной части Беларуси и локополиса для Минского района, как кустовой системы расселения.

Говорить о центр-периферийных процессах по отношению к территориальным структурам расселения, хозяйствования и природопользования современной Беларуси можно с середины 60-х – начала 70-х годов XX в. по двум причинам.

С середины 60-х годов XX в. в основном сложилась практически неизменная система базовых единиц административно-территориального деления (АТД) – административных районов.

В начале 70-х годов XX в. из-за быстрого роста Минска и создания электрофицированных железнодорожных магистралей зона его пространственного тяготения существенно расширилась с 50–60 до 100–120 км. Резкое пространственное расширение Минской системы расселения и поглощение ею Молодечненской и Борисовской систем расселения стало последним кардинальным процессом, трансформировавшим территориальную структуру расселения Беларуси за последние 50 лет. С этого времени в стране неизменно существуют 15 внутриобластных систем расселения.

Однако, исследование центр-периферийных процессов даже за последние 40–50 лет в разрезе районов и городских поселений вызывает существенные трудности в силу очевидной слабости региональной статистики и труднодоступности большинства

необходимых статистических показателей для целей регионального анализа. Поскольку статистика численности населения в разрезе городских поселений и административных районов наиболее доступна, именно эти показатели позволяют проследить трансформацию территориальных структур расселения и на их основе косвенно судить о трансформации территориальных структур хозяйствования и природопользования.

С начала 70-х годов XX в. прошло пять переписей населения (1970, 1979, 1989, 1999, 2009 гг.), данные которых могут быть надёжным источником изучения трансформации территориальных структур расселения Беларуси на основе центр-периферийной модели.

Метрополизацию в Беларуси за последние 40 лет по данным переписей населения и по данным текущего учёта характеризует табл. 1.

Существенно выше доли в населении страны вклад Минска в ВВП Беларуси. В 2011 г. валовой региональный продукт Минска в ВВП Республики Беларусь составил более 24,8%. Ускоренные темпы метрополизации в Беларуси в последние постсоветские десятилетия объясняются существенным расслоением регионов страны по качеству и уровню жизни населения, при этом Минск как столица государства по вышеназванным показателям выгодно отличается от других регионов Беларуси.

В процессе регионализации Беларуси на её территории к началу 70-х гг. XX в. сформировалось 15 внутриобластных систем расселения. Поскольку процессы расселения населения, хозяйственной деятельности и природопользования тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, можно говорить о практически полном совпадении территориальных структур расселения, хозяйствования и природопользования в виде территориальных социально-эколого-экономических систем (СЭЭС) [7, с. 34–36].

Основа формирования и развития СЭЭС – возникновение и развитие городских центров, т.е. узлов расселения, хозяйствования и природопользования. Структурно каждая

СЭЭС состоит из организующего относительно крупного городского центра и окружающих его мелкогородских и сельских периферийных территорий.

Делимитация границ СЭЭС методами узлового районирования позволяет рассматривать СЭЭС в качестве социально-эколого-экономических районов (СЭЭР). СЭЭР (рисунок), концентрируя значительную часть населения и экономического потенциала в своем городском центре, обладает относительно сбалансированным ресурсным потенциалом, поскольку периферийные территории имеют значительный природно-ресурсный потенциал. Сбалансированность ресурсного потенциала, предопределяющую возможность его воспроизводства, следует рассматривать как конфигуратор границ СЭЭР. В силу сбалансированности ресурсного потенциала СЭЭР выступают в качестве основных регионов, способных обеспечить устойчивое развитие на длительную перспективу. Возможность разработки и эффективной реализации в границах СЭЭР стратегий перехода к устойчивому развитию позволяет рассматривать их как потенциальные единицы АТД, ориентированные на устойчивое развитие [7, с. 64–67].

15-ти внутриобластным системам расселения современной Беларуси соответствует 15 СЭЭР (рис. 1). Все СЭЭР как связные (интегрированные) территориальные структуры расселения, хозяйствования и природопользования современной Беларуси по наличию главных организующих центров – региональных центров и полисов можно разделить на моноцентрические – с одним доминирующим региональным центром и полицентрические – с двумя или тремя регионополисами. Моноцентрическими являются 13 СЭЭР Беларуси. При этом центрами двух моноцентрических СЭЭР являются «парные», т.е. практически сросшиеся города Полоцк-Новополоцк и Мозырь-Калинковичи.

К числу полицентрических СЭЭР относятся только Солигорский СЭЭР (второй региональный центр Слуцк) и Кричевский

Метрополизация территориальной структуры расселения Беларуси в 1970–2011 гг.

Таблица 1

Доля г. Минска в численности населения Беларуси, %					
1970	1979	1989	1999	2009	2011
10,1	13,2	15,7	16,7	19,3	19,7

Примечания: 1) для расчетов использовались данные о численности населения г. Минска и Республики Беларусь на первый день переписей 1970, 1979, 1989, 1999 и 2009 гг. и на 01.01.2011 г. по данным текущего учёта; 2) рассчитано по [5, 6].

Рис. 1. Социально-экологово-экономические районы Республики Беларусь [8]

Границы: А – административных районов, Б – СЭЭР.
Города: В – центры СЭЭР – регионополисы, Г – субрегиональные центры

СЭЭР. В Кричевском СЭЭР, кроме главного регионополиса Кричева, имеются два других регионополиса – города Климовичи и Костюковичи, обладающие соизмеримыми с Кричевом экономическим и демографическим потенциалами.

Данные табл. 2 убедительно свидетельствуют, что регионополизация стала главным процессом трансформации территориальной структуры расселения, а значит и хозяйствования и природопользования Беларуси. При этом регионополизация носит характер повсеместного и закономерного процесса. В регионополисах на начало 2011 г. проживало уже около 53,3% всего населения страны.

В большинстве СЭЭР современной Беларуси происходит регressiveная регионополизация, т.е. доля регионополисов в населении СЭЭР продолжает увеличиваться, но население самого регионополиса при этом сокращается. Регressiveная регионополизация отмечается в силу того, что население регионополиса сокращается существенно медленнее населения его периферийных террито-

рий. В ряде СЭЭР, например, Гродненском, Брестском, Минском продолжается прогрессивная регионополизация, при которой и численность населения регионополиса, и его доля в населении региона продолжает расти.

В границах СЭЭР активно протекают процессы агломерирования – формирования городских агломераций. Особенно активно этот процесс идет в Минском, Гомельском, Витебском, Оршанском, Полоцком и Мозырском СЭЭР. Агломерирование, согласно Э.Б. Алаеву, процесс концентрации, сопровождающийся территориальным расширением ядра концентрации, приводящих к появлению агломерации [3, с. 90], другими словами – это особый центр-периферийный процесс, проявляющийся в сочетании с процессами метрополизации, регионополизации и локополизации (сельская агломерация) на страновом, региональном и локальном уровнях.

Рассматривая процессы агломерирования в качестве центр-периферийных процессов особого рода, все центр-периферийные процессы можно разделить на две группы: территориально-структурированные, т.е. про-

Таблица 2

Регионополизация в социально-эколого-экономических районах Беларусь в 1970–2011 гг.

Социально-эколого-экономические районы	Доля региональных центров в численности населения, %					
	1970	1979	1989	1999	2009	2011
Брестский	21,6	29,3	37,9	40,2	44,9	45,8
Барановичский	18,4	23,6	28,6	30,2	33,8	34,5
Пинский	15,5	21,8	28,3	31,5	34,3	35,2
Витебский	48,1	56,7	62,0	63,6	70,2	71,3
Оршанский	32,4	37,4	40,7	42,0	51,6	52,5
Полоцкий	21,2	28,5	29,1	35,2	44,6	45,6
Гомельский	35,4	45,4	53,9	56,5	61,1	61,9
Мозырский	16,5	24,7	34,4	41,4	45,9	46,9
Гродненский	25,2	34,8	44,4	47,8	55,0	56,6
Лидский	13,8	19,7	27,8	31,5	35,7	36,7
Минский	38,8	47,0	52,3	54,5	59,1	59,7
Солигорский	20,7	30,2	40,2	44,7	49,7	50,6
Могилёвский	38,8	51,8	59,5	61,8	66,5	67,3
Бобруйский	22,3	29,8	32,2	32,7	34,9	35,4
Кричевский	15,4	21,2	26,8	31,2	35,7	35,9
Республика Беларусь	29,0	37,7	44,8	47,3	52,4	53,3

Примечания: 1) в качестве региональных центров Мозырского и Полоцкого СЭЭР рассматривались парные города Полоцк-Новополоцк, Мозырь-Калинковичи; 2) в качестве региональных центров полисцентрических Солигорского и Кричевского СЭЭР рассматривались, соответственно, города: Солигорск и Слуцк; Кричев, Климовичи и Костюковичи; 3) в качестве региональных центров Республики Беларусь рассматривались региональные центры всех СЭЭР; 4) рассчитано по [5, 6].

являющиеся на территории определённого иерархического уровня (олигополизация – формирование мировых городов, метрополизация, регионополизация, локополизация и т.д.) и территориально-индифферентные (сквозные или эластичные) – проявляющиеся на глобальном, страновом, региональном и локальных уровнях (агломерирование).

В 10-ти СЭЭР Беларусь можно выделить субрегиональные центры, т.е. городские поселения, имеющие явно выраженные межрайонные функции и помогающие регионополисам «держать» территорию. Субрегиональные центры, в отличие от прочих регионополисов полисцентрических СЭЭР, существенно уступают регионополисам как по величине экономического потенциала, так и по численности населения. В большинстве СЭЭР Беларусь один субрегиональный центр (бицентр), в Брестском СЭЭР два субрегиональных центра, а в Минском и Бобруйском СЭЭР сложилась целая система субрегиональных центров. Наличие в СЭЭР субрегиональных центров – фактор способствующий активизации процессов агломерирования.

Процессы регионополизации приводят и к существенному повышению роли субрегиональных центров в региональном развитии. Повышение роли субрегиональных центров

в развитии регионов можно назвать субрегионализацией. В субрегиональных центрах на начало 2011 г. проживало около 10,0% всего населения Беларусь [6].

Частным проявлением регионополизации, наряду с субрегионализацией, является агрополизация.

Агрополизация – процесс концентрации сельского населения и аграрного производства в пригородных районах регионополисов. Доля пригородных районов регионополисов во всём сельском населении Беларусь с 1970 по 2011 гг. повысилась с 22,2 до 26,2% [5, 6]. Растёт доля пригородных районов и в производстве ряда видов сельскохозяйственной продукции (мяса, яиц, картофеля, овощей).

В результате процессов регионополизации не только явственно проявляется регионализация территории (расслоение территории страны на субнациональные регионы – СЭЭР), но и происходит расслоение внутрирегионального пространства. Расслоение внутрирегионального пространства проявляется не только как процесс дифференциации территорий по социально-экономическому потенциалу и особенностям природопользования, но и как процесс расслоения территорий в составе СЭЭР по проблемам

Таблица 3

Локополизация в административных районах Беларуси в 1970–2011 гг.

	1970	1979	1989	1999	2009	2011
Доля административных центров в численности населения районов Беларуси, %	40,6	52,2	62,5	66,1	71,3	72,1
Число районов с долей населения административного центра более 80,0%	1	6	7	9	11	11
Число районов с долей населения административного центра 50,1–80,0%	13	14	23	26	36	38
Число районов с долей населения административного центра 30,1–50,0%	13	19	43	51	56	56
Число районов с долей населения административного центра 30,0% и менее	90	78	44	32	15	13
Общее число районов в Республике Беларусь	117	117	117	118	118	118

Примечания: 1) города областного подчинения и г. Минск включались в состав районов, центрами которых они являются; 2) в качестве центра Смолевичского района условно рассматривался город областного подчинения Жодино; 3) рассчитано по [5, 6].

развития, уровню и качеству жизни населения, качеству самого населения (возрастной структуре, уровню образования, уровню здоровья и т.д.). В результате, в границах СЭЭР можно выделить регионы экономического ядра, экономической полупериферии и экономической периферии.

Процессы локополизации на уровне административных районов отражает таблица 3. В центрах расселения всех уровней, кроме центров элементарных систем расселения, на начало 2011 г. проживало 72,1% всего населения Беларусь, в том числе в метрополисе – 19,7%, в регионополисах – 33,6% (без г. Минска), субрегиональных центрах – 10,0%, в малых городских поселениях – центрах кустовых систем расселения – 8,8% [6]. Доля населения регионополиса или локополисов разных иерархических уровней может быть одним из индикаторов целостности возглавляемых ими систем расселения.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что центр-периферийные процессы в расселении населения страны – важнейшая закономерность территориального развития Беларусь, приводящая к непосредственной фундаментальной трансформации территориальных структур расселения, а косвенно – и к фундаментальной трансформации территориальных структур хозяйствования и природопользования. Учёт центр-периферийных процессов, как процессов поляризации (концентрации-деконцентрации) территориального развития страны на национальном, региональном и локальном уровнях – необходимый элемент разработки национальной и региональных стратегий перехода к устойчивому развитию, а также основа для разработки концепций модернизации АТД государства в целях устойчивого развития как главной стратегической и политической задачи современной Беларусь.

Библиографический список

1. Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela – MIT Press, 1966. – 279 р.
2. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Спб., 2001. – 416 с.
3. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. – М., 1983. – 350 с.
4. Ридевский Г.В. Регионополизация территориальной структуры хозяйства и расселения Республики Беларусь // Северо-западная Россия: проблемы экологии и социально-экономического развития. – Псков, 2004. – С. 304–306.
5. Население Республики Беларусь: его численность и состав. Перепись населения, 2009. Т. 2. – Минск, 2010. – 414 с.
6. Регионы Республики Беларусь, 2011. – Минск, 2011. – 811 с.
7. Ридевский Г.В. Территориальная организация Республики Беларусь: социально-экологическая модель перехода к устойчивому развитию. – Могилёв, 2007. – 525 с.
8. Ридевский Г.В. Социально-экологическое районирование Республики Беларусь // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии. – Псков, 2003. – С. 87–96.

СТРУКТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СДВИГИ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Todieva M.V.

STRUCTURAL AND TERRITORIAL SHIFTS IN THE ECONOMIC COMPLEX OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Аннотация. Постсоветский период развития Республики Молдова характеризуется значительными структурными изменениями в её хозяйстве, которые в большой степени обусловлены новыми изменившимися социально-экономическими и политическими условиями в стране. Протекание таких кризисных процессов в хозяйственном комплексе как деиндустриализация, деградация имеет ярко выраженный региональный характер. В статье рассматриваются структурно-территориальные сдвиги в производственном секторе Республики Молдова на различных территориальных уровнях – страновом, экономических и административных районов.

Abstract. Considerable structural changes in the economy of the Republic of Moldova describe its post-soviet period of development. To a large extend the changes are conditioned by new social, economical and political circumstances in the country. Such processes as the decrease of industrial production and economical degradation have an evident regional pattern. Structural and territorial changes in the production branch of economics of the Republic of Moldova in accordance with different territorial levels: the country level, local economical regions, administrative districts – are in focus of this paper.

Ключевые слова: производственный сектор, структурно-территориальный сдвиг, постсоветский период, районы, Республика Молдова.

Key words: production branch of economics, structural and territorial change, postsoviet period, region, the Republic of Moldova.

Введение. Новые экономико-политические условия, в которых оказалась Республика Молдова после распада СССР, привели к значительной структурной трансформации хозяйства страны. Основным фактором, усугубившим постсоветское развитие экономики страны, стал повсеместный разрыв традиционных производственно-технических и хозяйственных связей, которые складывались на территории всего советского пространства благодаря целенаправленным процессам территориального разделения труда. Усилило этот процесс и отсутствие на территории Республики Молдова (РМ) собственных источников сырья и энергии. В наибольшей степени пострадал промышленный комплекс страны, сформированный в советский период. Создаваемая в условиях дешевых ресурсов советского периода, энерго- и материалоёмкая продукция в новой социально-экономической обстановке оказалась мало конкурентоспособной на мировом рынке. Наряду с внешними неблагоприятными факторами развития хозяйства страны исследователи выделяют и внутренние (так называемые субъективные) причины упадка отраслей экономики в период перестройки – нестабильное и противо-

речивое законодательство в начале 90-х гг. прошлого века, проводимые реформы разгосударствления, налоговые и административные барьеры, ограничивающие деятельность предприятий, вооруженный конфликт в Приднестровье и т.д. [1].

Одним из проявлений кризиса в производстве страны явилось значительное сокращение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, что в свою очередь привело к структурным изменениям в хозяйстве. Общественные тенденции этих процессов имеют различную пространственную проекцию на территории отдельных районов страны, что связано с их специфическими свойствами – экономико-географическим положением, природно-климатическими особенностями, наличием производственных фондов, созданных в советский период и др.

Столь значимые структурно-территориальные сдвиги требуют изучения. Большинство имеющихся по данной теме работ охватывают только страновой уровень, хотя и существуют исследования по современной характеристике различных отраслей хозяйства отдельных экономических районов страны, не рассматривая долгосрочную динамику [6].

Сравнительный анализ производственного сектора экономики по административным районам не проводился. Кроме того, территория непризнанной Приднестровской Молдавской Республики в большинстве случаев остается за рамками исследований, что не позволяет дать целостного представления о хозяйстве Молдавии.

В статье представлены результаты анализа региональных особенностей трансформационных процессов в хозяйственном комплексе Республики Молдова за период с 1992 по 2005 гг.

В основу классификации административных районов страны было положено соотношение между душевыми объемами сельскохозяйственного и промышленного производства. Под суммой объемов сельскохозяйственного и промышленного производства понимается производственный сектор экономики. Выделялись следующие типы административных районов: аграрные (более 75% от объема производственного сектора экономики составляет сельскохозяйственное производство, в тексте – А); аграрно-индустриальные (от 75 до 50%, АИ); индустриально-аграрные (от 50 до 25%, ИА); индустриальные (менее 25%, И). В каждом из выше названных типов выделялись подтипы, в зависимости от показателей сельскохозяйственного и промышленного производств. В результате, в работе были рассмотрены 18 возможных типов.

В связи с административно-территориальными преобразованиями, которые произошли в Молдавии в течение 1990-х годов, в ходе исследования возник вопрос о соотнесении административно-территориальных сеток советского и настоящего времен. На мезоуровне в работе было принято решение использовать сетку районирования советского времени [3] и «не разрывать» относительно цельную к настоящему времени территорию Приднестровской Республики. Тем самым вместо Юго-восточного экономический района в работе рассматривалась Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). В результате, принятая следующая сетка – Северный район в составе районов советской сетки районирования, кроме Каменского и Рыбниковского районов, вошедших в состав ПМР; Центральный в полном составе районов советской сетки; ПМР в составе пяти районов Левобережья;

и Южный, включающий районы Южного экономического района советской сетки с добавлением Штэфан-Водского административного района.

Временной интервал исследования выбран не случайно – наложенное в 2006 г. эмбарго на винодельческую продукцию страны ощутимо повлияло на ее экономику, а в особенности на производственный сектор. Для более объективной оценки тенденций постсоветского развития страны в исследовании используются данные 2005 г.

Структурные изменения в производственном секторе на уровне экономических районов. Производственный сектор экономики Молдавии в период независимости претерпел значительный упадок, который проявляется, прежде всего, в сокращении абсолютных показателей. Так, с 1992 по 2010 гг. объем промышленного производства сократился более чем в 2,5 раз, сельскохозяйственного – в 1,6 раз. При этом различные более высокие темпы снижения объемов промышленности, чем в сельском хозяйстве определили структурные изменения в реальном секторе в сторону увеличения доли сельского хозяйства. Так, соотношение объемов производства сельского хозяйства к объемам производства промышленности составило в 1992 г. 0,75, а в 2010 г. – 1,26.

Экономика Республики стала терять индустриальный характер уже в 1995 г., когда доля промышленности в производстве ВВП снизилась до 31,8%, капитальных вложений – в 10 раз, численность занятых в промышленности – на 51%. Таким образом, с этого периода можно считать производственный сектор страны агро-индустриальным. Формальный «возврат к индустриально-аграрному типу произошел только в 2007 г., когда на территории РМ наблюдалась масштабная засуха, приведшая к сокращению объема сельскохозяйственного производства в 1,5 раза.

Несмотря на малые размеры страны, территория РМ весьма неоднородна по ряду исходных параметров (природно-климатические условия, национальный состав населения и т.д.). По этой причине тенденция перехода реального сектора экономики от индустриально-аграрного к аграрно-индустриальному, которая наблюдалась в период независимости, имеет различную пространственную проекцию на территории страны.

Построенные распределения по душевым объемам промышленного и сельскохозяйственного производства для административных районов отдельных экономических районов для 1992 и 2006 гг. это демонстрируют (рис. 1, 2).

Выделяются следующие основные направления трансформации производственного сектора экономики в период с 1992 по 2005 гг.:

- На территории трех из четырех районов (Северного, Центрального и Южного) наблюдается сокращение абсолютных объемов реального сектора, причем темпы спада фактически одинаковые для всех районов (-50%). Только ПМР сумела сохранить прежние объемы производства, но исключительно за счет роста объемов промышленности – доля индустриального типа составляет около 78%.
- На территории Северного, и Южного экономических районов наблюдается деиндустриализация, которая характеризуется сокращением объемов производства индустриальными и индустриально-аграрными типами районов более, чем на 40%. В результате процесса закрытия большинства рынков сбыта готовой продукции, добавленная стоимость производимого территориями сельскохозяйственного сырья остается очень низкой – в настоящее время на 1,0 лей продукции сельского хозяйства приходится около 0,5 лея продукции пищевой промышленности, причем это соотношение уменьшилось по сравнению с нач. 1990-х гг. почти на 70%.
- На территории Центрального района, наблюдается процесс вынужденной индустриализации – увеличение доли промышленного производства при резком сокращении сельскохозяйственного производства.
- Наблюдается тенденция замещения наиболее развитых подтипов с индексами более 1 менее развитыми. Так, например, в Центральном районе индустриальный тип структуры с индексом 3 полностью был сменен на тип с индексом 1. Индустриально-аграрный тип, представленный в 1992 г. четырьмя различными подтиповыми, в 2005 г.

сократился до двух наименее развитых с индексами 1 и 2.

- Вышеуказанные тенденции явились причиной упрощения типологической структуры производственного сектора районов, т.е. повсеместного сокращения набора типов и подтипов структур, что является одним из показателей ее деградации.

Таким образом, все выделяемые в работе районы значительно изменили структуру производственного сектора в рамках выделяемых типов за постсоветский этап развития страны. Центральный район и ПМР увеличили долю индустриальных и индустриально-аграрных типов более чем на 20%. На первых взглядах одинаковые тенденции обусловлены разными причинами. В ПМР прирост сопровождается соответствующим ростом абсолютных объемов, в то время как на большей части Центрального района происходит «ложная» индустриализация – увеличение доли промышленности на фоне снижения ее абсолютных показателей и еще более резкого снижения сельского хозяйства, т.е. перемещение районов из аграрно-индустриального в индустриально-аграрный и индустриальный типы. В Северном и Южном районах, как территориях с наибольшей природной рентой, основным вектором трансформации явился переход из индустриально-аграрного типа в аграрный.

В результате, с 1992 по 2005 гг. типологическая структура производственного сектора по всем экономическим районам постепенно приобрела практически симметричный вид – на все четыре типа (А, АИ, ИА, И) приходится примерно по 25%. В 1992 году структура была «вытянута» в сторону индустриально-аграрного и аграрно-индустриального типов, на которые приходилось около 70% всего производства страны. Соразмерность всех четырех типов производственной структуры 2005 года корректируется структурой по численности населения – так, в аграрных районах проживает более 65% численности всего населения страны.

Структурно-территориальные сдвиги на уровне административных районов. Только в трети районов страны за постсоветский период наблюдалось увеличение доли промышленности в производственном секторе. При этом объективный (положительный)

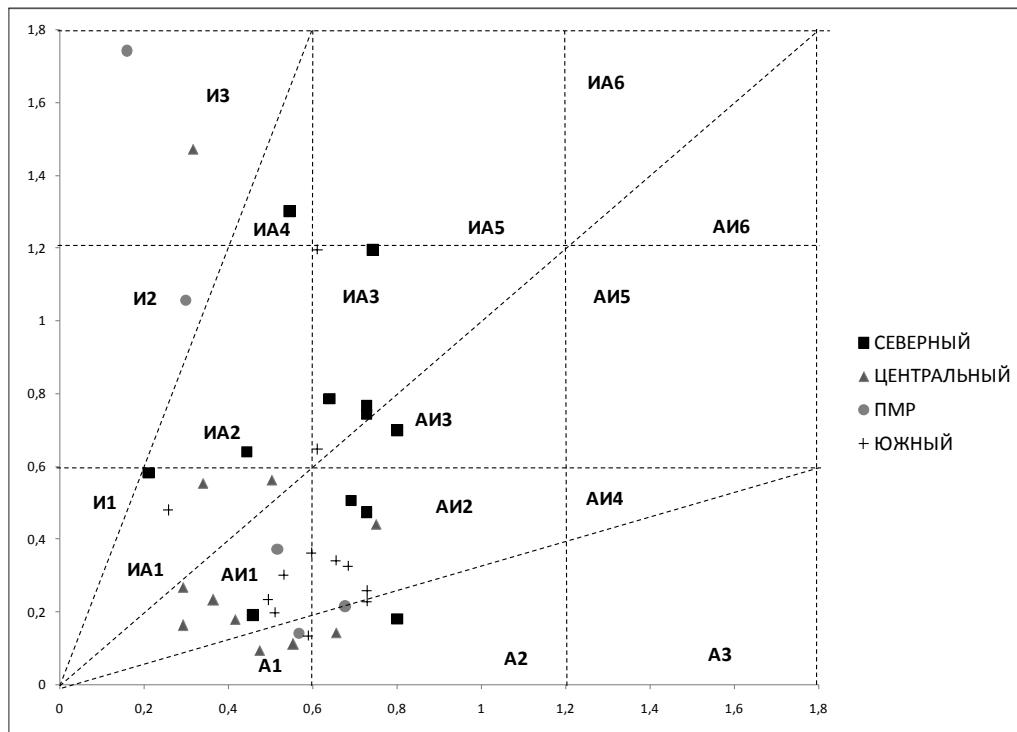

Рис. 1. Распределение административных районов Молдавии по душевым объемам сельскохозяйственного (горизонтальная ось, тыс. долл. США/чел.) и промышленного (вертикальная ось, тыс. долл. США/чел.) производств в 1992 г.
Источник: Составлено автором по [2, 4, 5].

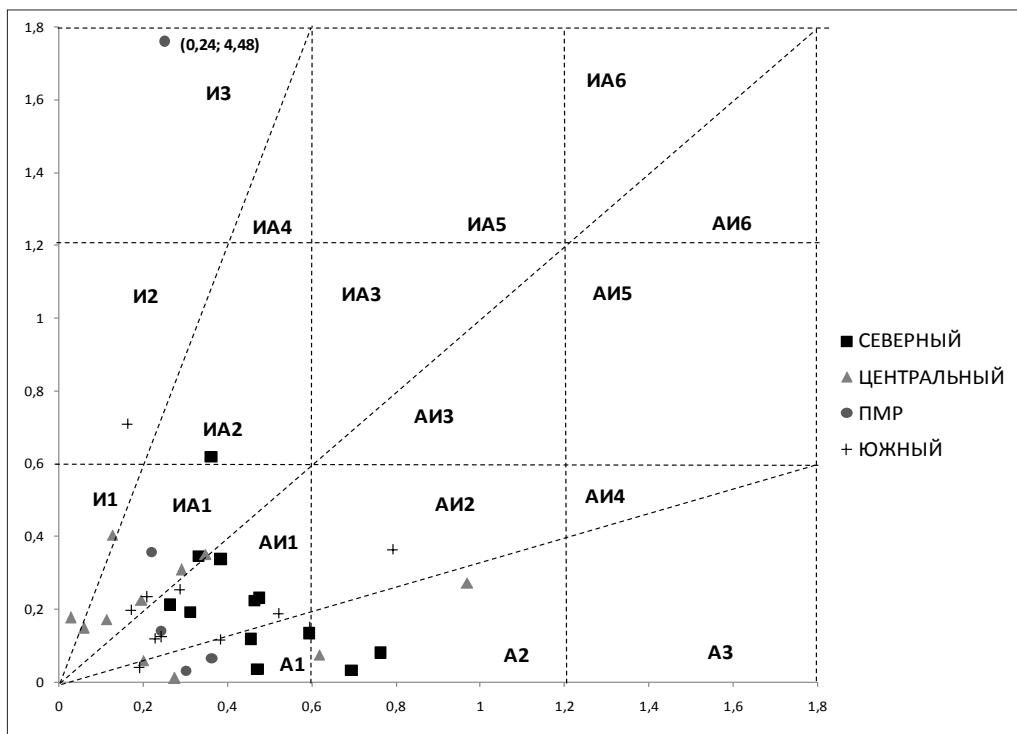

Рис. 2. Распределение административных районов Молдавии по душевым объемам сельскохозяйственного (горизонтальная ось, тыс. долл. США/чел.) и промышленного (вертикальная ось, тыс. долл. США/чел.) производств в 2005 г.
Источник: Составлено автором по [2, 4, 5].

Таблица 1

Показатели Индексов сдвига для отдельных административных районов Республики Молдова за 1992–2005, %

Административный район	Индекс сдвига 1992–2005, %		
	душевого объема сельскохозяйственного производства	душевого объема промышленного производства	Доли промышленности в структуре производственного сектора
Хынчештский	-79,7	54,9	261,8
Вулканештский	-77,8	211,2	177,3
Резинский	-21,4	224,0	115,0
Яловенский	-65,3	74,1	95,5
Рыбницкий	54,2	157,4	3,5
Страшенский	19,1	115,0	39,9
Ниспоренский	-93,4	-2,3	185,5
Каларашский	-80,0	-44,2	50,4

Источник: Составлено автором по [2, 4, 5].

сдвиг, т.е. сопровождающийся не только увеличением доли промышленности в структуре реального сектора, но и приростом душевых абсолютных показателей, наблюдается в 17% районов страны.

Объективные положительные сдвиги в структуре реального сектора на территории Республики Молдова за период независимости наблюдались в двух типах административных районов (табл. 1, рис. 3):

- экспортноориентированных (Рыбница, Вулканештский, Резинский);
- расположенных вблизи столичной агломерации (Страшенский, Яловенский, Хынчештский);
- фактор экспортной направленности более стимулирует сдвиг в сторону индустриального типа, чем агломерационный – значения индекса сдвига промышленности в таких районах больше в среднем на 115%. Производства, обеспечивающие столь динамичное развитие промышленности в Рыбнице (металлургический и цементный завод) и Резинском (цементный завод) районах были созданы в советское время, но обновлены иностранным капиталом в середине 1990-х гг. В Вулканештах в 1998 г. был создан производственный парк (около 20 промышленных предприятий).

Второй тип территорий с положительным направлением сдвига в реальном секторе экономики – районы, находящиеся в близости Кишинева – крупнейшего муниципия страны, концентрирующего в себе около 20% численности всего населения страны (вклю-

чая территорию ПМР). На территории всех трех районов наблюдается переход от аграрного типа структуры производственного сектора к аграрно-индустриальному (Страшенский, Хынчештский районы) и к индустриальному (Яловенский) (рис. 1, 2). Относительно высокое качество инфраструктуры, развитость кредитно-финансовой сферы, наличие квалифицированных ресурсов в столичной агломерации стимулируют развитие производств, ориентированных на местный рынок. Кроме того, высоким темпам этого перехода благоприятствовала специализация территорий на производстве вина, на которое в 2005 году приходилось около 90% всего экспорта страны (без учета ПМР).

В настоящее время среди всех крупных городов страны только столичная агломерация является фактором привлечения инвестиций в развитие промышленности прилегающих территорий. Благоприятное влияние второго по численности столичного региона страны – города Тирасполя – на развитие промышленности близлежащих районов пока малоощущимо.

Особенностью рассмотренных выше двух типов территорий с положительными сдвигами в структуре производственного сектора является отрицательная динамика сельскохозяйственного производства. Лишь Рыбницкому и Страшенскому районам удалось повысить душевые объемы сельскохозяйственного производства (табл. 1). Это ставит вопрос о диспропорции в развитии производственных секторов территорий. Положительная динамика промышленных производств этих районов

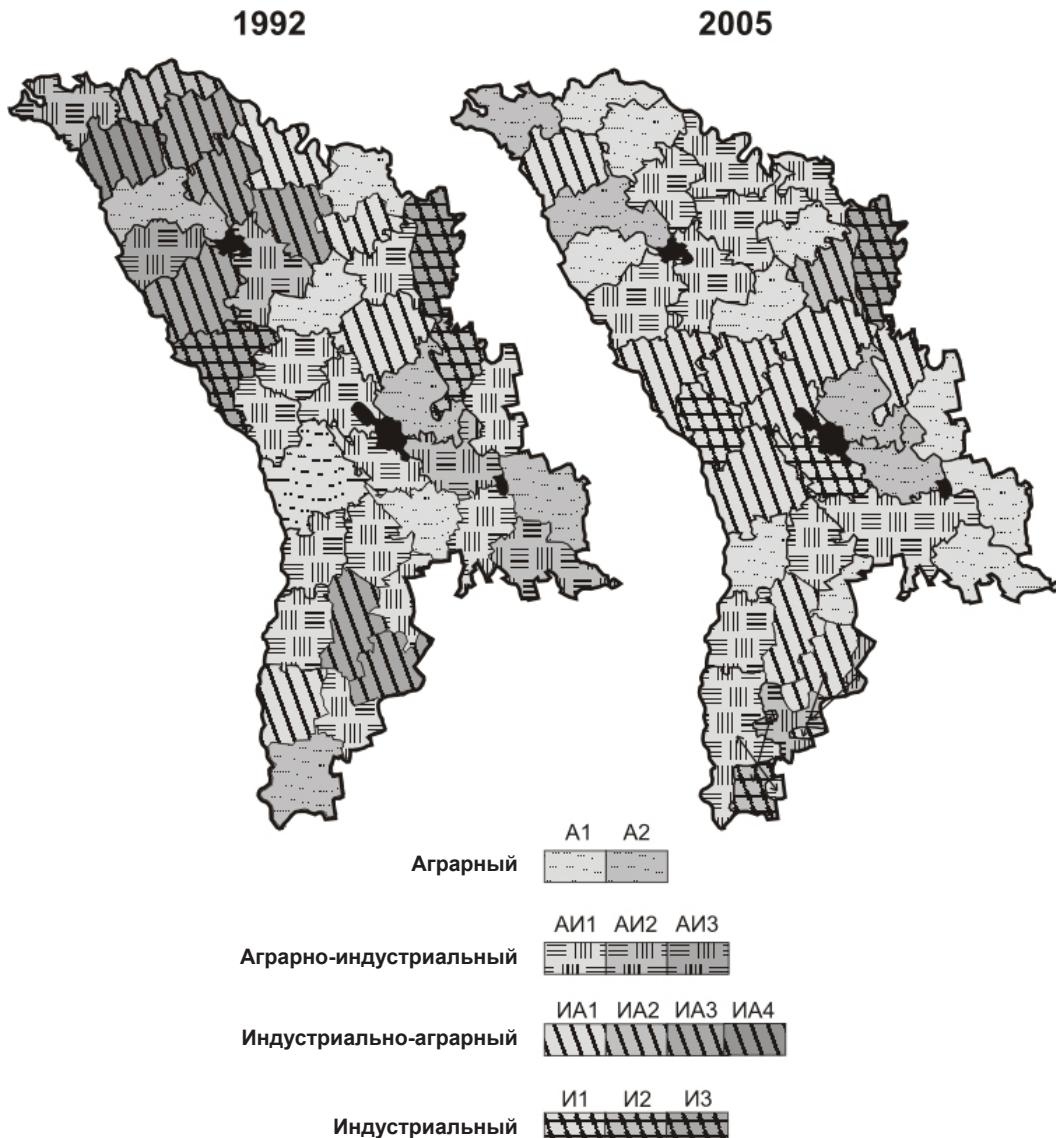

Рис. 3. Динамика типологической структуры производственного сектора экономики административных районов Республики Молдова

Источник: Составлено автором по [2, 4, 5].

на протяжении постсоветского периода не стимулировала положительные тренды в развитии сельского хозяйства, что обусловлено, в первую очередь, преобладанием непищевых производств.

В результате, сравнивая душевые показатели производств двух типов территорий, нужно отметить, что фактор наличия на территории экспортноориентированного производства в период независимости явился более мощным стимулом развития промышленности, чем близость крупного центра

(рис. 1, 2). «Скачок» сдвига в них намного сильнее: реальный сектор Резинского района совершил переход из типа АИ1 в ИА2, Булканештский из А2 в И2, в то время как столичные территории характеризуются в настоящее время типами производственных секторов с индексами 1 (рис. 3).

Переход из аграрно-индустриального типа (АИ1) в индустриальный (И1) и индустриально-аграрный (ИА1) наблюдался на территории Ниспоренского и Каларашского районов (рис. 3). Положительные по свое-

му направлению сдвиги характеризовались резким снижением абсолютных показателей сельскохозяйственного и промышленного производств, при этом темпы спада в сельском хозяйстве были наибольшими среди всех районов страны (табл. 1). Таким образом, переход в сторону усиления индустриальной составляющей в экономике оказался вынужденным. Расположенные в малопригодной для сельского хозяйства Кодровой зоне эти территории в постсоветский период еще в большей степени потеряли товарный характер своего сельского хозяйства в связи с закрытием большинства рынков сбыта сельскохозяйственного сырья, тем самым усугубив свое кризисное положение.

Заключение. Резкое изменение условий развития Республики Молдова за последние 25 лет привели к масштабной трансформации ее хозяйства. Основной вектор трансформации – снижение доли промышленности в производственном секторе экономики, как показало исследование, имеет очень ярко выраженные географические особенности развития. Исследование показало, что как на уровне экономических, так и на уровне административных районов страны в годы перестройки наблюдалась разнонаправленность и различное качество структурных сдвигов в производственном секторе экономики. По

причине различных ЭГП, природно-климатического потенциала, территории страны по-разному переживают настоящий кризис, наступивший еще в 1990-х гг. Основные «точки роста» страны, т.е. те территории, которым удалось увеличить объемы промышленного производства и тем самым показать обратные для всей страны тренды развития, – экспортноориентированные производства со стабильными связями и гарантированным рынком сбыта продукции. Кроме городов Рыбница и Резина, на которые приходится большая доля промышленного производства страны, в последнее время к ним присоединились районы, на территории которых есть льготный режим организации производства – свободные экономические зоны. Второе место по темпам роста производства занимают территории, положительную динамику которых стимулирует столичный Кишиневский регион. Конечно, этих центров на территории Республики Молдовы стало меньше за постсоветский период и в настоящее время их недостаточно для полноценного развития страны, ведь в эти годы региональная неравномерность реального сектора увеличилась вдвое. Развитие реального сектора этих центров происходит без адекватного социального развития – по экспертным оценкам, ежегодно на заработки в другие страны уезжают около 500–600 тыс. чел.

Библиографический список

1. Пойсик М. Промышленность Молдовы: вчера, сегодня, завтра. – Кишинев: АН Молдовы, 2007.
2. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики. 2005: Статистический сборник (за 2000–2005 гг.) / Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР – Тирасполь, 2006.
3. Схема размещения и развития производительных сил МССР на период 1977–1980 гг., Госплан МССР, 1970.
4. Annual statistic al Republicii Moldova=Статистический ежегодник Республики Молдова, 1992 / Depart. Statist. al Republ. Moldova. – Ch.: "Statistica", 1992.
5. Annual statistic al Republicii Moldova=Статистический ежегодник Республики Молдова, 2005 / Depart. Statist. al Republ. Moldova. – Ch.: "Statistica", 2006.
6. Matei Mitcu, Vitalie Sochirca Geografia umană a Republicii Moldova Editura ARC, 2002.

Смирнова Р.Н. (Москва)

ВЛОЖЕНИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ (НА ПРИМЕРЕ США)

Smirnova R.N.

INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL AS A SOURCE OF REGIONAL DEVELOPMENT IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE UNITED STATES)

Аннотация. В статье предложена методика расчета индекса вложений в человеческий капитал и проведен качественный анализ эффективности этих вложений на уровне агломераций на примере США.

Abstract. The issue proposes methodology of Investments in Human Capital Index calculation and analyzes qualitatively the efficiency of investments on the level of agglomeration on the example of the United States.

Ключевые слова: человеческий капитал, постиндустриальное общество, инвестиции в человеческий капитал.

Key words: human capital, post-industrial society, investments in human capital.

Научно-техническая революция привела к развитию технологий и автоматизации производства в экономике развитых стран мира. В результате возникла тенденция к индивидуализации спроса, и как следствие произошел сдвиг приоритета от производства товаров к производству услуг с заметным доминированием наукоемких отраслей промышленности. Эти процессы нашли свое отражение в научных работах того времени, в частности в концепции «постиндустриального общества», сформулированной в 1959 г. профессором Гарвардского университета Дэниелом Беллом. Согласно этой концепции источник производительности и роста находится в знании, распространяющем на все области экономической деятельности через обработку информации. В экономике постиндустриального общества будет расти значение профессий, связанных с высокой насыщенностью их представителей информацией и знаниями [2].

Теория о человеческом капитале отражает переориентацию науки с проблем использования трудовых ресурсов на проблемы создания качественно нового человека, который является главным фактором производства в постиндустриальном обществе. Для появления такого человека необходимо наличие информационной среды, а также необходимые вложения для развития его компетенций.

Вложения или инвестиции в человеческий капитал – это любые меры, направленные на улучшение качества человечес-

ского капитала и как следствие повышение производительности труда. Различные исследователи к вложениям в человеческий капитал относят расходы на общее и специальное образование, на производственное обучение и переподготовку, расходы на поддержание здоровья и жизнеспособности индивида, затраты, связанные с рождением и воспитанием детей, поиском работы, миграцией, улучшением жилищных условий и т.д.

Однако многие существующие методы оценки эффективности вложений в человеческий капитал (ЧК) оперируют экономическими категориями, рассматривают проблему либо в рамках компаний, либо на общегосударственном уровне без отнесения к отдельным территориальным единицам, таким образом, не давая представления о пространственной дифференциации эффективности вложений (Макконел К., Брю С., Беккер Г., Шульц Т., Кэндрик Дж. и другие).

В настоящей статье предлагается методика оценки объема вложений в ЧК и анализ эффективности этих вложений на региональном уровне, их роли в экономическом благополучии территории.

В качестве объекта исследования для отработки методики были выбраны Соединенные Штаты Америки. Такой выбор не является случайным. По уровню развития экономики США заметно опережают весь мир, а по уровню постиндустриальности находятся в первой когорте стран [1].

Кроме того, выбор США определен доступностью статистических данных по объемам инвестиций по отраслям хозяйства с гранулярностью до уровня метрополитенских статистических ареалов (МСА), т.е. агломераций, что позволяет провести географический анализ на довольно низких локальных уровнях.

Методика расчета индекса вложений в человеческий капитал. Для того чтобы определить объем вложений в человеческий капитал на территории, нами был разработан индекс вложений в человеческий капитал (ИВЧК). В качестве базовой была использована методика расчета «индекса человеческого развития» (ИЧР), регулярно публикуемого ООН. Здесь следует сделать уточнение, что данная методика уже была успешно использована для расчета индекса постиндустриальности стран А.П. Горкиным. При сравнительной простоте подобный подход позволяет получать значимые с географической точки зрения результаты. В настоящей работе методика расчета каждого из компонентов (а затем и комбинированного индекса) полностью соответствует принятой в материалах ООН [3].

Выбор показателей для расчета. Предлагаемая методика состоит из трех частей.

Первым этапом расчета индекса является выбор составных показателей. При выборе показателей, характеризующих уровень вложений в человеческий капитал МСА, учитывались следующие факторы: а) атрибутивность показателя (исходя из базовой концепции человеческого капитала); б) наличие сопоставимой американской статистики с как можно большим охватом метрополитенских ареалов (и обязательно – для «разнотипных» и всех крупнейших); в) отсутствие автокорреляции показателей; г) разнотипность временного модуса; д) простота и ясность показателей [1].

В результате перебора вариантов было решено остановиться на трех исходных показателях – компонентах для расчета комбинированного ИВЧК:

- расходы на образование на 100 тыс. жителей МСА;
- расходы на здравоохранение на 100 тыс. жителей МСА;

- число выданных патентов на изобретения на 100 тыс. жителей МСА.

Статистику из указанного списка удалось получить для 329 МСА США. Необходимо отметить, что Бюро переписи населения США выделяет 362 метрополитенских ареала [4], однако в связи неполным статистическим охватом трех выбранных показателей удалось найти данные только для 329 МСА. Эта выборка, тем не менее, является статистически значимой для проведения исследования: в 329 включенных в анализ МСА в 2009 г. проживало 97% населения всей страны, погрешностью в 3% в данном случае мы можем пренебречь.

В качестве источников первичной информации в работе использовались материалы годовых отчетов таких организаций, как Бюро цензов США (данные как по общей численности населения, так и данные по расходам на образование и здравоохранение) [4] и Патентное ведомство США (количество грантов выданных под патенты на изобретения частным либо юридическим лицам по МСА) [5].

Рассмотрим каждый из трех выбранных для построения ИВЧК исходных показателей отдельно.

«Расходы на образование на 100 тыс. жителей» являются важным составным компонентом для определения уровня вложений в человеческий капитал. На сегодняшний день инвестиции в образование являются наиболее распространенным и востребованным видом вложений в человеческий капитал. Общее и специальное образование повышает уровень компетенций человека и тем самым увеличивают объем и качество человеческого капитала. Инвестиции в высшее образование способствуют формированию высококвалифицированных специалистов, которые стимулируют экономический рост.

В расходы на образование включаются как государственные расходы (из федерального, штатных и местных бюджетов) на финансирование всех учреждений сферы образования (от школьного образования до вузов), так и расходы частного капитала (корпораций, фондов, частных лиц). К федеральным расходам относятся также расходы на образование и возобновление человеческих ресурсов науки, которые несет Национальный научный фонд¹, дотации и

займы на получение высшего образования, «гранты Пелла»², стипендии Job Corps³, стипендии, предоставляемые студентам, которые учатся по обмену.

Второй исходный показатель – «**Расходы на здравоохранение на 100 тыс. жителей МСА**» – является важным фактором сохранения человеческого капитала. Капитал здоровья является несущей конструкцией, основой для человеческого капитала вообще. Вложения в здравоохранение и социальную помощь приводят к сокращению заболеваний и смертности, продлению трудоспособной жизни человека, а, следовательно, и времени функционирования человеческого капитала. Инвестиции, связанные с охраной здоровья, способны замедлить процесс износа человеческого капитала в течение жизни. Расходы на социальное обслуживание позволяют создать бытовые условия и улучшить среду обитания, что способствует продлению срока жизни и повышению работоспособности человеческого капитала.

Расходы на здравоохранение включают в себя расходы на поддержание функционирования учреждений, которые обеспечивают население медицинским обслуживанием.

Третий исходный показатель – «**Число выданных патентов на изобретения на 100 тыс. жителей МСА**» – на первый взгляд является самым спорным при оценке уровня вложений в человеческий капитал.

Под изобретением в смысле патентного закона понимается техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств). Патент призван защищать права на интеллектуальную собственность его автора от любых посягательств на них со стороны прочих людей в течение определенного, установленного для данного класса патента, времени.

Для нас важно, что число патентов на 100 тыс. жителей отражает «научную» со-

ставляющую вложений в человеческий капитал, а именно является признаком технологической продвинутости территории, способности ее населения к научному поиску. Чем большее количество выданных патентов приходится на душу населения, тем сильнее были предпосылки для развития научной предпримчивости человеческого капитала. Косвенным образом число патентов свидетельствует о наличии на конкретной территории научной инфраструктуры: технопарков, технополисов, научно-инновационных производств, применяющих научно-исследовательские опытно-конструкторские разработки (НИОКР). К научно-инновационным производствам относят: авиаракетно-космическую промышленность, фармацевтику, электронику и электротехнику, приборостроение, роботостроение, телекоммуникации, нанотехнологии и т.д., то есть производства, в которых высоки абсолютные и относительные затраты на НИОКР.

Таким образом, включение показателя «число выданных патентов на изобретения на 100 тыс. жителей», как одного из исходных для расчета уровня вложений в человеческий капитал выглядит логичным, так как наиболее адекватно отражает уровень научной квалификации человеческого капитала.

Важным условием для построения индекса являются различные временные модусы исходных показателей, то есть их возможные изменения во времени существенно различаются [1]. Показатели «расходы на образование» и «расходы на медицинское и социальное обслуживание» могут существенно меняться из года в год, причем как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Здесь очевидна зависимость от экономической и политической конъюнктуры, завершения или открытия новых проектов государственного финансирования и других факторов. Так как на каждый набор показателей в определенный временной отрезок влияет различный набор факторов, их

¹ Национальный научный фонд (англ. National Science Foundation, NSF) – независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий.

² «Грант Пелла» – назван в честь его учредителя – сенатора К. Пелла, представляет собой безвозмездную помощь с учетом финансового положения студента и доходов его семьи. В 2000–2001 учебном году доход от получения грантов Пела в государственных вузах составлял 3,1% от общего дохода. В частных вузах доля доходов, полученных от грантов Пела, значительно ниже.

³ Job Corps – программа Министерства труда США по предоставлению стипендий на период обучения/переподготовки.

временные модусы различны. Что касается показателя «число зарегистрированных патентов», то практически во всех МСА он повышается с течением времени, хотя теоретически вероятность его уменьшения существует.

Расчет ИВЧК. Второй этап методики – расчет комбинированных «индексов вложения в человеческий капитал» 329 МСА США.

Вначале для каждого МСА рассчитывается «вес» каждого из трех рассмотренных выше показателей (компонентов), затем они суммируются, и сумма делится на 3. «Вес» компонентов (K_1, K_2, K_3) для каждой страны рассчитывается по следующей формуле [1]:

$$K_{1,2,3} = \frac{X_n - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}},$$

где X_n – значение данного показателя для конкретного МСА, X_{\min} – минимальное значение показателя во всей совокупности МСА, X_{\max} – максимальное значение показателя во всей совокупности МСА.

Интегральный «индекс вложений в человеческий капитал» рассчитывается по формуле:

$$\text{ИВЧК} = \frac{K_1 + K_2 + K_3}{3}$$

В качестве примера приведем расчет ИВЧК для Сент-Луиса, где расходы на образование на 100 тыс. жителей составляют 59435,42 тыс. долл.; расходы на медицинское и социальное обслуживание на 100 тыс. жителей – 329596,61 тыс. долл.; количество патентов на изобретения на 100 тыс. жителей – 18,84. Максимальные значения этих показателей среди всех метрополитенских ареалов составили соответственно 316077,68 тыс. долл.; 1632099,26 тыс. долл.; 426,16; минимальные значения – соответственно 454,91 тыс. долл.; 2398,45 тыс. долл.; 0.

$$K_1 = (59435,42 - 454,91) : (316077,68 - 454,91) = 0,1869$$

$$K_2 = (329596,61 - 2398,45) : (1632099,26 - 2398,45) = 0,2008$$

$$K_3 = (18,84 - 0) : (426,16 - 0) = 0,0442$$

ИВЧК Сент-Луиса, таким образом, составил: $(0,1869 + 0,2008 + 0,0442) : 3 = 0,1440$.

Таким образом был произведен расчет индекса для 329 рассматриваемых МСА

США. Средневзвешенная структура комбинированного «индекса вложений в человеческий капитал» (принятого за 100%) выглядит следующим образом: расходы на образование составляют 26,2%, расходы на здравоохранение – 60,3%, патенты – 13,5%. Это соотношение представляется непротиворечивым – доля расходов на образование и доля расходов на здравоохранение представляют собой важнейшие компоненты «триады», в то же время количество патентов сильно варьируется в зависимости от МСА.

Кроме того для каждого из показателей был рассчитан индекс локализации. Индекс локализации рассчитывается следующим образом (на примере показателя «расходы на образование на 100 тыс. жителей»): значение показателя «расходы на образование на 100 тыс. жителей» для конкретного МСА делится на значение показателя «расходы на образование на 100 тыс. жителей» для всех США. Если полученный результат превышает 1, то уровень расходов на образование данного МСА выше, чем средний по стране; если результат меньше 1, то, соответственно, уровень расходов на образование ниже среднего по США; если результат равен 1, то относительный уровень расходов на образование данного метрополитенского ареала равен среднему показателю для всей страны.

Составление картосхемы. На основе полученных на втором этапе расчетов комбинированного индекса вложений в человеческий капитал была составлена большая интегральная картосхема распределения МСА по ИВЧК (рис. 1), где искомый показатель показан кругами различной площади (для построения картосхемы была использована ступенчатая шкала, площадь круга пропорциональна размеру ИВЧК данного МСА). На основе итоговой картосхемы можно сделать выводы об интенсивности вложений в человеческий капитал США и о географии этих вложений относительно США и конкретных МСА.

Урбанизационная структура вложений в человеческий капитал в США. Наиболее репрезентативным с точки зрения эффективности вложений в человеческий капитал является набор МСА, занявших лидирующие позиции по показателю ИВЧК.

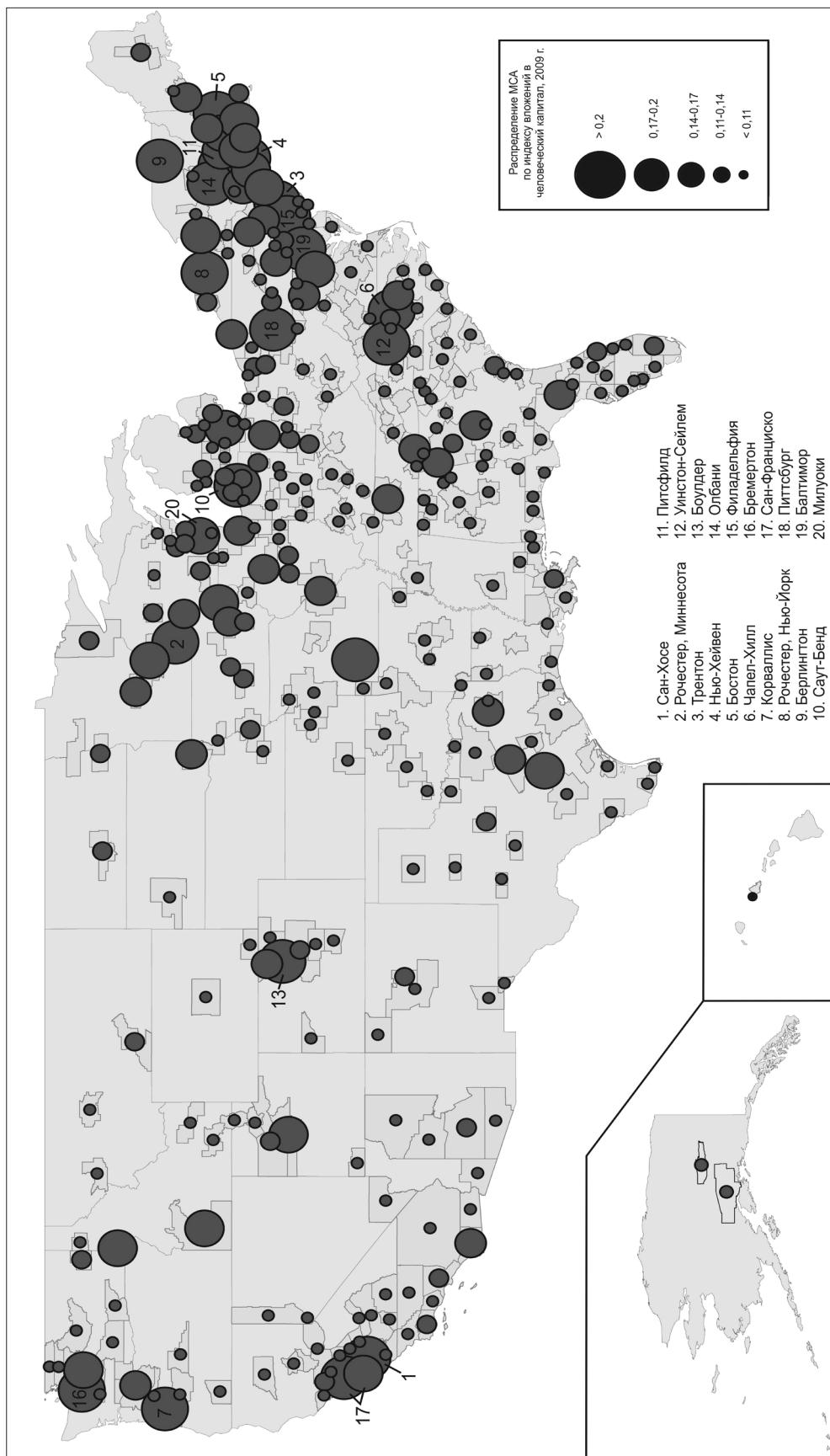

Рис. 1. Индекс вложений в человеческий капитал по метрополитенским статистическим ареалам США

Картосхема составлена по данным на 2009 г.

Таблица 1

№	МСА	Штат	ИВЧК	МСА-лидеры по ИВЧК			Доля показателей		
				Расходы на образование на 100 тыс. жителей	Расходы на здравоохранение на 100 тыс. жителей	Число патентов на 100 тыс. жителей	Расходы на образование на 100 тыс. жителей	Расходы на здравоохранение на 100 тыс. жителей	Число патентов на 100 тыс. жителей
1	Сан-Хосе	Калифорния	0,5535	2,87	1,16	13,92	27,0	12,8	60,2
2	Рочестер	Миннесота	0,4944	0,03	5,43	6,69	0,2	67,4	32,4
3	Трентон	Нью-Джерси	0,4798	6,39	1,40	2,55	69,5	17,8	12,7
4	Нью-Хейвен	Коннектикут	0,3577	4,61	1,45	1,20	67,2	24,8	8,0
5	Бостон	Массачусетс – Нью-Гэмпшир	0,3338	3,44	1,64	2,25	53,7	30,1	16,2
6	Чапел-Хилл	Северная Каролина	0,3289	3,22	1,63	2,58	50,9	30,3	18,8
7	Корваллис	Орегон	0,3019	0,23	1,20	9,05	3,8	24,3	71,8
8	Рочестер	Нью-Йорк	0,2954	3,13	1,04	2,89	55,2	21,4	23,4
9	Берлингтон	Вермонт	0,2911	1,00	1,55	6,03	17,8	32,6	49,6
10	Саут-Бенд	Индиана - Мичиган	0,2654	3,64	1,00	0,63	71,4	23,0	5,7
11	Питсфилд	Массачусетс	0,2588	2,83	1,57	0,66	56,9	37,1	6,1
12	Уинстон-Сейлем	Северная Каролина	0,2444	2,97	1,28	0,48	63,4	31,9	4,8
13	Боулдер	Колорадо	0,2273	0,59	1,11	5,40	13,2	29,8	56,9
14	Олбани	Нью-Йорк	0,2238	2,01	1,13	2,11	46,6	30,8	22,6
15	Филадельфия	Пенсильвания – Нью-Джерси – Делавэр – Мэриленд	0,2231	2,31	1,32	0,94	53,8	36,1	10,1
16	Бремертон	Вашингтон	0,2165	0,27	0,76	6,54	6,3	21,4	72,3
17	Сан-Франциско	Калифорния	0,2121	1,11	1,13	3,56	27,2	32,6	40,2
18	Питтсбург	Пенсильвания	0,2067	2,06	1,32	0,79	51,8	39,1	9,2
19	Балтимор	Мэриленд	0,2003	1,98	1,32	0,70	51,3	40,3	8,4
20	Милуоки	Висконсин	0,1987	1,75	1,35	1,06	45,7	41,6	12,8

Чтобы объяснить причину, по которой первые двадцать МСА вышли в лидеры по индексу вложений в человеческий капитал, обратимся к структуре ИВЧК для каждого МСА. Для этого посчитаем долю каждого показателя от их общей суммы, выраженную в процентах, а также сравним каждый из составляющих элементов индекса со средним уровнем по стране, используя посчитанный нами ранее индекс локализации (ИЛ).

Индекс локализации показывает, во сколько раз в конкретном МСА явление выражено больше или меньше, чем в среднем по стране. Например, в Сан-Хосе патентов на 100 тыс. жителей зарегистрировано в

13,92 раза больше, чем в среднем по США. Аналогичный расчет, проведенный для Уинстона-Сейлема, показал, что индекс локализации составил 0,48. Это значит, что в Уинстоне-Сейлеме на 100 тыс. жителей зарегистрировано примерно в 2 раза меньше патентов, чем в среднем по стране.

Жирным шрифтом в таблице 1 мы отмечали те составляющие, которые более чем в 3 раза превышают среднестрановой уровень, курсивом – те, что превышают этот уровень менее чем в три раза. При первом рассмотрении мы уже можем сделать вывод, что среди МСА-лидеров расходы на здравоохранение в целом распределены

равномерно и за исключением миннесотского Рочестера (где расположена клиника Мэйо) нет явных лидеров. Эту картину можно экстраполировать и на другие МСА страны. Государство старается придерживаться политики доступного для всех медицинского обслуживания и обеспечивать все слои населения своевременной медицинской помощью вне зависимости от места их проживания.

Что касается двух других показателей – расходы на здравоохранение и число выданных патентов – то здесь выделяются группы лидеров, середняков и аутсайдеров. Это связано с наличием крупных образовательных и научно-производственных центров, которые оттягивают на себя человеческие ресурсы с других районов и таким образом способствуют улучшению качества человеческого капитала в своем штате.

Проанализировав МСА-лидеры по доле составляющих ИВЧК элементов, мы разделили их на 5 групп, исходя из распределения составляющих долей:

1) в структуре преобладает доля расходов на образование. В эту группу вошли Трентон, Нью-Хейвен, Рочестер (штат Нью-Йорк) и Саут-Бенд. Вложения в человеческий капитал в этих МСА осуществляются в основном за счет инвестиций в образование (доля этого показателя выше 55%).

2) в структуре преобладает доля расходов на здравоохранение. В эту группу попал только Рочестер, штат Миннесота. Как индекс локализации, так и доля расходов на здравоохранение, равная 67,4%, указывают на специализацию этого МСА на оказании медицинских услуг.

3) в структуре преобладает доля числа зарегистрированных патентов. К третьей группе относятся Сан-Хосе, Бремертон, Боулдер и Корваллис. Они попадают в эту группу за счет наличия высокотехнологичных и научноемких производств, научно-исследовательских парков (доля числа выданных патентов выше 55%).

4) значительная доля расходов на здравоохранение и образование, незначительная доля патентов. К этой группе относятся МСА северо-восточных штатов – Уинстон-Сейлем, Филадельфия, Питтсбург, Питтсфилд и мэрилендский Балтимор, который, по сложившейся региональной сетке хоть и находится в южном штате, однако по

своему культурно-экономическому потенциалу тяготеет к северо-востоку. Эти МСА не являются инновационными лидерами, но характеризуются высоким уровнем жизни, высокой долей населения с высшим образованием и тем самым являются центрами притяжения «белых воротничков».

5) составляющие стремятся к равномерному распределению в структуре ИВЧК. В МСА, попавших в эту группу, вложения в человеческий капитал распределены относительно равномерно (доля каждого показателя варьируется от 12 до 55%). Для всех шести МСА этой группы (Берлингтон, Олбани, Милуоки, Сан-Франциско, Чапел-Хилл, Бостон) характерно как наличие крупного вуза, либо системы вузов, которые предоставляют качественное образование, так и наличие высокотехнологичных производств, которые используют научно-технологический потенциал вузов, так и высокий уровень развития здравоохранения, в лечебных учреждениях зачастую применяются новейшие разработки и проводятся исследования.

Итак, исходя из полученной группировки, приходим к выводу, что территориальные единицы, занимающие лидирующие позиции по вложениям в человеческий капитал, обладают следующими характеристиками:

- наличие ведущего вуза, который привлекает самых перспективных студентов страны;
- наличие качественной системы здравоохранения, которая обеспечивает своевременное оказание медицинской помощи и профилактику заболеваний;
- наличие высокотехнологичных научноемких производств, исследовательских центров, в которых будут востребованы квалификация и производственный потенциал человеческих ресурсов.

Сочетание трех указанных характеристик обладает синергетическим эффектом, позволяющим территории создавать и притягивать человеческие ресурсы. Таким образом, вложения в человеческий капитал обеспечивают сравнительные преимущества территории, являются фактором привлечения человеческого капитала, а значит и фактором экономического развития.

Что касается макрорегионального аспекта распределения индекса вложений в человеческий капитал, то глядя на картосхему можно выделить несколько центров с максимальными значениями индекса. Прежде всего, это Северо-Восток, где четко выделяется район мегалополиса Бос-Ваш. Далее идут Индустриальное и Лесное Приозерье с центрами в Милуоки, Саут-Бенде и Рочестере. Тихоокеанские штаты выделяются двумя максимумами – в районе Сан-Хосе – Сан-Франциско в Северной Калифорнии и Корваллиса – Бремертона (с Сиэтлом) в Тихоокеанском Северо-Западе.

Достаточно бледно выглядят Горный Запад и Юг, за исключением районов «силиконовых ландшафтов» Остина, Боулдера с Денвером (Силиконовые горы), Парка исследовательского треугольника в Северной Каролине.

Минимальные значения индекса вложений в человеческий капитал характерны для центральной части Огайских равнин (очевидно основные вложения в этом районе делаются в Индустриальном Приозерье, оттягивая на себя человеческий потенциал), Озарков, Делты, Мексиканские, Каджунского Галфа и Внутреннего Юго-Запада.

Особенно территориальные различия заметны на уровне штатов. Миссисипи, Алабама, Арканзас – самые бедные штаты, и в них уровень вложений в человеческий капитал достигает минимальных величин. Максимальные значения приходятся на Новую Англию – Массачусетс, Вермонт, Коннекти-

кут, штаты, в которых уровень жизни выше, чем в среднем по стране.

Исходя из всего вышеизложенного, мы можем судить о том, что объем вложений в человеческий капитал влияет на уровень жизни и степень экономического развития территории, особенно в постиндустриальном обществе, где высоквалифицированные человеческие ресурсы являются одним из главных производительных факторов.

Выводы. Предложенная методика отличается сравнительной простотой и помогает ввести количественный критерий в оценку качества человеческого капитала.

Методика предполагает ряд аналитических действий:

- 1) определение показателей, характеризующих уровень вложений в человеческий капитал;
- 2) расчет комбинированного «индекса вложений в человеческий капитал» и построение рейтинга регионов по ИВЧК;
- 3) сопоставление полученных результатов с индексом локализации по тем же территориальным ячейкам;
- 4) группировка регионов-лидеров на основе балльной оценки и экспертного анализа структуры компонентов индекса.

Следует отметить, что предлагаемая методика, разработанная с использованием данных американской статистики и на примере Соединенных Штатов Америки, может быть применена для анализа объема вложений в человеческий капитал других стран мира.

Библиографический список

1. Горкин А.П. Уровень постиндустриальности экономики стран мира (концепция и оценки) // Известия РАН. Сер. геогр. – 2007. – № 2. – С. 9–18.
2. Кастель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкарата. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Science and Engineering Indicators 2012. Arlington VA: National Science Foundation (NSB 12-01), National Science Board. 2012.
4. Бюро переписи США: www.census.gov
5. Патентное ведомство США: <http://www.uspto.gov/patents/>

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Голичев В.Д., Голичева Н.Д. (Смоленск)

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТХОДНИЧЕСТВА КРЕСТЬЯН СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Golichev V.D., Golicheva N.D.

**MAIN SOCIO-ECONOMIC REASONS SEASONAL WORK PEASANTS
SMOLENSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY**

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы неземледельческого отхода крестьян Смоленской губернии во второй половине XIX века, его основные причины и некоторые последствия.*

***Abstract.** The article deals with the withdrawal of the non-agricultural peasants of the Smolensk region in the second half of the XIX century, its main causes and some of the consequences.*

Ключевые слова: неземледельческий отход крестьян, Смоленская губерния, вторая половина XIX века, отмена крепостного права, развитие капитализма.

Key words: non-agricultural waste peasants, Smolensk province, the second half of the XIX century, the abolition of serfdom, the development of capitalism.

В настоящее время Смоленская область, как и многие другие регионы России, испытывает некоторый отток населения. Следует отметить, что данное явление было характерно для Смоленщины и в более ранние периоды. Особенную масштабность отходничество, как его тогда называли, получило с возникновением и развитием капитализма в России. Что же послужило причинами такого явления? Каковы его некоторые последствия? Для ответа на эти вопросы следует, прежде всего, оценить социально-экономическую ситуацию, сложившуюся на тот момент в России. Рассмотрим ее на примере Смоленской губернии.

Ряд авторов, выделяя этапы демографического развития Смоленской земли, период от начала XVIII и практически до конца XIX в. относят к первому этапу [1]. На этом этапе интерес для нас представляет вторая половина XIX в., когда стало очевидным, что пережитки феодализма, выражавшиеся в системе существовавшего в России крепостного права, отрицательно сказывались на развитии производительных сил. Нарастала волна недовольства среди самых различных слоев населения. Требовались серьезные перемены.

Правительство вынуждено было готовить отмену крепостного права. Манифест об отмене крепостного права, царь подписал 19 февраля 1861 г., а в Смоленске документ был получен 7 марта. Сразу же была проделана работа по подбору мировых посредников, которым предстояло провести в жизнь крестьянскую реформу. Летом начало действовать губернское присутствие по крестьянским делам. Открывая его первое заседание, губернатор призывал к «возможному сохранению и совмещению» интересов дворян и крестьян, то есть к недопущению крестьянских волнений [10]. Тогда же началось проявление в жизнь царского манифesta и «Положений 19 февраля». Мировые посредники составляли уставные грамоты-документы, в которых фиксировалось число душ, переходивших из крепостного во временно обязанное состояние, размер надела с указанием, уменьшен он по сравнению с дреформенным или остался прежним и размер повинностей. Уставные грамоты подписывались помещиками и крестьянами, но по закону обязательной была только подпись помещика. Уставная грамота, не подписанная крестьянами, все равно вводилась в действие.

По Смоленской губернии было составлено более 6 тыс. уставных грамот. Статистическая обработка этого массового первично-го документального материала по вопросу об изменении положения крестьян после 1861 г. показала, что крестьяне Смоленской губернии получили земли меньше, чем имели при крепостном праве. До 1861 г. в среднем на душу мужского пола приходилось по 5,3 десятины, а крестьянам оставили по 4 десятины. При этом многие помещики при наделении крестьян землей лишали их хороших лугов, удобных пастбищ, прогона для скота [2].

Поскольку хозяйство было натуральным, то крестьянам необходимо было самим получать все средства к существованию: продовольствие, фураж, продукцию льноводства, которая шла на изготовление одежды, корм для скота и другое. Но редко какая крестьянская семья могла прокормиться с надела. Одновременно крестьянин должен был произвести и «излишек», который реализовывался на рынке, чтобы на вырученные деньги можно было осуществить необходимые платежи. Ведь надел со временем надо было выкупить. Такой переход на выкуп начался в 1862 г. и продолжался в течение более двух десятилетий. Выкупная цена определялась из размера оброка, а не самой ценой земли. Земля в Смоленской губернии в среднем стоила не более 10,5 руб. за десятину и стоимость одного надела должна была не превышать 42 руб. А по выкупу крестьяне должны были заплатить 150 руб. В результате вместо рыночной стоимости земли, полученной крестьянами Смоленской губернии (13,5 млн руб.), они должны были, не считая процентов, заплатить 34,9 млн руб. Значительная часть земли, да к тому же самой лучшей, осталась у помещиков. Более 320 тыс. бывших крепостных получили в надел 1 309 тыс. десятин земли, а помещики сохранили за собой почти 2 млн десятин, хотя имений было чуть больше 5 тыс.

Следует особо оговорить, что такое положение дел не устраивало крестьянские массы. Только в марте–июле 1861 г. было более ста крестьянских выступлений. Наиболее крупное произошло в селе Самуйлове Гжатского уезда, где в результате столкновений с войсками погибли 60 крестьян.

И, хотя экономические результаты реформы 1861 г. на Смоленщине были для

крестьян грабительскими, но в социально-политическом отношении они получили некоторые права. Следует помнить, что у основной крестьянской массы при крепостном праве отсутствовала возможность свободного передвижения по стране. Для этого требовалось наличие паспорта, который выдавался волостным правлением. Процедура его получения была длительной, во многом зависящей от крепостника, а потому часто и безрезультативной. Но с выходом на выкуп юридически положение крестьян существенно изменилось. Если до этого они находились в обязанном к помещику состоянии, то теперь переходили в разряд «свободных сельских обывателей», переставали нести оброк или даже исполнять барщину, вместо этого платили выкупные платежи в казну.

Вовлечению Смоленщины в рыночные отношения способствовало строительство железных и шоссейных дорог. Уже через два года после реформы 1861 г. начала эксплуатироваться Риго-Орловская железная дорога, затем в 1870 г. – Московско-Брестская, а в 1874 г. был открыт участок Сызрано-Вяземской железной дороги. В 1899 г. было завершено строительство участка Смоленск-Мичуринск (Козлов), и немного позже начинается движение по линии Вязьма-Ржев-Лихославль [5]. Все это положительно сказалось на росте мобильности населения, что, в свою очередь, способствовало появлению источника наемной рабочей силы, прежде всего, в тех местах, где испытывалася ее дефицит. Наблюдается промышленный рост, строительство новых объектов, появление обслуживающих работников. В результате, капитализм, как в городе, так и в деревне, начал развиваться быстрее.

В семидесятых годах в Ярцеве купцом Хлудовым была построена текстильная фабрика. Она была самым крупным в губернии промышленным предприятием, оснащенным по тем временам самой передовой техникой. На ней было занято более двух с половиной тысяч человек, а позже число рабочих достигло пяти тысяч. К крупным предприятиям относились также шесть стекольных заводов (один – в Бельском, остальные – Рославльском уезде), две спичечные фабрики в Вязьме, железнодорожные мастерские в Рославле и некоторые другие. Большинство же предприятий были мелкие, на них работало по

20–30, а то и меньше рабочих. По уровню промышленного развития Смоленщина продолжала отставать от ряда других регионов, особенно от Петербурга, Москвы, Украины. Урала, Прибалтики. Число рабочих на всех предприятиях губернии достигало примерно 15 тыс. чел. Это было во много раз больше, чем до 1861 г., но составляло всего лишь около одного процента от общей численности населения [10].

В самом Смоленске в 1890 г. был пущен кирпичный завод С.И. Жилинского в Офицерской слободе, через три года еще один – промышленника Т.Е. Игнатьева. В 1877 г. был построен кафельный завод П.А. Будникова. Так создавалась основа для кирпично-го строительства в губернии. На Старо-Московской улице с 1894 г. начала действовать катушечная фабрика, принадлежавшая обру-севшему англичанину В.В. Гергарди. Пред-приниматели Мачульские в пригородных селах Пискарихе и Шкляном завели вино-куренные, а на Старо-Петербургской улице – водочный заводы. С 1875 г. начал выпускать продукцию пиво-медоваренный завод. На Петропавловской улице были построены две табачные фабрики, наиболее известной из которых была фабрика П.В. Рыжикова. Существовало еще несколько кожевенных, лесопильных, свечных предприятий, как правило, небольших по размеру. В промышленности города видное место занимали ти-пографии. Самая крупная из них принадле-жала Я.Н. Подземскому. Традиционной для Смоленска была промышленная переработка сельскохозяйственных продуктов. Честь знаменитой смоленской крупы пытался под-держать А.Г. Малеваный, построивший на Рачевке в 1889 г. фабрику перловой крупы и паровую мельницу. Конопляное и льяное масло выпускал на своей паровой маслобой-ке Н.В. Шварц [8].

Затронула капиталистическая перестрой-ка и сельское хозяйство губернии. Ее при-мером является деятельность А.Н. Энгель-гардта, описанная им в книге «Письма из деревни». Поселившись в селе Николо-По-горелое, он среди прочих культур, занялся выращиванием льна, завел конюшню рабо-чих лошадей, купил машины и сельскохозяйственный инвентарь. Он стал на своих землях применять наем рабочей силы вместо труда крестьян за пользование «земельными отрезками», выгонами и пастищами.

Сельское хозяйство Смоленской губер-нии постепенно стало приобретать льно-водческое и молочно-животноводческое на-правления. Железной и шоссейной дорогами губерния была связана с Черноземным цен-тром страны – Орловской губернией, откуда поступал более дешевый хлеб. А на Смолен-щине быстро росли площади под посевами технических культур, особенно льна и картофеля. Смоленск и другие города, железнодорожные станции превратились в довольно крупные центры сбыта сельскохозяйствен-ной продукции. Только с железнодорожной станции Смоленск ежегодно отправлялось более 100 тыс. пудов льноволокна, почти 150 тыс. пудов льняного и конопляного семени [11]. В 1907 г. на станцию Смоленск прибы-ло более 1,8 млн пудов хлеба (в виде зерна, муки, крупы, солода), а отправлено только 375 тыс. пудов.

Однако в смоленской деревне сохра-нились многочисленные пережитки кре-постничества. Как уже отмечалось выше, крестьянский надел был мал по размеру, в нем не хватало самых необходимых угодий – пастбищ, лугов, водопоев. Поэтому кре-стьянам приходилось арендовать помещичьи земли. Нужда была так велика, что они со-глашались на любые условия. Очень часто вместо арендной платы крестьяне обрабаты-вали поле помещика своим инвентарем и на своих лошадях, убирали урожай и свозили его в указанное место. Широко применялась испольщина или так называемая работа «с половины», когда крестьяне отдавали по-мещику половину собранного с арендован-ного участка урожая. Крестьянство после реформы 1861 г. все больше раскалывалось на противоположные группы. Большинство крестьян едва сводило «концы с концами», но были и те, кто богател, захватывал наделы своих соседей, покупал земли у помещиков, приобретал машины и применял наемный труд деревенских бедняков.

В результате росло число малоземельных и безземельных крестьян, что стремительно увеличивало «излишнее население» в дере-вне. Ко второй половине 1880-х гг. безло-шадные крестьяне составляли 25% от обще-го числа крестьянских хозяйств Гжатского, Юхновского, Сычевского, Вяземского, Доро-гобужского и Духовщинского уездов, почти столько же было бескоровных крестьянских хозяйств [2; 163].

Из-за невозможности прокормиться со своего надела, слабого пока развития губернского промышленного производства, а также наличия достаточно развитой сети железных дорог, обеспечивающей мобильность населения, смоленское беднейшее крестьянство стало поставщиком рабочей силы, в том числе в крупнейшие промышленные центры страны – Москву и Санкт-Петербург.

«Капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была возможна при них в сколько-нибудь широких размерах», – отметил В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» [7; с. 600]. Здесь же приводятся и данные по отходу крестьян на заработки по ряду губерний Европейской России, в том числе и Смоленской.

Обратимся к табл. 1, в которой приведено общее количество всех видов на отход, выданных с 1861 по 1900 гг. [6].

Анализ данных приведенной таблицы свидетельствует о том, что, с 1861 г. в губернии наблюдается устойчивая тенденция отходничества. За тридцать лет количество отходников увеличилось почти 2,4 раза. Известно, что к началу XX в. отход в среднем по губерниям Европейской России составлял 94 чел. на 1000 чел. сельского населения. В Смоленской губернии – 130 чел. Ее можно отнести к губерниям с достаточно развитым отходом сельского населения на заработки.

Наибольший отход наблюдался в Гжатском уезде, где в 1895 г. уходило 43,9% мужского населения и 14,2% женского, в Юхновском – 37,6 и 6,0% соответственно. Минимальное число отходов приходилось на Поречский уезд – соответственно 2,9 и 0,3%. Следует подчеркнуть, что в преобразованные годы отход постоянно и значительно возрастал по всем уездам, за исключением Поречского, где он сокращался. Это объяснялось сокращением таких промыслов, как рубка, подвоз и сплав леса, постройка барок в связи с проведением железной дороги через Бель-

ский уезд, и уменьшением роли Бельской и Поречской речных пристаней.

Д.Н. Жбанков, изучавший отходничество в Смоленской губернии, обращает внимание на тот факт, что размеры женского отхода точно не учтены. Скорее всего, они занижены, поскольку имел место отход и по семейным паспортам, когда по одному паспорту уходила целая семья (муж, жена, дети). Например, только в 1892 г. в губернии было выдано 7130 семейных паспортов, большинство из которых (70,0%) приходилось на восточные уезды: Гжатский – 2518, Сычевский – 1408, Юхновский – 1160 и другие [4].

В отход уходили на разные сроки. Для этого выкупались паспорта пятигодичные, одногодичные, полугодичные и краткосрочные билеты (на 1–3 месяца). По краткосрочным билетам и полугодовым паспортам крестьяне уходили на заработки, как правило, в зимний период и возвращались домой к началу сезонных сельскохозяйственных работ. Они не порывали окончательно связь с деревней и сельскохозяйственным трудом, тогда как уходившие по пятигодичным и годичным паспортам, фактически порывая связь и с деревней и с землей, постоянно проживали в городах и превращались в наемных рабочих на капиталистических предприятиях. Удельный вес крестьян, уходивших по пятигодичным и одногодичным паспортам, составлял в губернии в преобразованные годы не менее 25% общего числа крестьян, участвовавших в отходе. Так, в 1895 г. из общей численности отходников 140,3 тыс. чел. пятилетние паспорта получили 0,3%, годичные – 29,3%, полугодовые – 41,8%, билеты на 1–3 месяца – 28,6%.

Замечательный русский писатель, глубоко знавший и высоко ценивший родной край, И.С. Соколов-Микитов свои детские годы провел в лесной деревне Кислово, тогда Ельнинского уезда, а ныне Угранского района, что была родиной отца писателя. В своих «Автобиографических заметках» он писал: «В нашем Смоленском kraю, бедном зем-

Таблица 1
Общее количество всех видов на отход, выданных с 1861 по 1910 гг.

Период	Кол-во видов, выданных на отход (тыс.)	В % к 1861 г.
1861–1870	587,0	100
1871–1880	1156,8	197
1881–1890	1235,2	210
1891–1900	1600,7	237

лею, во многих волостях и уездах крестьяне извечно занимались отхожим артельным промыслом: сплавом леса и дров по рекам Угре и Оке. На всю Россию прославились бизюковские плотники, с топорами и пилами исходившие все большаки и дороги. На баб ложилась тяжелая хозяйская и домашняя забота: и детей растить, и за скотиной ходить, и сено гресть, и холсты ткать, и хлебы печь. Весною, как отойдет земля, ходили бабы за сохой и плугом, летом, когда созревет рожь – с серпами [12; 587].

Эту же мысль подтверждает и Д.Н. Жбанков: «Места отхода – вся Россия; смоленцев можно встретить от Архангельска до Кавказа и от Польши до Сибири. Из северо-восточных уездов направлялись в столичные города Москву и Петербург, заводы и фабрики промышленного центра. Из юго-западных – на юг страны – в копи, на чугунолитейные и сахарные заводы» [4; 80].

А.Г. Рашин в своих исследованиях отмечает, что в 1871 г. в Москве проживало и трудилось 256,1 тыс. крестьян, в том числе из Смоленской губернии – 23,6 тыс. По своей численности они занимали третье место, после крестьян Московской и Калужской губерний. В 1902 г. в Москве пришли, то есть из других губерний и сельской местности своей губернии, насчитывалось уже 772,6 тыс. чел., в том числе из Смоленской губернии – 48,6 тыс., но смоляне занимали только пятое место, после Московской, Тульской, Рязанской и Калужской губерний [9].

В Петербурге в 1869 г. проживало 204,3 тыс. крестьян, в том числе из Смоленской губернии – 6,3 тыс., и занимали девятое место после крестьян-отходников Ярославской, Тверской, Петербургской, Новгородской, Костромской, Псковской, Рязанской, Витебской губерний. В 1910 году (по данным переписи) в Петербурге проживало 1076,6 тыс. крестьян, в том числе из Смоленской губернии – 40,3 тыс.

Как видим, только в двух столичных городах России в начале XX в. проживало около 90 тыс. выходцев из Смоленской губернии, что говорит о значительных масштабах миграции сельского населения губерний, а также заметном удельном весе губерний в формировании капиталистического производства в этих крупнейших городах страны.

Развитие капитализма дало мощный толчок ускоренному росту городского населения. Архивные данные позволяют сделать вывод, что за период с 1858 г. по 1884 г. население Смоленской губернии выросло на 12%, в т.ч. городское – на 57%, сельское – только на 9,0% [3].

Таким образом, как показано в данной статье, отходничество крестьянства во второй половине XIX в. было обусловлено целым рядом социально-экономических причин, главными из которых стали отмена крепостного права, нехватка земли в крестьянских хозяйствах, а также бурное развитие капиталистических отношений и промышленности.

Библиографический список

1. Аношкин Р.В., Катровский А.П. Динамика населения Смоленщины. Монография. – Смоленск: Универсум, 2009.
2. Будаев Д.И.. Смоленская губерния в 1861–1917 годах. – Смоленск, 1990.
3. ГАСО ф.5, оп. 1, 1886, д. 4.
4. Жбанков Д.Н. Отхожие промыслы в Смоленской губернии в 1892–1895 годах. – Смоленск, 1896.
5. Железные дороги Европейской и Азиатской России. – СПб., 1910.
6. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. – Смоленск, 1912.
7. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. – ПСС, Т. 9.
8. Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. – СПб., 1894.
9. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М., 1956.
10. Смоленские губернские ведомости. – 1861. – 12 августа.
11. Смоленский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – Смоленск, 1903.
12. Соколов-Микитов И.С. Избранные произведения. – Л.: Лениздат, 1981.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Orlov A. Yu.

**HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION
OF ETHNIC STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION'S POPULATION**

Аннотация. Проводится анализ динамики этнической структуры населения за период 1959–2010 гг. и типология регионов Российской Федерации по степени полигенности. Исследуется динамика расселения российских этносов.

Abstract. The dynamics of the ethnic structure of the population for the years from 1959 to 2010 is analyzed. Typology of the Russian Federation's regions according to the degree of polyethnicity is carried out. The dynamics of the Russian ethnoses' settlement is researched.

Ключевые слова: этническая структура населения, депопуляция, степень полигенности территории, территориальная концентрация и деконцентрация.

Key words: ethnic structure of the population, depopulation, the degree of polyethnicity of a territory, territorial concentration and deconcentration.

Феномен трансформации этнической структуры населения предстает как времененным процессом, так и пространственным. Последнее детерминирует его изучение не только с этнографических или исторических позиций, но и с географических. Отечественные географы не раз обращались к исследованиям этих процессов. В некоторых случаях их объектами становились определенные этнические группы, например коренные малочисленные народы Севера [3], или отдельные этносы [5]. В других случаях рассматривалась этническая структура населения какой либо территории, будь то сложный макрорегион, такой как Северный Кавказ [1], или Северо-Запад [4], или же субъект федерации [1]. В настоящей работе стоит цель в схематичном виде проследить трансформацию этнической структуры населения на уровне государства в целом.

В 1897 г. в России была проведена первая всеобщая перепись населения государства, учитывающая этнический состав. Основанием такого учета послужил вопрос о родном языке, что привело к преувеличению численности русских. Таким образом, было выделено 146 языков и в соответствии с этим 146 народов. Более совершенная по методике проведения всеобщая перепись населения Советского Союза 1926 г., определявшая этническую принадлежность по самоидентификации, выявила свыше 190 этнических единиц и около 150 языков. Данные второй

и третьей Всесоюзных переписей населения 1937 г. и 1939 г. либо уничтожены, либо находятся под сомнением. Таким образом, наиболее адекватно отражают динамику численности населения России послевоенные переписи 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 гг.

Первые четыре из указанных переписей отмечали рост численности населения России, затем последовало ее снижение. Однако динамика изменения численности разных народов страны была существенно различной. Исходя из позиции современного сокращения численности населения России, все этносы можно разделить на две большие группы – народы, обеспечивающие основную депопуляцию в стране, и народы, ее частично компенсирующие.

Прежде всего, среди этносов, обеспечивающих основную депопуляцию, выделяются три народа, чья абсолютная численность сокращалась в течение всего рассматриваемого периода – это два финно-угорских этноса – мордва и карелы, а также евреи. Численность мордвы за полвека снизилась в 1,6 раза, карел – в 2,7 раза, евреев – в 5,6 раза. Совокупная доля этих народов на 2010 г. составляет 0,67%.

Другую подгруппу составляют этносы, сократившие или оставившие в неизменности свою долю в общем составе населения, численность которых, однако, на протяжении большей части периода увеличивалась, и вступившие с 1990-х гг. в фазу депопуля-

ции. Здесь представлена подавляющая часть населения страны в абсолютном выражении, включающая русских, белорусов, украинцев, ряд финно-угорских – марийцев, удмуртов, коми-зырян, коми-пермяков, а также немцев, чувашей и хакасов.

Увеличение доли и абсолютной численности населения в период 1959–2002 гг. имели адигейцы, балкарцы, башкиры, буряты, ингушки, кабардинцы, калмыки, карачаевцы, все народы Дагестана, осетины, черкесы, чеченцы, татары, тувинцы, алтайцы, якуты, казахи, азербайджанцы, армяне. Максимально увеличилась численность азербайджанцев – в 8,8 раза. Так же очень существенно увеличение ингушей (в 7,4 раза), чеченцев (в 5,2 раза), армян (в 4,4 раза), народов Дагестана (совокупно в 3,3 раза).

В 2000-е годы по разным причинам началось сокращение башкир, татар, адигейцев, кабардинцев, хакасов, казахов и азербайджанцев. Таким образом, совокупная доля народов, обеспечивающих основную депопуляцию в стране после 2002 г. выросла и составляет 94,11%, а доля народов, компенсирующих депопуляцию сократилась и составляет 5,89%.

Помимо повсеместно расселенных славянских народов, этносы, обеспечивающие депопуляцию, географически локализованы в Поволжье и северном сегменте европейской части страны. К этносам, частично компенсирующим депопуляцию, относятся народы Северного Кавказа¹, и Сибири, за исключением хакасов.

Этнолингвистическая локализация позволяет сделать выводы, что на территории России на протяжении 2-й половины XX в. и первого десятилетия XXI в. шла устойчивая трансформация этнической структуры населения – все славянские и финно-угорские народы, а также евреи, немцы и чуваши сокращали свою долю, все северо-кавказские, тюркские (исключая чувашей) и монгольские народы, а также армяне и осетины – увеличивали.

Для проведения сравнительной характеристики степени полигиэтничности территориальных единиц наиболее удобным является индекс этнической мозаичности Эккеля (ИЭМ), изменяющийся от нуля до единицы, который будет тем выше, чем больше в ее

пределах представлено этносов и чем более равномерно по численности населения они распределены [7]. Ранжирование по этому основанию субъектов Российской Федерации позволяет в обобщенном виде выделить наиболее и наименее полигиэтничные ареалы в пределах государства, а изменение индекса со временем подчеркивает географическую составляющую трансформации степени полигиэтничности.

Распределение российских регионов по степени полигиэтничности в 1959 г. можно представить следующим образом (рис. 1).

1. ИЭМ < 0,2 – территории, представляющие собой ядро русского этноса и русской государственности – все субъекты современного Центрального федерального округа (кроме Москвы), большинство регионов Северо-Западного федерального, северо-западные регионы Приволжского федерального округа, северные регионы Южного федерального округа, а также Курганская область и Забайкальский край из восточной части страны.

2. 0,2 ≤ ИЭМ < 0,4 – «русские» регионы, где в прошлом или в настоящее время располагаются нерусские этнические территории, как западной, так и восточной частей страны, и доля нерусских народов статистически заметна, плюс «русские» мегаполисы, ставшие полигиэтничными в силу своей столичности. В эту же градацию входит показатель по России в целом.

3. 0,4 ≤ ИЭМ < 0,6 – большинство национальных регионов Поволжья и Сибири, а также «русские» области с очень весомой долей других народов.

4. ИЭМ ≥ 0,6 – наиболее полигиэтничные регионы РФ, включающие, прежде всего, все северокавказские республики.

На протяжении всего последующего периода полигиэтничность территории России в целом возрастила, хотя динамика ИЭМ регионов была различной. В целом различия российских регионов по этнической мозаичности стали меньше – ИЭМ вырос у наиболее моноэтничных территорий и сократился у наиболее полигиэтничных.

Снижение доли русского большинства и повышение доли титульного этноса вызвало рост этнической мозаичности в республиках Алтай, Бурятии, Адыгее, Калмыкии, Якутии

¹ Есть основание считать, что снижение численности адигейцев и кабардинцев после 2002 г. является результатом записи ряда представителей указанных этносов черкесами [6].

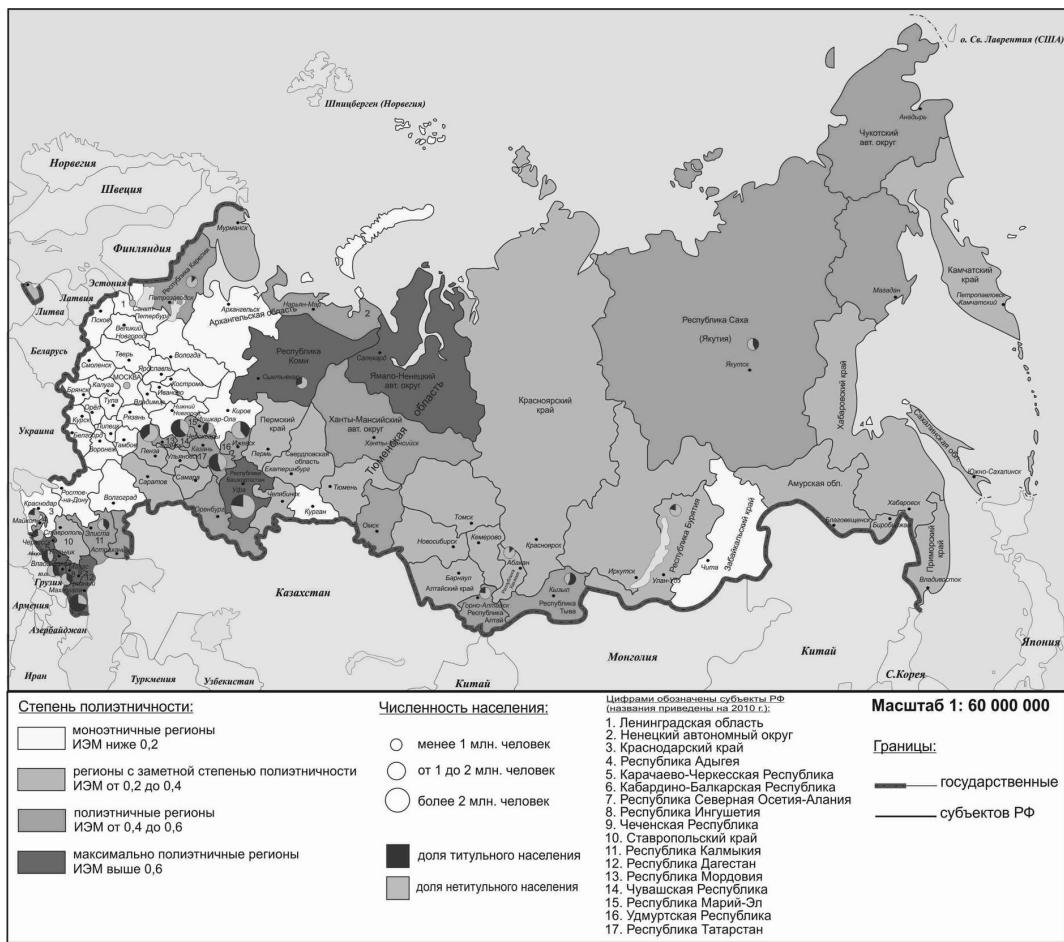

Рис. 1. Степень полизначности субъектов РСФСР 1959 г.²

и Чукотском АО. Миграционный прирост нерусского населения вызвал сокращение доли русских и нарастание полизначности в Ханты-Мансийском АО, Тюменской области, Ставропольском крае и всех регионах Центральной России, в которых ощутимо выросла (или появилась) доля закавказских и северокавказских народов. В Ульяновской и Астраханской областях степень полизначности существенно выросла за счет роста доли нерусских коренных народов – татар и казахов.

Снижение ИЭМ и возрастание моноэтничности за счет роста доли нерусского большинства происходит в Татарстане, Северной Осетии, Туве и, главным образом, Чечне и Ингушетии. В советские годы Чечено-Ингушская АССР была одним из самых полизначных регионов России, где помимо двух титульных этносов была ве-

сома доля русского населения. В настоящее время, после разделения на две республики и всех социальных катаклизмов, произошедших на Северном Кавказе, Чеченская Республика и Республика Ингушетия являются одними из самых моноэтнических субъектов РФ с очень несущественным неингушским и нечеченским населением. Обратная ситуация – возрастание моноэтничности в национальных регионах за счет снижения доли титульных этносов и повышения доли русского большинства происходит в республиках Коми и, особенно, Карелии, где речь идет о фактически здимом исчезновении карел и превращении республики в типично «русский» регион.

Максимальное снижение полизначности характерно для большинства регионов Сибири и Дальнего Востока. Причиной тому резкое сокращение доли, в силу миграцион-

² Приведены названия субъектов РФ на 2010 г.

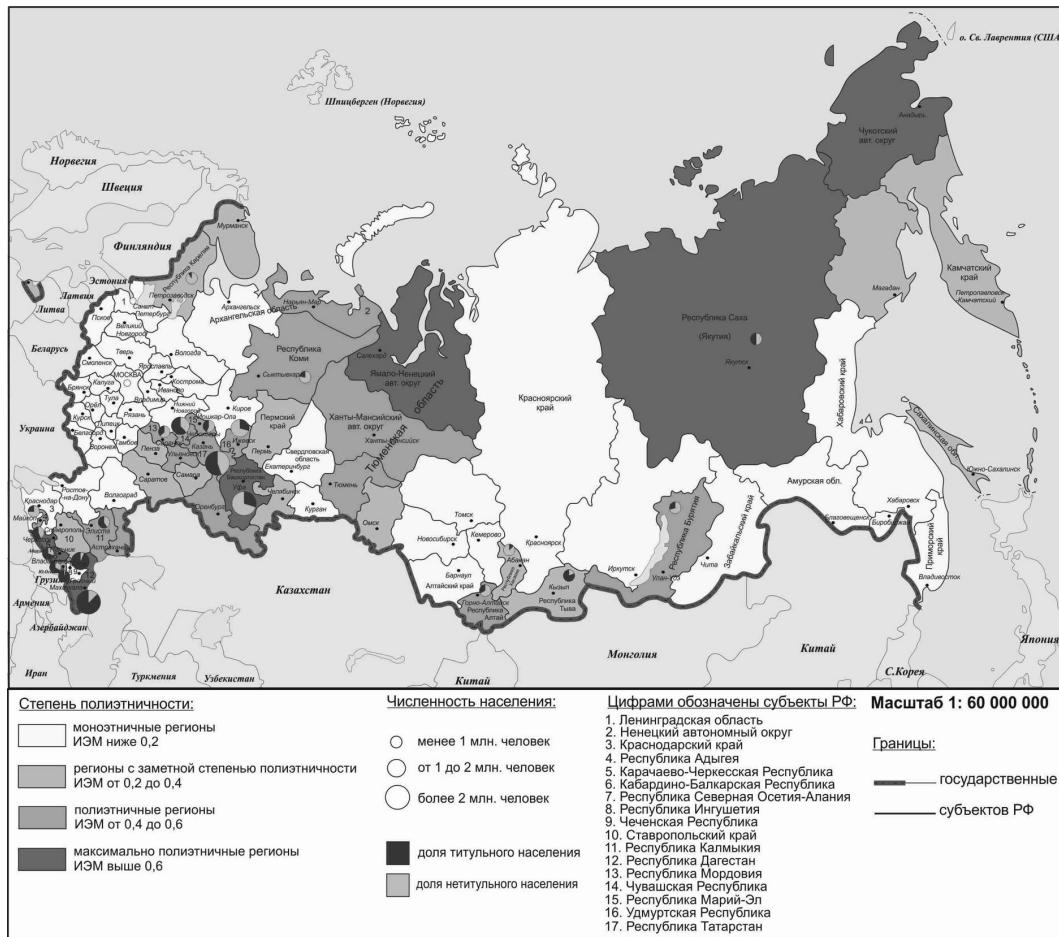

Рис. 2. Степень полизначности субъектов РФ в 2010 г.

ного оттока, а так же ассимиляции нерусских народов, которые наряду с русскими активно участвовали в освоении восточных районов СССР, прежде всего, украинцев и белорусов. Ранее сибирские «русские» области и края отличались высокой степенью национального разнообразия, тогда как центрально-европейские «русские» регионы были мононациональны. Сейчас Сибирь и Дальний Восток, исключая национальные республики, становится все более русскими, тогда как Центр все более нерусским и по степени полизначности эти две основные части России фактически сравнялись.

Таким образом, распределение российских регионов по степени полизначности в 2010 г. можно представить следующим образом (рис. 2).

1. ИЭМ < 0,2. Данный тип, представляющий моноэтнические территории, стал включать ощутимо больше регионов, чем в 1959 г., прежде всего, за счет включения об-

ширных восточных областей и краев. Если в 1959 г. сюда входило лишь 2 региона восточнее Урала, то в 2010 г. их стало 13. Знаковым является и появлениеmonoэтнических нерусских территорий – Чечни и Ингушетии.

2. $0,2 \leq \text{ИЭМ} < 0,4$. В данном типе к 2010 г. существенно сократилось число регионов, в ряде из них степень полизначности выросла – в Ульяновской области и Республике Бурятия, но, прежде всего, существенно снизилась этническая мозаичность у восточных «русских» регионов, а так же, согласно официальной статистике, у федеральных городов. Но добавились при этом две национальные республики - Карелия и Тыва - снизвившие степень полизначности.

3. $0,4 \leq \text{ИЭМ} < 0,6$. Данный тип, включающий, прежде всего, республики Поволжья, не претерпел существенных изменений.

4. ИЭМ $\geq 0,6$. Из этой градации исчезли Чечня и Ингушетия, но появились Якутия и Чукотский автономный округ.

Изменения степени полиэтничности российских регионов неразрывно связаны с трансформацией характеристик расселения каждого этноса, прежде всего нерусских народов. Динамика расселения титульных народов Российской Федерации выявляет два основных процесса – территориальная концентрация и территориальная деконцентрация этносов. Первый представляет собой стягивание народов в пределы «своих» национально-территориальных образований, увеличение в них со временем доли от общей численности этноса. Второй, напротив, отражает территориальную экспансию, рассеяние этноса по другим регионам, снижение доли этноса, проживающего в «своей» республике.

За период 1959–2010 гг. территориальная концентрация произошла у большинства сибирских народов – алтайцев, бурят, хакасов и якутов, значительной части европейских народов – калмыков, карел, коми, мордвы, татар, чувашей и у единственного северокавказского этноса – адыгейцев. У всех этих народов существенно сократилась доля в других регионах. Причины территориальной концентрации у разных народов различны. Депопулирующие финно-угорские народы увеличили концентрацию в «своих» автономиях, прежде всего, за счет более значительной естественной убыли в других регионах, все остальные народы – за счет территориального «стягивания».

Территориальная деконцентрация характерна, прежде всего, для северокавказских народов. Ощутимому рассеянию подверглись народы севера Волго-Уральского региона – коми-пермяки, марийцы и удмурты, а так же тувинцы. Характер причин деконцен-

трации народов так же различен. Депопулирующие финно-угорские народы повышают свою концентрацию в соседних экономически более развитых регионах, тогда как незавершившие демографический переход кавказские народы и тувинцы, непрерывно увеличивающие свою численность, находятся по этой причине в стадии территориальной экспансии.

Среди дисперсно расселенных народов, прежде всего евреев, украинцев и белорусов, следует отметить сокращение доли в регионах Сибири и Дальнего Востока и повышение в Москве и Санкт-Петербурге. Закавказские народы сокращают свою долю в местах прежней концентрации – Северном Кавказе – и увеличивают в обеих столицах, Московской области и Ставропольском крае. Рисунок расселения казахов и немцев характеризуется сдвигом на запад. Он трансформируется посредством снижения доли этносов в регионах Восточной Сибири и повышении на Урале и, главным образом, в Поволжье.

Таким образом, трансформация этнической структуры населения России, как и любой другой полиэтничной территории – незавершаемый в пространстве и времени процесс изменения численности народов, территориальных концентраций и деконцентраций, вызванных множеством причин демографического, экономического, политического и др. характера. Анализ этих процессов в конструктивном плане целесообразен для проведения грамотной региональной политики, одним из необходимых условий которой является учет этнического состава населения.

Библиографический список:

1. Белозеров В. С. Этническая карта Северного Кавказа. – М.: ОГИ, 2005. – 304 с.
2. Дегтева Ж.Ф. Трансформация этнической структуры Республики Саха (Якутия) // Региональные исследования. – 2013. – № 1. – С. 80–85.
3. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Динамика демографического воспроизведения популяций коренных малочисленных народов Севера России и ее региональные особенности // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 39–50.
4. Манаков А. Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ. 2002. – 300 с.
5. Медведков А.А. Кеты: таежная культура и традиционное хозяйство в современных социально-экономических и природно-климатических условиях // Региональные исследования. – 2012 – № 4. – С. 142–147.
6. Цветков О.Д. Этнические активисты призвали записываться в «черкесы» // Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. – М., 2011. – С. 118–126.
7. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33–39.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Пилясов А.Н. (Москва)

**ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ
(ОТВЕТ НА СТАТЬЮ П.Я. БАКЛНОВА
«ПРОДОЛЖАЕМ ДИСКУССИЮ»)**

**Pilyasov A.N.
THE HAMBURG ACCOUNT (response to the article P.Ya. Baklanov
“We continue to debate”)**

«Я твердо убежден в полезности моделей, которые важны для нашего разума настолько, насколько копьеметатели были необходимы в войнах каменного века: они значительно усиливают силу и диапазон нашего понимания».

Пол Кругман.

Прошел год с начала нашей дискуссии с П.Я. Баклановым о работах Пола Кругмана. Полемика по поводу новой экономической географии (НЭГ) в этот период вспыхивала на самых разных экономических и географических форумах России (например, на прошедшем в феврале 2013 года суздальском конгрессе Новой экономической ассоциации). Редко какая Нобелевская премия по экономике в последние два десятилетия вызывала такой живой отклик и обсуждение в мировом и российском научном сообществе. И, наверное, это и является самым желанным призом, самой главной удачей, о которой можно только мечтать крупному ученному. Одновременно со спорами по поводу новизны новой экономической географии в российском сообществе региональных экономистов и экономико-географов проходило тестирование моделей П. Кругмана на российском материале и проверка применимости основных выводов его работ 1990-х годов для условий России.

Поэтому вижу целесообразность для нашего научного сообщества в том, чтобы продолжить обсуждение концепции новой

экономической географии на страницах флагманского журнала нашей науки «Региональные исследования». В последней статье моего коллеги П.Я. Бакланова поставлено четыре новых вопроса по работам П. Кругмана, на которые считаю необходимым дать ответ.

1. О соотношении концепции П. Кругмана с работами предшественников – экономико-географов и региональных экономистов по теории и практике размещения (что реально нового внесено им)

П.Я. Бакланов призывает меня «более объективно показать вклад П. Кругмана в теорию экономической географии и размещения производства». Этот вопрос разбивается на несколько частей: идеальные отличия исследований автора в сопоставлении с мировой региональной наукой (региональной экономикой и экономической географией); отличия моделей П. Кругмана от существовавших до него моделей размещения; наконец, новизна работ П. Кругмана в сравнении с исследованиями советской школы экономической географии.

¹ Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 148–151.

Действительно, за десятилетия до П. Кругмана в мировой науке были осуществлены важные прорывы в понимании неравномерностей размещения производительных сил в пространстве (отметим прежде всего работы классиков немецкой школы И. Тюнена, В. Ланхардта, А. Вебера, А. Леша, В. Кристаллера и др.), роли внешней торговли в передислокации основных экономических активов (например, работы Б. Улина). В самой региональной науке У. Айзард еще в начале 1950-х годов увязывал размещение производительных сил с пространственными вариациями цен и издержек основных факторов производства – т.е. теми же самыми факторами, которые присутствуют и в моделях П. Кругмана. Так что же нового тогда внес автор?

Отмечу здесь три существенных аспекта.

Во-первых, работы по размещению производительных сил 1950–1980-х гг. идеино опирались на теорию экзогенного экономического роста Солоу–Свана, который понимался как заданный извне, макроэкономически, «сверху». Может возникнуть вопрос, а какое отношение имеет идеологический выбор теоретиков экономического роста к конкретной проблеме размещения производительных сил в пространстве?

Мне уже приходилось писать о том, что экономико-географы и региональные экономисты, даже когда они не отдают себе отчета в том, что «говорят прозой», несвободны от того мировоззренческого выбора, который в конкретное время сделан в научном сообществе по поводу представлений об основных драйверах экономического роста. Например, споры меркантилистов и физиократов воздействовали даже на героев пушкинского «Евгения Онегина». Интеллектуальное воздействие доминирующей парадигмы, определяющей основные драйверы экономического роста, на научное сообщество, конечно, еще более сильное.

В парадигме экзогенно заданного экономического роста многие вопросы (например, о первоначальных причинах агломерирования субъектов экономической деятельности в пространстве), поставленные впоследствии Полом Кругманом, у региональных исследователей *вообще не возникали*. Это стало возможным лишь после смены парадигмы и утверждения с конца 1980-х гг. теории эндогенного, снизу, изнутри генерируемого, экономического роста Лукаса–Ромера.

В то время как экзогенная теория видит рост подушевого выпуска продукции, как результат внешне заданных увеличений количества труда и капитала при отсутствии внутренних технологических или организационных изменений (нет экономии на масштабе, но только постоянная отдача от факторов производства), эндогенная теория видит экономический рост как результат возрастающей отдачи от внутренних факторов развития (человеческий капитал, агломерационный эффект, предпринимательская энергия и др.). Увеличение труда и капитала здесь способно обеспечить непропорционально больший прирост выпуска. Все дело в лучшем «рецепте», как их смешивать, т.е. в инновациях, перетоках знания, наращивании навыков и производительности труда.

Для большей отчетливости сопоставим подходы пространственных школ до П. Кругмана и самого П. Кругмана к важнейшей проблеме регионального развития – межрегиональным контрастам развития. До него межрегиональные различия объяснялись абсолютно в духе теории экзогенного экономического роста – через национальные макроэкономические модели, которые адаптировались к региональному уровню без сущностных корректировок: свойства самого пространства регионов и никак не влияли на важнейшие макроэкономические параметры, которые генерировали межрегиональные различия.

В этих неоклассических моделях экономического роста основными постулатами были совершенная конкуренция и постоянные издержки, которые не зависят от масштабов производства. Регионы были обречены на сходимость своих ключевых макроэкономических параметров; вопрос состоял только в том, с какой скоростью эта конвергенция будет происходить.

С другой стороны, у П. Кругмана межрегиональные различия являются следствием (в духе парадигмы эндогенного экономического роста) не внешних, макроэкономических, а внутренних, микроэкономических, причин – прежде всего центро-периферийной структурности экономического пространства. Причины и пружины межрегиональных пространственных контрастов развития (где-то пусто, а где-то густо) в моделях новой экономической географии выводятся из свойств самого пространства:

например, от генерируемого изнутри, снизу, агломерационного эффекта. Повторю, в новой экономической географии пространственная неравномерность впервые объясняется при помощи микроэкономического механизма и микроэкономических моделей.

Для простоты докругмановский подход к проблеме пространственных контрастов назовем взглядом «сверху», а подход новой экономической географии – взглядом «снизу».

Во-вторых, до Кругмана развитие мейнстрим экономики, модели которой опираются на совершенную конкуренцию и постоянные издержки на масштабе; и развитие региональной науки, вся сущность которой основана на пространственной неравномерности, т.е. на нарушении условий «нирванной» совершенной конкуренции, происходило абсолютно обособленно. Так вот новизна П. Кругмана для мейнстрим экономистов состояла в том, что он показал неприемлемость моделей совершенной конкуренции к условиям пространственной неравномерности размещения основных экономических активов; а для региональных экономистов – в том, что он продемонстрировал возможность применения моделей экономического равновесия, которые ранее были абсолютны чужды региональной науке именно в силу своей опоры на принципы совершенной конкуренции (когда все производительные силы размещены в пространстве нирванно-равномерно), к объяснению причин центро-периферийных контрастов, агломерационного эффекта и в целом – пространственных различий в экономическом развитии стран и регионов.

В отличие от неоклассических моделей экономического роста на постоянных издержках и совершенной конкуренции, где рассматривалась только сходимость макроэкономических показателей регионов, в моделях новой экономической географии, основанных на моделях несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи, возможны как схождения, так и расхождения экономических параметров развития регионов. И это вторая область различий, т.е. то новое, что привнес П. Кругман в доминирующие ранее представления.

Наконец, в-третьих, П. Кругман предложил модельный аппарат для описания того, как эволюционно складываются центро-периферийные контрасты, как незначительные

стартовые различия в природных или экономических условиях между соседними территориями с годами, под влиянием снежного кома возрастающей отдачи и кумулятивной причинности, могут привести к значительным расхождениям в развитии. Никто из экономистов поколения Кругмана не увидел, что центро-периферийная дилемма – прекрасное поле для экономико-математического моделирования (хотя И. Тюнен это понимал еще в начале XIX в., однако тогда еще не существовало тех «ингредиентов», которые стали краеугольными камнями для моделей Кругмана).

Эволюционные модели рождения и усиления центро-периферийных разломов в пространстве, придуманные П. Кругманом, быстро стали основой для нового, более строгого, формализованного объяснения общизвестных фактов экономической истории: например, последствий промышленной революции, когда произошел переход от более равномерной экономической специализации к существенно контрастной. Территории, раньше развитые промышленно, приняли от своих сельских соседей активные трудовые ресурсы, а затем принудили их специализироваться на сельском хозяйстве, порой даже за счет того, что те утратили даже зародыши своей прежней промышленной специализации и превратились в аграрную колонию. То есть можно зафиксировать расширение использования базовой центро-периферийной модели Кругмана за пределы той области, для которой она первоначально создавалась.

Конечно, и до Кругмана существовали модели размещения экономической деятельности в пространстве. Нам из студенческих курсов известны центро-периферийная модель изолированного государства И. Тюнена, модели «немецкой геометрии» в виде кристаллеровских решеток, блестящие работы А. Вебера, А. Леша и других представителей немецкой школы пространственной науки. С другой стороны, в классической экономике были предложены модели равномерного распределения экономической деятельности в пространстве, основанные на принципах совершенной конкуренции и постоянной отдачи.

Каждой из этих групп моделей были присущи свои встроенные недостатки. В модели И. Тюнена существования центрального городского рынка хорошо было

продемонстрировано влияние центробежных сил, но не было предложено объяснения, а что формирует сами центры. Стало понятно, как экономическая деятельность распространяется от центра, но не причины ее концентрации в нем.

В моделях кристаллеровских решеток описывалась иерархия центральных мест, вокруг которых возникали свои рыночные зоны. Однако было неясно, кто именно принимает здесь решения по размещению, какова структура рынка в этом случае. Модели В. Кристаллера были скорее моделями организации городских систем, но не экономическими, потому что не использовали аппарат и инструментарий классической экономики. Условия несовершенной конкуренции здесь неявно подразумевались, но никак не были описаны в модели.

В моделях классической экономики размещение производительных сил рассматривалось исключительно в рыночной среде. По умолчанию предполагалось, что речь идет о среде совершенного конкурентного рынка. Однако это ведь далеко не единственная структура рынка! Есть еще структуры несовершенной, монополистической конкуренции, монополии. В реальной жизни в пространстве преобладают как раз структуры несовершенной конкуренции, которые и создают неравномерный рисунок размещения производительных сил в пространстве. Однако экономисты никогда не рассматривали в своих моделях условия размещения производительных сил в среде несовершенного рынка (в советских моделях размещение рассматривалось в условиях огосударствленной, т.е. тотально нерыночной пространственной среды).

Достижением П. Кругмана стало то, что он достроил, привнес недостающие элементы в эти, уже существовавшие до него, модели размещения экономической деятельности в пространстве. Он интегрировал в моделях НЭГ центр-периферийную модель И. Тюнена, модель несовершенной конкуренции Диксита-Стиглица, модель тающего айсберга в процессе его транспортировки в пространстве Самуэльсона (когда только часть товаров достигает места назначения) и тем самым преодолел встроенные недостатки и ограничения ранее существовавших до него моделей.

И еще один важный момент. До Кругмана никогда в такой степени размещение пред-

приятий в пространстве не было объектом моделирования в координатах «а что, если». Нет, конечно, в неформализованных кейсах на эти вопросы исследователи давали ответы уже давно. Но в моделях размещения такая постановка вопросов не была принята. Это в большей степени было правилом игры для экономических моделей.

Приведем в этой связи высказывание самого П. Кругмана: «У меня нет проблем с людьми, которые исследуют местную специфику ... Но новая экономическая география была спроектирована, чтобы привлечь внимание экономистов майнстрима... А ключевая часть того, что майнстрим-экономисты хотят от своей профессии – это быть способными давать полезные ответы... Более широко, что экономисты майнстрима хотят, это способность отвечать на вопросы «а что если»: если что-то было другим, как это бы изменило экономические результаты? Это как раз тот тип вопросов, на которые почти по определению невозможно ответить, если ваш подход подчеркивает уникальность каждого отдельного случая и специфику истории. Но это именно тот тип вопросов, на которые новая экономическая география намеревается давать ответы» [1].

Значит, если раньше на вопросы «что, если?» в размещении производительных сил отвечали преимущественно неформализованным образом, через разбор конкретных, уникальных кейсов, то теперь в моделях НЭГ ответ на них приобрел существенно большую строгость и формализованность.

Модели П. Кругмана можно критиковать за их грубую простоту, недоучет постиндустриальных факторов, факторов гетерогенности и т.д. Однако при этом даже его критики признают, что это уже новое поколение моделей размещения в пространстве, которые преодолевают недостатки предшествующих, но при этом, конечно, и сами обладают новыми недостатками и уязвимостями. И это абсолютно нормально.

Теперь о том, что нового привнес П. Кругман в сопоставлении с достижениями советской экономической географии. Сразу скажу, что лобовым образом отвечать на этот вопрос некорректно. Почему? Да потому, что отличия работ П. Кругмана от работ экономико-географов советской школы имеют *производный* характер от общих различий зарубежной и советской школы

пространственных исследований. Вопрос упирается в фундаментальные отличия зарубежной и советской школ региональной науки. Первая была ориентирована на учет потребностей рыночной экономической системы, а вторая – административно-командной, плановой системы.

Здесь я не согласен с позицией моего оппонента: «...Я глубоко убежден, что нет науки, в данном случае, экономической географии, российской и западной, советской и рыночной. Есть наука – как получение новых знаний...» [2]. Признавая существование единой мировой общественной науки, в том числе науки о пространстве (или региональной науки), мы обязаны при этом диалектически учитывать фундаментальные различия развития общественной науки в плановой экономической системе СССР и в рыночной экономической системе Западной Европы и США, на что неоднократно обращали внимание крупные советские ученые, в том числе, например, лауреат Нобелевской премии П.Л. Капица [3]. Эти отличия очень четко обозначены в учебнике А.Г. Гранберга:

Можно ли сопоставить теоретический уровень западной и советской школ региональной экономики? ... мы можем вполне уверенно констатировать существенные различия в подходах к построению теории и в назначении теории.

Во-первых, в отличие от традиций западных теорий размещения и пространственной организации хозяйства, отправными моментами которых являются абстрактные ситуации, аксиоматика, простые математические модели, советская школа в большей степени ориентировалась на обобщение эмпирики и решение задач, поставленных практикой.

Во-вторых, если западные теории концентрируют внимание на рациональном поведении экономических субъектов (домашних хозяйств и фирм) в экономическом пространстве, то советские теории были исключительно нормативными, т.е. искали решения вопросов: где в интересах единого народнохозяйственного комплекса необходимо размещать новые производства, куда нужно перемещать население, какие новые регионы необходимо осваивать? [4]

Различия в природе самого феномена размещения, как totally огосударствленного централизованного в советском случае и как

рыночного, более самоорганизационного и децентрализованного в западном, определяют невозможность «любового» сопоставления работ П. Кругмана и работ советских региональных экономистов и экономико-географов. Законы размещения в рыночной и огосударствленной среде существенно различаются и по-разному описываются – даже при сходстве экономических эпох (например, в одну и ту же индустриальную эру).

2. Было ли совмещение национального экономического роста и размещения производительных сил в до-кругмановских моделях?

Мой оппонент уверенно заявляет о том, что в системе межотраслевых межрайонных моделей советской экономики 1970–1980-х гг. связи между размещением производительных сил и национальным экономическим ростом «кулавливались». Однако факты свидетельствуют о другом.

Модели советских региональщиков (в том числе А.Г. Гранберга) были калькой, продолжением национальных моделей, их экстраполяцией на региональную почву, без сущностной корректировки на специфику свойств пространства конкретного региона. Неслучайно учебник А.Г. Гранберга назывался моделирование социалистической (а не региональной) экономики [5].

В послевоенные годы очень немногие экономисты (прежде всего Ф. Перру и Г. Мюрдал) нарушили эту традицию и предлагали модели развития регионов, которые качественно отличались от национальных. Неслучайно их интеллектуальный поиск шел, как и у П. Кругмана, вокруг факта неравномерности, как основы структурности экономического пространства, как его сущностной характеристики. Это кажется банальным, однако мало кто из послевоенного поколения экономистов мира был способен модельно увязать свойства «шершавости» местного пространства и национальный экономический рост, видел связи между разной структурностью «малого» пространства регионов и различиями в экономическом росте в «большом» пространстве страны.

Одним из результатов новой экономической географии как раз и является понимание, что меры местной (региональной) политики, направленные на изменение свойств малого пространства, на сокраще-

ние внутрирегиональных различий, например, путем расширения экономической деятельности на новые ареалы, на деле могут даже затормозить национальный экономический рост. Рискну сказать, что никогда ранее, до новой экономической географии, так отчетливо в моделях не была показана ключевая роль, которую играют регионы и города в национальном экономическом росте и конкурентоспособности. И абсолютно неслучайно в рамках ежегодной апрельской экономической конференции Высшей школы экономики этого года был организован круглый стол «Могут ли регионы стать драйверами национального экономического роста?». Такой вопрос в советское время, когда рост рассматривался как феномен, генерируемый исключительно сверху, от национального центра, просто не мог стоять.

Какие «модельеры» советского времени увязывали степень пространственной агломерированности региональной экономики и национальный экономический рост? Не было таких ученых! Сегодня эти связи, в духе новой экономической географии, рассматриваются в такой схеме: пространственные агломерации – локализованные самоусиливающиеся позитивные экстерналии (например, перетоки знания) – рост инноваций и производительности труда – национальный экономический рост.

3. Что является подлинным источником возрастающей отдачи и почему ее труднее моделировать, чем убывающую или постоянную?

Споря со мной, Петр Яковлевич Бакланов в своей статье пишет: «Почему возрастающую отдачу значительно труднее моделировать, чем постоянную или убывающую отдачу? Математически это одно и то же». Абсолютно нет! И это хорошо известно даже студентам экономических вузов.

Наглядным доказательством здесь может служить история развития этих экономических представлений. Законы убывающей и возрастающей отдачи характеризовались в фундаментальной работе А. Маршалла «Основы экономической науки» еще в начале XX в. Математическая модель постоянной (и убывающей) отдачи была разработана во второй половине XIX в. в моделях рыночного равновесия Л. Вальраса. Понятно, что

совершенная конкуренция означает постоянную отдачу от масштабов производства.

Однако модели совершенной конкуренции не работают для размещения в пространстве! Ведь они означают абсолютно равномерное (гомогенное) распределение экономической активности по территории, что в реальности есть несусветная чушь. Реальное пространственное распределение экономической деятельности всегда есть неравномерность, центр-периферийность, агломерированность, гетерогенность.

С позиций постоянной или падающей отдачи невозможно модельно объяснить феномен пространственной агломерации, неравномерности. Поэтому десятилетиями пространство оставалось «последним рубежом» экономического моделирования, который все никак не мог быть взят. И только после того, как были предложены модели несовершенной конкуренции Диксита–Стиглица, появился, наконец, инструмент, способный совладать с базовым свойством экономического пространства, которое выражается в его неравномерности.

Разве почти столетний интервал между разработкой модели постоянной (падающей) отдачи в виде совершенного конкурентного рынка и модели возрастающей отдачи в виде модели рынка несовершенной конкуренции не является доказательством того, что вторая модель существенно сложнее, чем первая?

В работах Кругмана четко разведены факторы развития первой и второй природы – именно по критерию падающей и возрастающей отдачи. Для факторов первой природы, например, природных ресурсов, характерны эффекты падающей отдачи: чем больше добываемого и того же ресурса из данного месторождения, земельного участка и т.д., тем меньше оказывается последующий результат (урожай) при одном и том же усилии (затратах). Это созвучно пессимистической мальтизианской перспективе: ресурсов на всех не хватит, поэтому механизмы сокращения численности населения полезны.

С другой стороны, для рукотворных факторов второй природы, например, человеческого капитала, инновационной, творческой деятельности характерны иные зависимости: покуда у нас будет сообразительность и талант изобретательства, нам всегда будет хватать ресурсов. Потому что талантливые, творческие люди подпитывают друг друга

своей энергией, потому что на сложении их усилий возникает синергия возрастающей отдачи, которая больше просто суммы отдельных усилий. С 1970-х гг. революция возрастающей отдачи последовательно преобразовала теории международной торговли, потом экономического роста, а с начала 1990-х гг. – и нашу науку, экономическую географию. Неслучайно, по словам П. Кругмана, его самая любимая из написанных работ – это коротенькая «Возрастающая отдача и экономическая география». В этой статье показано, как революция открытой для моделирования возрастающей отдачи, дойдя до экономической географии, вызывает в ней переосмысление прежних феноменов размещения производительных сил в пространстве.

4. Много ли общего в работах П. Кругмана и П. Бакланова?

Прежде всего отмечу, как поменялся тон дискуссии у моего оппонента – от неприятия работ Кругмана к попытке солидаризоваться с ним и многими его представлениями. Во второй статье-отклике Петра Яковлевича Бакланова все меньше споров собственно с представлениями П. Кругмана и все больше разговора о своем личном вкладе в советскую экономическую географию в контексте работ П. Кругмана: «...в работах П. Кругмана и моих много общего, сходного, чего, к сожалению, не хотят видеть некоторые мои коллеги-оппоненты, в том числе и А.Н. Пилясов» [2].

Что ж, примем этот вызов и поговорим о позиции и работах П.Я. Бакланова в контексте новой экономической географии П. Кругмана. Прежде всего, отмечу неоднократные противоречия, непоследовательности в позиции моего оппонента в его первой и второй статьях – откликах на мой обзор новой экономической географии. Сначала Пол Кругман предстает как захватчик чужой территории, потом – что «нобелевскую премию за компилиативные работы не дают». Сначала обида за недооценку вклада советской школы, потом – попытка от нее обособиться. Такая «дрейфующая» позиция по принципиальным вопросам нашей дискуссии у меня вызывает сожаление.

Думаю, что противопоставление (или обособление) себя советской школе неверно: «это, хочу подчеркнуть, не советская тради-

ция, это – разработанная мною теория пространственных систем производства». Мы все продукты этой школы, которая нас выучила, и несем в себе ее достоинства и недостатки. И этого совершенно не нужно стесняться!

Для доказательства сходства своих работ и работ П. Кругмана Петр Яковлевич Бакланов перечисляет свои многочисленные исследования по размещению производительных сил. Однако количество и сходство исследовательских сюжетов, которые разрабатывают П. Кругман и П. Бакланов, абсолютно не может использоваться как аргумент сходства их исследовательских концепций и теорий.

Думается, что в год юбилея В.И. Вернадского немного рассуждений по поводу законов развития науки может быть полезным, особенно для молодого поколения российских экономико-географов и региональных экономистов. Каждый из нас в течение своей научной жизни разрабатывает десятки исследовательских сюжетов и совершает при этом свои микрооткрытия. Однако всемирную известность приносит только то, что становится исключительно нужным, востребованным для всего научного сообщества и его дальнейшего интеллектуального движения.

Признание в научном сообществе приходит не по сюжетам, их многообразию, глубине проникновения, но по тому, что их понимание, инструмент их изучения оказались исключительно полезными для научного сообщества, конструктивными и плодотворными для его представителей. Косвенно об этом можно судить по индексам цитирования. А здесь Кругман своей тоненькой книжкой «География и торговля» 1991 г. (8807 ссылок по данным системы Гугл-Академия на 5.05.2013) опережает нас всех на два порядка.

Что сделало эту маленькую книгу такой привлекательной? Это ее неформальная (интуитивная) презентация основных вопросов экономической географии и сопряженных с ней областей научного знания. В книге 1995 г. «Развитие, география и экономическая теория» П. Кругман делает шаг дальше и исследует общие методологические вызовы, которые встречают география и развитие. Он абсолютно четко объясняет, почему проблема структуры рынка держала две эти области в течение долгого времени на периферии мейнстрим экономики.

Теперь я хотел бы ответить на некоторые более частные вопросы, поднятые моим оп-

понентом. П.Я. Бакланов упрекает меня в том, что я не знаю его работ 1970-х гг.: «...к сожалению, А.Н. Пилясов, видимо, недостаточно знаком с основным содержанием этих моих работ, в которых сказано про среду комплексирования... Первичным объектом в процессе размещения производства является размещение не отдельного предприятия или фирмы, а формирование пространственной структуры (системы), состоящей из самого предприятия и пространственно-временных поставок ресурсов и сбыта готовой продукции в соответствии со спросом... Я впервые предложил выделять элементарную пространственную систему в виде единичного производства (единицы однородной продукции или услуг) – как некоторую расчетную, операционную единицу».

Но в такой же степени и я могу упрекнуть П.Я. Бакланова в том, что он не знаком с работами А. Маршалла 1920 г., в которых говорится, по сути, о том же – о среде комплексирования, о промышленной атмосфере, о важности учета не отдельного предприятия, а всей совокупности локализованных и взаимодействующих производственных объектов. В этой связи могу лишь процитировать моего оппонента: «Наука есть наука – если где-то что-то было открыто, выдвинуто, сформулировано до тебя, даже если в другой стране и на другом языке – ты должен считаться с этим».

Петр Яковлевич задает вопрос, почему существует у наших зарубежных коллег микроэкономическая традиция моделировать поведение фирмы (в том числе в новой экономической географии теперь и пространственное), а не пространственного комплекса/кластера взаимодействующих фирм? Эта традиция идет от аукционщика из моделей Л. Вальраса. Именно фирма является исходным объектом микроэкономического моделирования, основой микроэкономики, потому что нужно показать и увидеть ее реакцию на ценовые сигналы рынка. Это труднее на уровне комплексов и кластеров фирм.

Петр Яковлевич Бакланов не согласен с моим утверждением, что в основе создания кластеров лежит агломерационный эффект и пишет: «...а где конкуренция и стремление к выходу фирм, компаний на большие рынки?» Дело в том, что конкуренция не есть особенность кластеров, это свойство характерно для многих фирм. Однако особенностью

кластерных фирм является их способность к сотрудничеству друг с другом, стремление получить эффекты возрастающей отдачи и укрепить свою конкурентоспособность за счет этого. Я писал не обо всех чертах кластеров, а только о тех, которые составляют их «лица необщее выраженье».

В заключение хочу сформулировать семь уроков новой экономической географии для развития нашей науки, российской экономической географии и нового поколения ее представителей.

1. Нужно укреплять интеграцию экономической географии и теории размещения производительных сил, что было характерно и являлось сильной чертой советской экономической географии. Российские экономико-географы забросили работы по размещению. Так вот, Пол Кругман говорит нам: продолжайте усилия, не бросайте это непаханое поле для амбициозных исследователей!

Нужна ясность по поводу того, что остается, а что уходит в теории размещения, ввиду нашего перехода от плановой экономики к рыночной. При возникшей рыночной реальности сохраняются фундаментальные для экономической географии вопросы географического (территориального) разделения труда, территориальной специализации, локализованной взаимообусловленности различных фирм и предприятий и др. Требуется понимание общего и особенного (факторов, закономерностей) в размещении отдельных производственных объектов, например, малых и крупных фирм.

2. Плотнее должна быть интеграция экономической географии и городской экономики. В практической плоскости она у нас уже есть, но нужна концептуальная интеграция. Целостный курс городской экономики не преподается в университетских циклах экономической географии, освещаются лишь отдельные его куски в виде, например, концепции глобальных городов. Между тем он жизненно необходим современным российским экономико-географам (например, основополагающие работы Б. Алонсо по городской земельной ренте, представителя новой экономической географии М. Фьюджиты, также Р. Капелло, С. Сассена и др.). Налицо парадокс – экономико-географы, выпускники МГУ, в возрастающем количестве трудоустраиваются в различных структурах городской экономики, а им преподают тради-

ционные основы градостроительства и районной планировки.

3. Необходимо теоретическое осмысление эффектов пространственных экстерналий на размещение производительных сил, поведение инвесторов, сдвиги в территориальных структурах на региональном и местном уровнях. Первые попытки в этом направлении уже осуществляются, что показали доклады суздальского конгресса «Новой экономической ассоциации». Но требуется активизация усилий и наращивание числа эмпирических работ в этой области экономико-географического знания. Различные пространственные экстерналии должны стать приоритетным объектом экономико-географического исследования.

4. Структура отраслевых рынков имеет значение для нашей науки. Ее нужно изучать в курсах экономической географии. Монополистические и конкурентные рынки характеризуются разными типами размещения производительных сил в пространстве. И наоборот, формы пространства и размещения создают условия для определенной структуры отраслевых рынков: либо высоко монополизированной, либо более конкурентной. Важно знать и понимать, как свойства пространства, наряду с экономической специализацией, создают предпосылки для возникновения той или иной структуры отраслевого (или регионального) рынка.

5. Концепция новой экономической географии является ярким примером, как новое знание в современных условиях рождается на сборочной платформе из модулей ранее хорошо известных феноменов (как говорит сам П. Кругман, для НЭГ – это «Диксит-Стиглиц, айсберги, эволюция и компьютерное моделирование»). Нам нужно учиться технологиям этой новой рекомбинантной сборки из известных блоков нового знания во имя динамичного развития нашей науки. Здесь помощником может выступить проектный подход, как раз и ориентированный на временное плотное комплексирование (взаимодействие, коммуникацию) носителей разного знания, разных компетенций во имя прорывных открытий.

6. Как можно судить по устным откликам на нашу дискуссию с П.Я. Баклановым?

Для многих представителей нашего сообщества наиболее интересен вопрос соотношения экономико-географического и эко-

номического знания в современном развитии нашей науки: что и сколько нужно привносить экономического, чтобы повысить жизнеспособность нашей науки, но одновременно не потерять ее силу комплексного, географического, пространственного подхода, как обеспечить эту диалектику, это единство противоположностей? Это крупный вопрос – какое должно быть сформировано отношение у молодых экономико-географов к экономическому знанию, сколько его должно быть в их теоретическом арсенале и какое именно оно должно быть?

7. Наконец, последний урок связан с советами из творческой лаборатории самого П. Кругмана, которые он изложил в кратком интернет-очерке «Как я работаю». Приведу некоторые выжимки из него. «Выжимание последней капли из гипотез, которые на сегодняшний день кажутся естественными только потому, что их ранее использовали в нескольких сотнях научных работ, не является добродетелью. Если новая группа гипотез обещает нам новое понимание предмета, то не имеет большого значения, кажутся ли они кому-то глупыми или нет. Однако мой совет не бояться казаться глупым не означает выдачу индульгенции на отсутствие дисциплины. Совсем наоборот: исследование по-настоящему инновационных теорий требует гораздо больше интеллектуальной дисциплины, чем работа с общепринятыми мнениями. Труднее всего не потерять след: поскольку территория незнакома, очень легко заблудиться и ходить кругами. Когда-то Кейнс написал, что «...удивительно, в какие только глупости может на время поверить тот человек, который мыслит в одиночестве». Также важно делиться своими идеями таким образом, чтобы их легко поняли те люди, которые не провели последние несколько лет в сражениях с вашими проблемами, и вовсе не желают тратить на понимание ваших идей то количество времени, которые вы сами потратили на достижение такого понимания».

Я вспоминаю Аляску, Анкоридж 1995 г., когда начал впервые знакомиться с работами Пола Кругмана. Помню то сильнейшее впечатление от его парадоксального стиля мышления, интеллектуальной независимости и незашоренности (прежде всего, конечно, по работе «Миф об азиатском чуде»). Это было еще за 13 лет до присуждения ему Нобелевской премии по экономике. Мы не должны

изучать его работы, потому что он получил этот шведский подарок. Нет, официальная статусная иерархия в научном сообществе не играет здесь роли. Он значим для сообщества региональных ученых по гамбургскому счету, по своему реальному вкладу в обогащение научных представлений наших коллег в экономической географии и региональной экономике.

Хочу выразить благодарность моему партнеру по дискуссии Петру Яковлевичу Бакланову. Рождение новых мыслей возникало даже не столько в результате чтения, но раз-

мышления над словами оппонента (а почему он *tak* мыслит?). Мы едины с П.Я. Баклановым в общей попытке разобраться в путях будущего развития нашей науки, куда и как ей идти с усилением, во имя укрепления интереса молодого поколения исследователей, за счет чего, и где здесь место новой экономической географии. Это особенно важно накануне 54 Конгресса европейской ассоциации региональной науки (Санкт-Петербург, 26–29 августа 2014 г.), в котором как главный ученый секретарь приглашаю всех принять участие.

Литература:

1. Martin Ron, Sunley Peter. The New economic geography and policy relevance // Journal of Economic Geography. – 2011. – Vol. 11. – P. 357–369. – P. 366.
 2. Бакланов П.Я. Продолжаем дискуссию // Региональные исследования. – 2012. – № 4. – С. 148–151.
 3. Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. – М.: Наука, 1981. – 496 с.
 4. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ. 2000. – 495 с. – С. 77–78.
 5. Гранберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. – М.: Экономика, 1988.
-
-

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

*Георгию Михайловичу
Лаппо – 90 лет!*

18 апреля 2013 г. исполнилось 90 лет со дня рождения видного отечественного экономико-географа, участника Великой Отечественной войны, доктора географических наук, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки РФ, профессора **Георгия Михайловича Лаппо**.

Георгий Михайлович родился в 1923 г. в г. Льгове Курской области, его детство прошло в Курской и Воронежской областях. После окончания средней школы он поступил в Московский институт химического машиностроения, где проучился всего год. В годы Великой Отечественной войны Георгий Михайлович был призван в действующую армию, где служил стрелком-радистом в 3-й Отдельной авиационной дивизии связи. Это соединение осуществляло связи с осажденными городами, с партизанскими отрядами, частями, попавшими в окружение; впоследствии главной задачей стало осуществление связи Ставки Верховного главнокомандующего и Генерального штаба Красной Армии со штабами фронтов и армий. Восенные заслуги Георгия Михайловича отмечены орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны II степени», медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и др.

Демобилизовавшись из армии в мае 1946 г., Георгий Михайлович не сразу оставил свою военную профессию, продолжив работать бортрадистом в аэросъемочном отряде Московского Аэрогеодезического предприятия ГУГК при Совете Министров СССР. Его деятельность в авиации в мирное время была отмечена медалью «За трудовое отличие» и ведомственным знаком «Почетный радист СССР».

Георгий Михайлович увидел свои объекты будущих исследований – города – в буквальном смысле слова «с воздуха». Это определило его дальнейшую судьбу: в 1947 г. он поступил на заочное отделение географического факультета МГУ по кафедре экономической географии СССР, продолжая работу в аэросъемочном отряде. По окончании университета Георгий Михайлович был оставлен в очной аспирантуре кафедры, его научным руководителем стал проф. Ю.Г. Саушкин.

Свою профессиональную деятельность после окончания географического факультета МГУ Г.М. Лаппо начал как инженер-проектировщик в НИИ градостроительства и районной планировки Академии строительства и архитектуры СССР, где проработал семь лет, защитив в этот период в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Города Московской области».

По приглашению Ю.Г. Саушкина в 1964 г. Георгий Михайлович вернулся на родную кафедру географического факультета, где проработал более пяти лет, активно занимаясь преподавательской деятельностью в должности доцента: им был поставлен курс «География городов с основами градостроительства», изданный в качестве учебного пособия в 1969 г., он руководил курсовыми и дипломными работами студентов, ездил в качестве одного из руководителей на учебные практики со студентами 2-го курса.

В 1969 г. начался почти сорокалетний период деятельности Георгия Михайловича в Институте географии АН СССР (позднее – РАН), связь с которым не прекращается и после его выхода на пенсию.

Через несколько лет после перехода в Институт географии, Георгий Михайлович возглавил отдел экономической географии, коллектив которого проработал под его руководством более 20-ти лет.

Посвятив значительную часть своей жизни научной деятельности, Георгий Михайлович стал признанным авторитетом в области социально-экономической географии. Он многое сделал в изучении процессов урбанизации и географии городов нашей страны. Его исследования по опорному каркасу расселения служат одной из основ современной геоурбанистики. Определенная им роль и значение городских агломераций в системе расселения СССР служила и служит базой для многих проектных работ. Эти фундаментальные идеи нашли свое отражение в многочисленных монографиях и учебниках, в т.ч.: «Развитие городских агломераций в СССР» (1978), «Города на пути в будущее» (1987), «География городов» (1997), которые входят в золотой фонд географической науки.

Общественно-научная деятельность Георгия Михайловича также многогранна и плодотворна. На протяжении 28-ми лет он был бессменным председателем специализированного (позднее – диссертационного) совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Институте географии, был членом экспертного совета по наукам о Земле ВАК СССР, заместителем председателя Ученого совета Института географии РАН.

Особая страница биографии Георгия Михайловича связана с Географическим обществом СССР (позднее – РГО). Вступив в члены Общества в 1954 г., он вел активную работу в рамках Московского филиала ГО СССР в целом, его отделений и комиссий, связанных с социально-экономической географией. В 1982 г. С.А. Ковалев именно Георгию Михайловичу передал эстафету председателя редколлегии серии научных сборников МФГО СССР «Вопросы географии». Его деятельность в Географическом обществе была отмечена званием «Почетный член Географического общества СССР».

Занимаясь научной деятельностью в Институте географии, Георгий Михайлович не прекращал и педагогическую работу. Его лекции имели удовольствие слушать студенты Московского, Башкирского, Краснодарского, Ташкентского, Смоленского, Мордовского и других университетов страны. Смоленский гуманитарный университет, в становлении которого Георгий Михайлович принял самое активное участие, в 2002 г. присвоил ему звание «Почетного профессора СГУ».

Георгий Михайлович – признанный популяризатор географических знаний. Его многочисленные статьи и заметки о больших и малых городах, в том числе в различных изданиях для школьников и учителей, соседствуют с объемными сюжетами в известных географических сериях «Советский Союз», «Страны и народы», энциклопедиях для школьников и др. Георгий Михайлович – инициатор издания и главный редактор энциклопедии «Города России» (1994).

Совсем недавно вышло капитальное научно-популярное издание «Города России. Взгляд географа» (2012), являющееся своеобразным продолжением известной книги «Рассказы о городах» (1976). В нем как всегда Георгий Михайлович ярко и содержательно показал многообразие городов как отдельных образований, их своеобразие и многогранность.

Георгий Михайлович – крупный ученый, блестящий педагог, заслуженный практик. Служа на ниве географии, он активно передает свои знания и идеи молодым поколениям географов, которые развивают и продолжают идеи, заложенные ученым. И в то же время Георгий Михайлович – не живой памятник самому себе. Он привлекает всех, кто хоть раз общался с этим выдающимся географом нашего Отечества. Привлекает своим чувством юмора, самоиронией, добротой, отзывчивостью и принципиальностью.

Редколлегия

*Сердечно поздравляем Георгия Михайловича
с Юбилеем, желааем здоровья,
новых книг, статей и оптимизма!*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Екатерина Анатольевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии зарубежных стран географического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.
E-mail: antipovaekaterina@gmail.com

Бочарников Владимир Николаевич – доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: vbocharnikov@mail.ru.

Бубякин Владимир Иванович – с.н.с. отдела пространственной организации экономики Научно-исследовательского института региональной экономики севера СВФУ им. М.К. Амосова, г. Якутск.
E-mail: irespoe@rambler.ru

Голичев Владимир Дмитриевич – кандидат педагогических наук, профессор, директор Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

Голичева Наталья Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.
E-mail: alexdru@ctsnet.ru

Заволокина Людмила Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента и внешнеэкономической деятельности предприятий факультета мировой экономики, финансов и страхования Академии труда и социальных отношений, г. Москва.

Земцов Степан Петрович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: sprzemtsov@gmail.com

Зырянов Александр Иванович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма Пермского государственного университета. E-mail: ziryanov@psu.ru.

Кожевникова Галина Павловна – доктор физико-математических наук, профессор кафедры высшей математики и статистики Финансового университета при Правительстве РФ.

Могилевцев Данила Андреевич – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени им. М.В. Ломоносова. E-mail: danila.mogilevtsev@gmail.com.

Орлов Александр Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и методики обучения географии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. E-mail: yorlov68@yandex.ru

Петраков Александр Геннадьевич – магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.
E-mail: a_petrakov@yahoo.com

Пилисов Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, председатель российской секции Европейской ассоциации региональной науки. E-mail: pelyasov@mail.ru

Пирожник Иван Иванович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии зарубежных стран географического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.
E-mail: ipirozhnik@hotmail.com

Пономарева Галина Афанасьевна – к.э.н., доцент, в.н.с. отдела пространственной организации экономики Научно-исследовательского института региональной экономики севера СВФУ им. М.К. Амосова, г. Якутск.
E-mail: ponogal@mail.ru

Ридевский Геннадий Владимирович – кандидат географических наук, доцент, заведующий региональным центром по Могилёвской области Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. E-mail: ridgeo@yandex.ru.

Русанова Марина Викторовна – старший преподаватель кафедры финансов, экономики и управления Смоленского гуманитарного университета.

Смирнова Регина Николаевна – аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Степанов Александр Михайлович – аспирант кафедры макроэкономического регулирования и планирования экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: amstepanov@econ.msu.ru

Тодиева Мария Владимировна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: m.todieva@yandex.ru

Федоров Геннадий Михайлович – доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград.

Хлыпалов Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета. E-mail: vkh12006@mail.ru.

Шеломенцева Марина Владимировна – старший преподаватель Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ
МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими требованиями:

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки представляются файлами в черно-белом варианте (grayscale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *pdf., *tif., *jpg., *psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенные для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редакторской коллегии и редакции.

Редакция